
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00066226 2

Карлъ Бюхеръ.

Возникновеніе народнаго хозяйства.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ И ОЧЕРКИ.

Переводъ съ 5-го (значительно исправленнаго и дополненнаго) нѣмецкаго изданія 1906 г.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

Приватъ-доцента С.-Петербургскаго Университета

І. М. Кулишера.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Карлъ Бюхеръ.

Возникновеніе народнаго хозяйства.

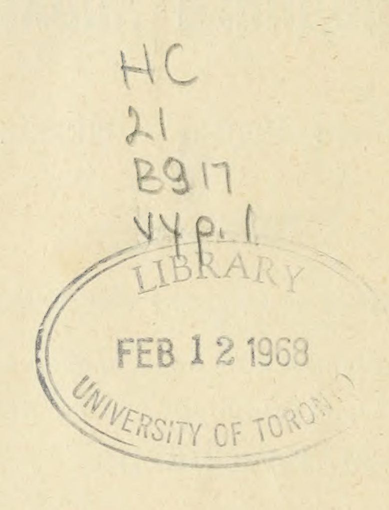
ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ И ОЧЕРКИ.

Переводъ съ 5-го (значительно исправленнаго и дополненнаго) нѣмецкаго изданія 1906 г.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ
Приватъ-доцента С.-Петербургскаго Университета
І. М. Кулишера.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., домъ № 34.

Предисловіе къ русскому переводу.

Книга Бюхера, вышедшая первымъ изданіемъ въ 1893 г., успѣла съ тѣхъ поръ уже выдержать въ Германіи пять изданій. Она пользуется заслуженной популярностью въ качествѣ пособія при прохожденіи въ университетахъ какъ теоретической политической экономіи, такъ и исторіи экономическаго быта. Она получила широкое распространеніе и среди читающей публики вообще и считается прекраснымъ руководствомъ, которое сразу вводитъ in medias res, даетъ ясное представленіе о томъ, что представляетъ собою экономическая наука и въ чемъ заключаются ея задача и методъ изслѣдованія, и въ то же время научаетъ людей „экономически мыслить", какъ выражаются нѣмцы. Сочиненіе Бюхера несомнѣнно должно вызвать любовь и интересъ къ экономическимъ вопросамъ въ каждомъ, кто его добросовѣстно изучитъ, должно пробудить желаніе къ дальнѣйшимъ занятіямъ въ этой области.

Но и въ наукѣ ея значеніе велико. На нѣсколькихъ весьма яркихъ примѣрахъ Бюхеръ установилъ тотъ методъ, котораго слѣдуетъ придерживаться при выясненіи экономическихъ институтовъ и явленій и въ то же время наглядно показалъ, какіе плодотворные результаты должны получиться при такомъ способѣ изслѣдованія, создавъ новую теорію какъ экономической эволюціи вообще, такъ и развитія отдѣльныхъ сторонъ хозяйственной жизни въ частности. Новая терминологія Бюхера, его періодизація хозяйственной жизни, классификація формъ промышленности, раздѣленія и

*

соединенія труда и т. п. весьма скоро стала достояніемъ науки и въ настоящее время всѣ эти внесенныя имъ новшества повторяются въ научныхъ изслѣдованіяхъ, какъ нѣчто обычное, общепринятое.

Очеркъ подъ названіемъ „Возникновеніе народнаго хозяйства“ (третій), является центральнымъ въ сочиненіи Бюхера и онъ далъ названіе всей книгѣ. Устраняя прежнія расплывчатыя классификаціи періодовъ хозяйственной жизни, Бюхеръ установилъ новую, ставшую вскорѣ общеупотребительной, періодизацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выяснилъ въ этомъ очеркѣ общій характеръ развитія хозяйственной жизни въ предыдущія эпохи и далъ сильный толчекъ къ дальнѣйшему изученію исторіи экономическаго быта. Современная наука экономической исторіи въ значительной мѣрѣ покоится на основахъ, созданныхъ Бюхеромъ *). Къ сожалѣнію, къ своимъ тремъ періодамъ—до-

*) Для интересующихся исторіей экономическаго быта считаемъ не лишнимъ указать на тѣ немногія сочиненія въ этой области, которыя имѣются на русскомъ языкѣ и могутъ служить дополненіемъ къ книгѣ Бюхера, выясняя экономическую жизнь различныхъ эпохъ. Для древняго міра—И. М. Гревсъ: Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. Т. I. Спб. 1899. (Вся вторая часть книги посвящена вопросамъ общей организаціи хозяйства въ древности) и Эдуардъ Мейеръ: Экономическое развитіе древняго міра. Спб. 1898. и—Рабство въ древности. Спб. 1899.—Для средневѣковаго періода—М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы. Т. I—III, Москва. 1898—1903. (Т. I и II—землевладѣніе въ средніе вѣка, т. III—промышленность въ средніе вѣка и экономическія послѣдствія черной смерти 1348 г.). Зомбартъ: Современный капитализмъ. Т. I. Эшли: Экономическая исторія Англіи. Пер. подъ ред. Петрушевскаго. Москва. 1897 (обнимаетъ періодъ XI—XVI ст.). Кеннингэмъ: Ростъ англійской промышленности и торговли. Т. I. Ранній періодъ и средніе вѣка. Пер. Н. В. Теплова. Москва. 1904. Роджерсъ: Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. В. Д. Каткова Спб. 1899. д'Авенель: Крестьяне и рабочіе въ теченіе шести столѣтій.—Для новаго періода (XVI—XVIII ст.). Марксъ: Капиталъ. Т. I. Тойнби: Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст. Пер. подъ ред. А. И. Чупрова. Москва. 1898. Гельдъ: Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Спб. 1899. Зевортъ: Исторія новаго времени. Пер. подъ ред. и съ дополн. Н. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1883 и Роджерсъ ук. соч.—Наконецъ, общее развитіе промышленности и торговли дается въ моей книгѣ—

машнее хозяйство, городское хозяйство и народное хозяйство — онъ отказывается присоединить четвертый—міровое хозяйство, а между тѣмъ XIX вѣкъ несомнѣнно представляетъ собой такую эпоху и имѣетъ по своему характеру весьма мало общаго съ хозяйственной жизнью XVI—XVII ст. Къ этому очерку примыкаютъ, съ одной стороны—очерки о первобытномъ хозяйствѣ и объ экономическомъ бытѣ современныхъ нецивилизованныхъ народовъ, въ которыхъ характеризуются предшествующія замкнутому домашнему хозяйству ступени развитія, а съ другой стороны — статьи о формахъ промышленности и объ упадкѣ ремесла, которыя составляютъ дальнѣйшее, болѣе детальное развитіе вопросовъ, затронутыхъ въ „возникновеніи народнаго хозяйства", именно вопросовъ, касающихся промышленности. Всѣ они такимъ образомъ, дополняютъ центральный очеркъ и составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое. Съ различными взглядами, высказанными въ этихъ изслѣдованіяхъ, какъ напр., съ мнѣніемъ о долговѣчности ремесла, съ идеализаціей послѣдняго и связаннаго съ нимъ цехового строя и многимъ другимъ, можно не соглашаться. Въ особенности представляется намъ неправильнымъ характеристика первобытнаго хозяйства, какъ эпохи индивидуальныхъ поисковъ пищи, ибо все, что намъ извѣстно объ этомъ періодѣ, свидѣтельствуетъ, наоборотъ, объ общинномъ характерѣ его хозяйственной организаціи. Тѣмъ не менѣе тому, что Бюхеръ здѣсь излагаетъ, нельзя отказать въ весьма крупныхъ достоинствахъ—ясности и простотѣ и въ то же время яркости и живости изложенія, глубинѣ и оригинальности мысли, рѣдкой послѣдовательности выводовъ, наконецъ, въ глубокомъ знаніи экономической жизни, въ ея настоящемъ и прошломъ, результаты котораго онъ умѣетъ мастерски обобщать и сообщать читателю въ готовой, законченной формѣ. Въ частности, очеркъ о формахъ промышленности,

---

I. М. Кулишеръ: Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. I. Спб. 1906. Періодъ до восемнадцатаго вѣка. (Первобытная эпоха хозяйства, древній міръ, средніе вѣка, XVI—XVIII ст.). Т. II. Девятнадцатый вѣкъ.

внесъ въ науку совершенно новое представленіе о характерѣ системъ промышленности и послѣдовательномъ ихъ развитіи, а статья о хозяйствѣ современныхъ нецивилизованныхъ народовъ даетъ чуть ли не впервые основанную на обстоятельномъ изученіи данныхъ этнографіи общую характеристику хозяйственнаго быта этихъ народовъ и разрушаетъ цѣлый рядъ довольно крѣпко установившихся невѣрныхъ представленій объ экономической жизни нецивилизованныхъ племенъ.

На русскомъ языкѣ полнаго перевода книги Бюхера до сихъ поръ не существовало. Были изданы отдѣльно только нѣкоторые изъ очерковъ, входящихъ въ ея составъ (два подъ ред. С. Н. Булгакова и четыре подъ ред. В. Э. Дена), но и они скоро разошлись и составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Въ виду этого и возникшаго въ послѣднее время особенно сильнаго спроса на сочиненіе Бюхера, книгоиздательство В. С. Соловьевой и В. Г. Никольской рѣшилось выпустить теперь же въ видѣ первой части упомянутые выше пять очерковъ, представляющихъ собою по своему характеру нѣчто однородное и составляющихъ первый отдѣлъ книги, съ тѣмъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени за ними послѣдовали остальныя семь статей въ качествѣ второго выпуска книги.

Въ примѣчаніяхъ, для удобства читателей, рядомъ съ указаніями на сочиненія, цитируемыя Бюхеромъ, сдѣланы ссылки и на существующіе на русскомъ языкѣ переводы соотвѣтственныхъ сочиненій.

I. Кулишеръ.

Апрѣль 1907 г.

Изъ предисловій къ первымъ четыремъ изданіямъ.

18 апрѣля 1893, 1 ноября 1897, 15 окт 1900, 1 мая 1904 г.

Статьи, вошедшія въ эту книгу, возникли изъ лекцій, читанныхъ мною при различныхъ обстоятельствахъ передъ аудиторіей, состоявшей не изъ однихъ только спеціалистовъ. Поэтому нельзя смотрѣть на нихъ, какъ на главы изъ книги. Каждая сама по себѣ представляетъ нѣчто самостоятельное; въ нихъ нерѣдко даже повторяются тѣ же мысли, хотя и въ нѣсколько иномъ освѣщеніи.

И все же не трудно убѣдиться въ томъ, что по предмету и методу изложенія отдѣльныя части тѣсно связаны между собой и взаимно дополняютъ другъ друга. Проходящая чрезъ нихъ красной нитью основная мысль высказана въ третьемъ очеркѣ, по названію котораго вслѣдствіе этого и озаглавлена вся книга. Едва ли нужно указывать на то, что очеркъ этотъ изложенъ здѣсь не въ томъ сжатомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ читанъ на лекціи. Хотѣлось бы думать, что при разработкѣ онъ не пострадалъ со стороны ясности въ той мѣрѣ, въ какой выигралъ въ отношеніи точности и полноты матеріала.

Во всѣхъ очеркахъ проводится взглядъ на закономѣрность развитія хозяйственной жизни и повсюду примѣняется однородный методъ разработки фактическаго матеріала. Въ обоихъ направленіяхъ я даю не что иное какъ то, чему я училъ съ самаго начала моей академической дѣятельности и что въ теченіе моихъ научныхъ занятій все болѣе во мнѣ укрѣплялось и, надѣюсь, все болѣе и болѣе выяснялось. Выпуская эту книгу, я иду навстрѣчу высказанному неоднократно желанію моихъ прежнихъ слушателей и дѣлаю это въ той формѣ, какая въ данный моментъ является единственно возможной для меня и недостаточность которой я самъ прекрасно сознаю.

При обработкѣ слѣдующихъ изданій—второго, третьяго и четвертаго—для меня съ самаго начала ясно было одно: книгу необходимо было дальше разрабатывать въ томъ же направленіи. Въ свое время я надѣялся, что книга эта будетъ имѣть вліяніе на методъ изученія научныхъ проблемъ, и дѣйствительно цѣлый рядъ появившихся за послѣдніе годы сочиненій болѣе молодыхъ авторовъ (даже тѣхъ, которые, какъ будто, не были вовсе знакомы съ моей книгой) считается съ результатами опубликованныхъ въ этой книгѣ изслѣдованій, что съ внѣшней стороны замѣтно и по тому, что введенныя мною въ литературу понятія и новые термины употребляются ими какъ нѣчто вполнѣ обычное. Быть можетъ, изъ этого можно заключить, что книга оказала вліяніе и на преподаваніе въ университетахъ.

Но наибольшее распространеніе, повидимому, она нашла въ широкихъ кругахъ интеллигенціи, особенно студентовъ. Для послѣднихъ она представляла своего рода пропедевтику къ экономической наукѣ и, какъ выразился одинъ уважаемый коллега, руководство къ тому, чтобы „научиться экономически мыслить". Это побудило меня при новой обработкѣ книги обратить особенное вниманіе на удовлетвореніе этой потребности. Во избѣжаніе недоразумѣній, однако, считаю нужнымъ указать на то, что пользованіе ею для этой цѣли предполагаетъ одновременное изученіе хорошаго систематическаго руководства по политической экономіи.

Чтобы книга могла лучше отвѣчать указанной выше потребности, я придалъ болѣе упрощенную форму части очерковъ, входившихъ въ первое изданіе, дополнилъ то, что казалось недостаточнымъ, но и освободилъ ихъ отъ лишняго балласта. Болѣе значительному измѣненію подвергся очеркъ о раздѣленіи труда и образованіи соціальныхъ классовъ: въ интересахъ единства изложенія, казалось болѣе правильнымъ раздѣлить его на два отдѣльные очерка (теперь это очерки VIII и IX), и придать имъ цѣльность посредствомъ болѣе или менѣе значительныхъ добавленій.

Четыре очерка включены впервые (теперь это очерки I, II, V и VII). Первымъ изложенъ дохозяйственный періодъ; цѣль его создать фундаментъ для системы ступеней хозяйства, установленной въ третьемъ очеркѣ. Въ основныхъ чертахъ онъ былъ набросанъ еще въ 1885 г., когда мнѣ пришлось прочесть въ Ба-

зельскомъ университетѣ лекцію о началахъ соціальной исторіи. Я не думалъ тогда опубликовать его, и потому въ рукописи моей не было указаній на источники. При послѣдующей обработкѣ я снабдилъ его значительнымъ этнографическимъ матеріаломъ и многое измѣнилъ; но все же многое осталось въ первоначальномъ видѣ, и я уже не могъ поблагодарить тѣхъ, у кого я это заимствовалъ, указаніемъ ихъ имени. Этой работой я вступилъ въ нетронутую до того область экономической науки; впослѣдствіи я и дальше разработывалъ эту область и новые результаты своихъ изслѣдованій изложилъ во второмъ очеркѣ.

Очеркъ пятый какъ по значительной части своего содержанія такъ и по формѣ тожественъ съ тѣмъ рефератомъ о ремесленномъ вопросѣ, который мнѣ пришлось читать на общемъ собраніи „Общества соціальной политики“ въ Кельнѣ. Включеніе его въ книгу представлялось мнѣ желательнымъ для того, чтобы дать читателю хоть разъ возможность заглянуть въ тѣ крупныя перемѣны, которыя совершаются на почвѣ современнаго хозяйства. Наконецъ, очеркъ седьмой представляетъ попытку дать широкому кругу читателей главу изъ ученія о трудѣ, надъ которымъ я много работалъ, въ той формѣ, въ какой я послѣ многократныхъ измѣненій излагалъ ее въ послѣднее время своимъ слушателямъ.

Всѣ очерки этой книги, старые и новые, первоначально представляли части университетскихъ лекцій. Всякій профессоръ знаетъ, какое странное произведеніе представляютъ его записки, въ которыхъ каждый семестръ вычеркивается одно, добавляется другое, многое же долгое время читается не безъ внутренняго противодѣйствія, пока, наконецъ, удается устранить всѣ трудности и придать всему ту форму, которая одинаково удовлетворяла бы и лектора, и слушателей. Аудиторіи прежде всего принадлежатъ плоды научной работы нѣмецкаго профессора; но у послѣдняго естественно является кромѣ того и желаніе отдать на судъ товарищей по профессіи то, что добыто тяжелымъ трудомъ; а я лично въ такихъ случаяхъ ощущаю также потребность провѣрить, насколько зрѣлы мои взгляды, тѣмъ, являются ли они доступными пониманію широкаго круга читателей. И дѣйствительно, всѣ вошедшіе въ первое изданіе очерки и одинъ изъ новыхъ были прочитаны въ качествѣ публичныхъ лекцій, а первый и седьмой представляютъ попытки въ томъ же стилѣ. Но по объему они всѣ, конечно, далеко

переходятъ за предѣлы того, что возможно дать слушателямъ на университетскихъ лекціяхъ.

Предисловіе къ пятому изданію.

Съ различныхъ сторонъ было высказано желаніе, чтобы содержавшійся въ первомъ изданіи и выпущенный затѣмъ очеркъ о соціальной структурѣ города Франкфурта съ средніе вѣка былъ вновь напечатанъ. Я долго противился этому, считая, что чисто историческое изложеніе, заключающееся въ этой случайной работѣ, должно нарушить единство книги. Но послѣ того, какъ въ ноябрѣ 1902 г. въ Gehe-Stiftung въ Дрезденѣ мнѣ пришлось читать лекцію, въ которой я изобразилъ главные типы городовъ въ ихъ историческомъ развитіи, я нашелъ возможнымъ включить въ книгу и небольшой этюдъ о Франкфуртѣ, поставивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ въ связь съ заключительной статьей о внутреннихъ переселеніяхъ.

Такимъ образомъ, оба очерка, десятый и одиннадцатый—тщательно переработанные—существенно расширили содержаніе книги. Но такъ объемъ ея не долженъ былъ быть увеличенъ, то мѣсто нашлось отчасти благодаря болѣе сжатой печати, отчасти благодаря сокращеніямъ и исключенію длинныхъ дословно приведенныхъ доказательствъ. Мнѣ казалось излишнимъ сохранять тотъ тяжеловѣсный аппаратъ, который былъ необходимъ при первоначальномъ обоснованіи различныхъ фактовъ и теорій. Для большинства читателей это былъ бы только балластъ; спеціалистъ же, который пойдетъ по моимъ слѣдамъ, разберется и при краткомъ обозначеніи страницъ.

Текстъ всѣхъ очерковъ былъ тщательно просмотрѣнъ, литературныя указанія дополнены. Исчерпать ихъ я, впрочемъ, не старался. Отъ представлявшихся мнѣ неоднократно искушеній къ критикѣ другихъ взглядовъ и полемикѣ съ различными авторами я воздержался. Для этого представится, вѣроятно, болѣе удобный случай. Очерки шестой и двѣнадцатый значительно дополнены. Надѣюсь, что вездѣ, гдѣ по современному состоянію науки необходимы были исправленія, они сдѣланы.

Карлъ Бюхеръ.

Лейпцигъ, 24 іюля 1906 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Первобытное хозяйство.

Научныя изслѣдованія хозяйственныхъ явленій обыкновенно исходятъ изъ того предположенія, что человѣку присуща „хозяйственная природа“, не свойственная никакому другому живому существу. Изъ этой „хозяйственной природы“ человѣка выводится то основное положеніе, которое опредѣляетъ всѣ его дѣйствія, направленныя на удовлетвореніе потребностей, — выводится принципъ хозяйственности (экономическій принципъ). Принципъ этотъ выражается въ томъ, что человѣкъ всегда и повсюду стремится достигнуть возможно болѣе полнаго удовлетворенія своихъ потребностей съ возможно меньшимъ напряженіемъ („принципъ наименьшихъ усилій“).

Далѣе дѣлается предположеніе, что всѣ хозяйственныя дѣйствія суть дѣйствія, сознательно направленныя къ опредѣленной цѣли, руководимыя опредѣленными сужденіями о цѣнности различныхъ предметовъ. Если даже искать конечнаго стимула хозяйственной дѣятельности въ инстинктахъ человѣка (въ чувствѣ самосохраненія и стремленіи къ личной выгодѣ), то все же для удовлетворенія этихъ инстинктовъ необходимъ цѣлый рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ духовныхъ актовъ. Человѣкъ оцѣниваетъ силу непріятнаго ощущенія, могущаго возникнуть вслѣдствіе неудовлетворенія чувствуемой имъ потребности; онъ оцѣниваетъ непріятное ощущеніе, связанное съ работой, которую необходимо произвести для полученія даннаго предмета; онъ сравниваетъ оба непріятныя ощущенія и выбираетъ то изъ нихъ, которое влечетъ за собой меньшую непріятность, т. е. онъ рѣшается предпринять работу лишь въ томъ случаѣ, если сопровождающая ее жертва меньше той жертвы, которая сопряжена съ неудовлетвореніемъ данной потребности. Приступая къ самой работѣ, онъ опять-таки выбираетъ изъ различныхъ возможныхъ способовъ дѣйствія наименѣе тягостный; онъ долженъ, слѣдовательно, и здѣсь произвести цѣлый рядъ взвѣшиваній, оцѣнокъ, сравненій и сужденій.

Въ самомъ дѣлѣ, вся экономическая наука исходитъ изъ этого предположенія: всѣ хозяйственныя дѣйствія суть для нея дѣйствія разумно мотивированныя, требующія участія высшихъ духовныхъ силъ человѣка; ею выработана своего рода психологія хозяйства, посредствомъ которой экономическая наука старается объяснить этого рода дѣйствія въ ихъ типическомъ проявленіи. Поэтому и хозяйственная дѣятельность представляется ей въ видѣ чего-то, присущаго исключительно человѣку. Вопросъ о томъ, нѣтъ ли хозяйства и у животныхъ, повидимому, никогда не поднимался. Хозяйственная природа есть для нея нѣчто абсолютное, неразрывно связанное съ сущностью человѣка [1]).

Однако, даже у культурныхъ людей, изъ поведенія которыхъ былъ выведенъ принципъ хозяйственности, можно сдѣлать наблюденія, указывающія на то, что хозяйственная природа свойственна различнымъ индивидамъ въ различной степени. Между прилежнымъ и лѣнивымъ, между предусмотрительнымъ и легкомысленнымъ, между бережливымъ и расточительнымъ существуетъ безконечно много посредствующихъ ступеней хозяйственности. Обратимъ вниманіе хотя бы на то отношеніе къ предметамъ, какое обнаруживаютъ дѣти, охотнѣе всего уничтожающія ихъ, и мы легко убѣдимся въ томъ, что эта „хозяйственная природа" каждымъ человѣкомъ должна быть пріобрѣтена вновь, что она является у каждаго результатомъ воспитанія и привычки—результатомъ, представляющимъ у различныхъ людей столь же значительныя различія въ степени, какъ и весь ихъ тѣлесно-духовный складъ.

Разъ это такъ, то едва-ли можно обойти вопросъ о томъ, прирождена ли вообще „хозяйственная природа" человѣку или же, она, наоборотъ, есть нѣчто имъ пріобрѣтенное, и не слѣдуетъ ли предположить существованіе вначалѣ такого охватывающаго многія тысячелѣтія періода человѣческаго развитія, въ теченіе котораго имѣло мѣсто чисто инстинктивное удовлетвореніе потребностей, въ родѣ того, какое мы обыкновенно предполагаемъ у животныхъ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить только на основаніи

---

1) „Основы хозяйственной природы твердо заложены въ человѣческой, тѣлесно-духовной организаціи и измѣняются столь же мало, какъ внѣшняя природа, по крайней мѣрѣ въ теченіе исторической эпохи въ жизни человѣчества". Wagner: Grundlegung der politischen Oekonomie (3 Aufl.) I, 1, стр. 82.

опыта. Представленіе, которое мы составляемъ себѣ о первобытномъ человѣкѣ, не должно быть построено искусственно, не должно являть собой „робинзонады“, какъ это нерѣдко встрѣчается въ дедукціяхъ „классическихъ“ экономистовъ. Всѣ его черты должны быть взяты изъ дѣйствительности; онѣ должны показать намъ дѣйствительныя условія, въ которыхъ живетъ человѣкъ внѣ вліянія культуры, побужденія, на основаніи которыхъ онъ дѣйствуетъ, а впослѣдствіи также и мыслитъ. Но, конечно, первый способъ—дедуктивный—гораздо легче этого послѣдняго. Культурный человѣкъ обнаруживалъ всегда сильную склонность вкладывать свои собственныя воззрѣнія и ощущенія въ душу первобытнаго человѣка; онъ лишь въ ограниченной мѣрѣ способенъ понять мало развитую духовную жизнь первобытнаго человѣка, читать, такъ сказать, въ его душѣ.

Правда, въ настоящее время мы не имѣемъ уже возможности наблюдать въ дѣйствительности этого первобытнаго человѣка въ его чистой формѣ. Какъ ни велико число первобытныхъ народовъ, мало-по-малу вошедшихъ въ нашъ кругозоръ, однако ни одинъ изъ нихъ не находится болѣе на низшей ступени развитія; у всѣхъ мы находимъ уже зачатки культуры, всѣ они прежде всего знакомы съ огнемъ.

Впрочемъ, нѣкоторые писатели, которымъ теорія развитія вскружила голову, открывали то здѣсь, то тамъ племена, которыя будто бы остались до настоящаго времени въ первоначальномъ животномъ состояніи. Еще Джонъ Лёббокъ отрицалъ знакомство съ огнемъ у различныхъ племенъ, обитающихъ на островахъ Южнаго Океана. О. Пешель взялъ на себя трудъ доказать, что приведенные Лёббокомъ примѣры невѣрны, и мы можемъ вмѣстѣ съ нимъ считать доказаннымъ, что пока еще нигдѣ на земномъ шарѣ не найдено племя, которое бы не знало употребленія огня [2]).

---

[2]) Oskar Peschel: Völkerkunde, стр. 139 и слѣд. (Русск. переводъ: Оскаръ Пешель, Народовѣдѣніе. Перев. подъ редак. проф. Э. Ю. Петри съ 1-го изд., дополненнаго Кирхгофомъ. Спб. изд. А. Суворина 1890, стр. 133 и слѣдущія). Правда, американецъ Тиль (цит. у Ю. Липперта: Исторія культуры пер. А. Острогорскаго и П. Струве, стр. 46) въ одномъ случаѣ не соглашался съ нимъ. Послѣ Пешеля Мундтъ-Лауффъ все же утверждалъ („Natur“ Jahrg. 1879, стр. 478), что негритосы Филиппинскихъ острововъ не знали будто бы вареной пищи, но былъ въ свою очередь опровергнутъ А. Шаденбергомъ (Zeitschrift für Ethnologie XII 1880, стр. 143 и слѣд.).

Даже относящіяся къ доисторическому періоду пещерныя раскопки, гдѣ человѣкъ ледяного періода занимаетъ такое же положеніе, какъ медвѣдь, зубръ, сѣверный олень, обнаруживаютъ слѣды употребленія огня. Огонь же является могучимъ двигателемъ культуры. Онъ увеличиваетъ число способовъ добыванія пропитанія, научаетъ закалять острія деревянныхъ стрѣлъ и копій, выдалбливать древесный стволъ, прогонять дикихъ звѣрей.

Другіе изслѣдователи открывали людей, живущихъ будто бы небольшими группами на деревьяхъ, питающихся плодами и употребляющихъ въ качествѣ оружія и орудій лишь камни да дубины, что мы находимъ и у высшихъ обезьянъ. Фридрихъ Энгельсъ [3]) полагаетъ даже, что только этимъ можно объяснить то, что человѣкъ могъ противостоять крупнымъ хищнымъ животнымъ. Липпертъ [4]), изслѣдовавшій эти факты болѣе тщательно, приходитъ къ тому выводу, что дерево играло въ миѳологіи египтянъ извѣстную роль въ качествѣ священнаго жилища духовъ, но онъ достаточно остороженъ и не дѣлаетъ изъ этого заключенія, будто предки наши жили на деревьяхъ, — осторожнѣе лингвиста Лазаря Гейгера, который въ употребляемой южно-американскими индѣйцами подвѣсной цыновкѣ усмотрѣлъ слѣды того, что люди прежде жили на деревьяхъ. Правда, въ центральной Африкѣ (у габерійскихъ негровъ), на Суматрѣ, въ Лузонѣ, Новой Гвинеѣ и на Саломоновыхъ островахъ найдены были хижины, вдѣланныя между вѣтвями большихъ деревьевъ [5]); нѣчто подобное сообщается и объ отдѣльныхъ племенахъ южной Америки [6]); однако, поскольку эти произведенія первобытной архитектуры не только являются защищающими отъ нападенія врага временными убѣжищами, наряду съ которыми имѣются и постоянныя жилища, построенныя

---

[3]) Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates, стр. 7. (Русск. пер. Происхожденіе семьи, собственности и государства. 1899, изд. Ф. Іогансена, стр. 21 и слѣд.).

[4]) Kulturgeschichte der Menschheit, стр. 67 и слѣд. (въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ сокращеннаго нѣмецкаго изданія, соотвѣтствующаго мѣста нѣтъ. *Прим. пер.*).

[5]) Nachtigal: Sahara und Sudan II стр. 628 и слѣд. Finsch: Samoafahrten, стр. 271 и слѣд. Ratzel: Völkerkunde (2 Aufl.) I стр. 101, 105, 245, 386 II стр. 83.

[6]) Waitz: Anthropologie der Naturvölker III стр. 393.

на землѣ, ихъ никоимъ образомъ нельзя считать наименѣе совершеннымъ типомъ жилья: народы, которые пользуются ими, обнаруживаютъ, судя по употребляемымъ ими орудіямъ, утвари, домашнимъ животнымъ, а нѣкоторые даже по своему умѣнію воздѣлывать землю, что они уже не находятся болѣе на самой низшей ступени цивилизаціи.

Послѣ сказаннаго, нѣтъ надобности искать совершенно нетронутыхъ культурой народовъ, чтобы съ нихъ начать изложеніе предмета—подобно тому какъ Клеммъ свою „Всеобщую исторію человѣческой культуры" начинаетъ съ лѣсныхъ индійскихъ племенъ Бразиліи, хотя, конечно, нельзя отрицать, что именно эти послѣднія племена стоятъ на чрезвычайно низкой ступени развитія. Но рядомъ съ ними и, во всякомъ случаѣ, не выше ихъ ставятся другими изслѣдователями бушмены южной Африки, племя батуа южнаго бассейна Конго, ведды на островѣ Цейлонѣ, племя кубу на островѣ Суматрѣ, минкопики на Андаманскихъ островахъ, эгы на Филиппинскихъ островахъ, австралійцы на материкѣ, вымершіе теперь жители Тасманіи, наконецъ, жители Огненной земли. Кому изъ этихъ народовъ отдать первенство въ дикости,—рѣшить весьма трудно. Пешель [7]) у всѣхъ этихъ племенъ находитъ нѣкоторые элементы культуры, даже у ботокудовъ, о которыхъ онъ самъ говоритъ, что они наиболѣе близки къ первобытному состоянію.

Однако, гипотеза о такомъ первобытномъ состояніи, въ которомъ человѣкъ вынужденъ выступать въ борьбу за существованіе, не обладая никакими иными средствами, кромѣ тѣхъ, какія находятся у звѣрей, является необходимой предпосылкой, изъ которой должна исходить всякая наука о человѣкѣ, желающая изобразить ходъ историческаго развитія. Мы вынуждены лишь отказаться отъ попытки иллюстрировать это первобытное состояніе на примѣрахъ изъ жизни того или другого племени. Болѣе плодотворные въ научномъ отношеніи результаты мы получимъ, если соединимъ вмѣстѣ черты, общія всѣмъ народамъ, стоящимъ на низкой ступени культуры, и такимъ путемъ возсоздадимъ картину первобытнаго хозяйства и общества. При этомъ, однако, нѣтъ надобности ограничиваться приведенными выше представителями наиболѣе

7) Völkerkunde, стр. 148 и слѣд. (русск. пер., стр. 144 и слѣд.).

низкой культуры; ибо всякое ограниченіе подобнаго рода вызвало бы возраженія и сузило бы нашъ кругозоръ. Притомъ различные элементы духовной и матеріальной культуры вовсе не находятся между собой въ неразрывной связи и не развиваются вездѣ съ одинаковой скоростью; поэтому мы находимъ черты, которыя могли сложиться только при древнѣйшемъ образѣ жизни, почти у всѣхъ дикихъ народовъ. Объясненіе этихъ чертъ и установленіе идеальной связи между ними и составитъ прежде всего нашу задачу.

Въ этомъ отношеніи писатели обыкновенно слишкомъ облегчали себѣ задачу, заимствуя черты первобытнаго человѣка у человѣка культурнаго. Разсуждали такъ: различныя потребности первобытнаго человѣка требовали для своего удовлетворенія такихъ напряженій, которыя отдѣльному человѣку были не подъ силу: для защиты отъ дикихъ звѣрей и стихій также необходимъ былъ трудъ многихъ: изъ этого дѣлали выводъ о коллективной борьбѣ за существованіе, и такимъ образомъ получалось „первобытное общество“ и нѣчто въ родѣ коммунистическаго хозяйства.

Однако несомнѣнно, что въ теченіе продолжительныхъ періодовъ человѣкъ существовалъ не работая; да и въ настоящее время можно, пожалуй, найти на земномъ шарѣ мѣстности, гдѣ саговая пальма, бананъ, хлѣбное дерево, кокосовая и фиговая пальмы даютъ ему возможность жить при минимальной затратѣ труда. Въ такія-то мѣста легенда особенно охотно помѣщаетъ рай, первичную родину человѣка. Но и новѣйшее изслѣдованіе не можетъ обойтись безъ допущенія того, что вначалѣ человѣчество было связано именно съ такого рода мѣстами, гдѣ по природнымъ условіямъ человѣкъ могъ существовать, и лишь путемъ дальнѣйшаго развитія культуры въ состояніи былъ подчинить себѣ весь земной шаръ.

У доступныхъ нашему наблюденію стоящихъ наиболѣе низко въ культурномъ отношеніи племенъ мы почти совершенно не находимъ организованныхъ общественныхъ союзовъ. Небольшими группами [8]), подобно стадамъ животныхъ, рыщутъ они въ по-

[8]) Сравн. E. Grosse: Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, стр. 37. (Э Гроссе: Формы семьи и формы хозяйства. Русск. перев. Изд. „Книжнаго дѣла“. Стр. 48 и слѣд.). A. Thonnar: Essai sur le système économique des primitifs d'après les population de l'état indépendant du Congo. стр. 3.

искахъ за пищей, находя ночлегъ въ пещерѣ или подъ деревомъ, за щитомъ противъ вѣтра, сдѣланнымъ наскоро изъ хвороста, а нерѣдко просто въ вырытой въ землѣ ямѣ; питаются, главнымъ образомъ, плодами и корнями, но ѣдятъ также всякую живность, какая попадается имъ въ руки, вплоть до моллюсковъ, червей, кузнечиковъ и термитовъ. Мужчины обыкновенно вооружены лишь стрѣлами, лукомъ и метательнымъ древкомъ. У женщинъ главнымъ орудіемъ служитъ заостренный кусокъ дерева въ видѣ палки, которую онѣ употребляютъ для выкапыванія корней. Робкіе при столкновеніи съ выше стоящими племенами, часто коварные и хитрые, они ведутъ кочевой образъ жизни, при которомъ тѣло, правда, пріобрѣтаетъ много проворства и ловкости, но зато техническое искусство развивается чрезвычайно медленно и односторонне. Большинство относящихся сюда племенъ совершенно не знаютъ еще ни гончарнаго производства, ни обработки металловъ. И даже изъ дерева, лыка, камня и костей они дѣлаютъ мало употребленія; нигдѣ мы не находимъ запасовъ утвари и орудій, завести которые и невозможно при бродячей жизни, являющейся ничѣмъ инымъ какъ непрерывными поисками за пищей [9]).

Эти племена называютъ нерѣдко „низшими охотниками"; но едва ли охота въ тѣсномъ смыслѣ служитъ для нихъ главнымъ источникомъ пропитанія. Всѣ они питаются растительной пищей, поскольку могутъ ее достать, и среди тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ жаркихъ странахъ, такая пища, повидимому, преобладаетъ. Запасовъ изъ плодовъ и корней, служащихъ имъ для питанія, они, повидимому, не дѣлаютъ. Мѣсто, изобилующее предметами пропитанія, привлекаетъ, конечно, большое число соплеменниковъ, подобно тому какъ богатая кормомъ мѣстность привлекаетъ стада животныхъ; но какъ только запасъ исчерпанъ, они снова расходятся въ разныя стороны. То же относится къ моллюскамъ и насѣкомымъ, которыми они питаются: каждый индивидъ поѣдаетъ

---

[9]) Сравн. описанія негритосовъ у A. Schadenberg'a l. c., ботокудовъ у Ehrenreich'a, Zeitsch. f. Ethnologie XIX стр. 1 и слѣд., племени бороро у K. v. d. Steinen, Unter den Naturvölkern Zentralbrasiliens, стр. 358 и слѣд., бушменовъ у Fritsch'a: Die Eingeborenen Südafrikas, стр. 418 и слѣд., веддовъ у P. и F. Sarasin: Die Weddas von Ceylon, австралійцевъ у Brentano: Zeitschr. f. Sozial-und Wirtschaftsgeschichte, I, стр. 133 и слѣд.

тотчасъ все, что находитъ: нѣтъ общаго домохозяйства, какъ нѣтъ и общаго дома. Лишь въ томъ случаѣ, когда убивается животное крупныхъ размѣровъ или его находятъ мертвымъ (пристрастіе къ загнившему мясу весьма распространено), собирается вся группа [10]), и каждый пожираетъ сколько можетъ. Но охота на этихъ животныхъ по своему характеру весьма напоминаетъ пріемы хищнаго звѣря, выслѣживающаго свою добычу. Обладая крайне несовершеннымъ оружіемъ, эти племена почти не въ состояніи убить звѣря сразу: главная задача охотника состоитъ въ преслѣдованіи подстрѣленнаго звѣря до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ въ изможденіи мертвымъ [11]).

Вопросъ о семейной организаціи у этихъ народовъ является весьма сложнымъ. По новѣйшимъ воззрѣніямъ, у нихъ между мужчиной и женщиной существуетъ пожизненная связь, представляющая нѣчто большее, чѣмъ одно лишь половое общеніе, хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать, что эти слабо связанныя между собою группы людей при недостаткѣ пищи легко распадаются, или, по крайней мѣрѣ, отъ нихъ уходятъ отдѣльные члены. Болѣе устойчивой является лишь связь между матерью и ребенкомъ. При переходахъ мать вынуждена постоянно тащить ребенка съ собой: обыкновенно она привѣшиваетъ его у себя на спинѣ,—обычай, весьма расиространенный у всѣхъ первобытныхъ народовъ даже тамъ, гдѣ они уже перешли къ земледѣлію. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мать кормитъ ребенка либо грудью, либо изо рта, но затѣмъ его посылаютъ скоро самого

---

[10]) Lippert, l. c. I, стр. 246, отмѣчаетъ существующій у нѣкоторыхъ низшихъ племенъ обычай указывать другимъ на найденные съѣстные припасы посредствомъ громкаго крика и находитъ, что въ этомъ выражается „извѣстное вниманіе къ семьѣ". Однако слѣдуетъ замѣтить, что и нѣкоторыя животныя (напримѣръ, пѣтухъ) поступаютъ подобнымъ же образомъ. Во всякомъ случаѣ, и онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что о накопленіи запасовъ никто и не думаетъ. Поэтому названіе „собиратели", предложенное въ послѣднее время различными писателями, къ этимъ народамъ совершенно не примѣнимо.

[11]) Сравн. G. Fritsch: Die Eingeborenen Süd-Afrikas, стр. 324, 425; Pogge: Im Reiche des Muata Jamwo стр. 328 и слѣд.; Wissmann: Im Inneren Afrikas, стр. 260, 341; Martius: Zur Ethnographie Amerikas, zumal Brasiliens, стр. 665 и слѣд.

искать себѣ пищу, и часто на восьмомъ—десятомъ году онъ покидаетъ данную группу.

Всѣ относящіяся сюда племена принадлежатъ къ малорослымъ человѣческимъ расамъ и по своему тѣлесному сложенію производятъ впечатлѣніе отсталости, упадка. Но это еще не даетъ права принимать ихъ за вырождающіеся остатки различныхъ народовъ. Слѣдуетъ скорѣе предполагать, что болѣе развитыя племена обязаны своимъ лучшимъ тѣлеснымъ сложеніемъ лишь правильному и болѣе обильному питанію, доступному имъ уже въ теченіе тысячелѣтій, благодаря занятію скотоводствомъ и земледѣліемъ, тогда какъ эти „карликовыя племена“ оставались все время на одной и той же ступени. Находясь въ полной зависимости отъ превратностей стихій и удачи на охотѣ, они либо обжираются, уничтожая невѣроятныя количества пищи, либо, еще чаще, испытываютъ горькую нужду, и ихъ единственная одежда — поясъ служитъ имъ буквально тѣмъ поясомъ голода, которымъ они стягиваютъ себѣ животъ *), чтобы хоть нѣсколько заглушить мученія сильнаго голода [12]).

Постепенный переходъ отъ этой ступени къ болѣе высокимъ ступенямъ развитія легко можно прослѣдить на безчисленныхъ типическихъ примѣрахъ, которые мы находимъ въ этнографіи. Женщина занимается не только собираніемъ дико растущихъ плодовъ и корней, но вмѣстѣ съ тѣмъ и насажденіемъ нѣкоторыхъ питательныхъ растеній,—вначалѣ при помощи все той же заостренной палки, позже посредствомъ кирки съ короткой рукояткой; мужчина продолжаетъ заниматься охотой и рыболовствомъ, но даже при болѣе совершенномъ оружіи онъ лишь въ богатыхъ дичиной мѣстахъ можетъ получить крупную добычу, доставляющую значительную часть пищи; иногда охота восполняется скотоводствомъ. Каждому полу соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленная область добыванія пищи, къ которой, по мѣрѣ развитія техники, присоединяются еще кой-какіе промыслы,

*) Den Schmachtriemen umschnallen—по народному нѣмецкому выраженію значитъ: терпѣть голодъ. *Прим. перев.*

[12]) О бушменахъ ср. Fritsch. l. c. стр. 405; объ австралійцахъ O. Peschel: Völkerkunde, стр. 350 (русск. пер., стр. 338 и слѣд.); о ботокудахъ Ehrenreich въ Zeitschrift für Ethnologie. XIX (1887), стр. 27.

все же сохраняющіе обыкновенно связь съ добывающей промышленностью. Всякое хозяйство первобытныхъ народовъ, сдѣлавшихъ нѣкоторые успѣхи, является сочетаніемъ этихъ элементовъ; но въ отдѣльныхъ случаяхъ оно зависитъ всецѣло отъ условій природы въ данной мѣстности: поэтому было бы неправильно конструировать ступени развитія, одинаково примѣнимыя къ неграмъ, папуасамъ, полинезійцамъ или индійцамъ.

Повсюду, однако, гдѣ бы мы ни наблюдали жизнь дикихъ племенъ, удовлетвореніе ими потребностей во многомъ напоминаетъ намъ инстинктивныя дѣйствія животныхъ; повсюду они еще весьма далеки отъ осѣдлаго состоянія. Даже возводимыя ими легко построенныя хижины у большинства представляютъ лишь временныя строенія, напоминающія своими формами, — различными по мѣсту и племени, но всегда типичными,—гнѣзда птицъ, которыя покидаются, какъ только оперятся птенцы.

Липпертъ усматриваетъ главный и основной стимулъ культурнаго развитія въ заботѣ о средствахъ жизни; по сравненію съ взглядами прежнихъ изслѣдователей такое объясненіе несомнѣнно представляетъ шагъ впередъ; но самое выраженіе неудачно. О заботѣ въ смыслѣ заботы о будущемъ у первобытныхъ народовъ не можетъ быть рѣчи. Первобытный человѣкъ не думаетъ о будущемъ: онъ вообще не думаетъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово: онъ только имѣетъ желанія и желаетъ именно сохраненія своей жизни. Инстинктъ самосохраненія и самоудовлетворенія является двигателемъ культурнаго развитія, рядомъ съ нимъ отступаетъ на второй планъ даже половой инстинктъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда европейцамъ приходилось въ теченіе продолжительнаго времени наблюдать людей, живущихъ въ первобытныхъ условіяхъ, европейцы разсказываютъ объ ихъ ни съ чѣмъ несравнимой тупости и лѣности мысли, равнодушіи къ самымъ грандіознымъ явленіямъ природы, объ отсутствіи у нихъ интереса ко всему, что лежитъ внѣ ихъ собственнаго „я“. Дикарь хочетъ ѣсть, спать, защитить себя, когда это необходимо, отъ ненастной погоды; въ этомъ все содержаніе его жизни.

Поэтому было бы совершенно ошибочно и противно многочисленнымъ вполнѣ достовѣрнымъ наблюденіямъ приписывать дикимъ, какъ это дѣлаетъ Пешель, чрезмѣрное количество религіозныхъ суевѣрій и вообще думать, что чѣмъ ближе человѣкъ къ

первобытному состоянію, тѣмъ больше у него вѣры. Пешель, очевидно, полагаетъ, что движеніе солнца и другія небесныя явленія несравненно сильнѣе захватываютъ дикаря и занимаютъ его мысли, чѣмъ культурнаго человѣка. Но въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Какъ у бразилійскихъ индійцевъ, такъ и у негровъ путешественники на вопросы, касающіеся этихъ явленій, получали отъ дикарей отвѣтъ, что они объ этомъ никогда не думали, а Гербертъ Спенсеръ [13]) собралъ цѣлую массу примѣровъ, указывающихъ на то, что народы, стоящіе на низшихъ ступеняхъ культуры, даже и по отношенію къ совершенно новымъ явленіямъ не проявляютъ никакого интереса. Такъ, патагонцы обнаружили полное равнодушіе, когда имъ показали зеркало, въ которомъ они видѣли самихъ себя. Дампье же разсказываетъ, что австралійцы, взятые имъ съ собой на корабль, ни на что не обращали вниманія, кромѣ ѣды, которую они получали. Бертонъ [14]) характеризуетъ восточныхъ африканцевъ какъ „людей, которые, хотя и способны мыслить, но ненавидятъ всякое мышленіе, ибо они всецѣло заняты удовлетвореніемъ своихъ тѣлесныхъ потребностей. Душа ихъ воспринимаетъ лишь такіе предметы, которые можно слышать, видѣть или чувствовать; и при томъ ихъ занимаетъ только переживаемый моментъ, только настоящее“ [15]).

Такимъ образомъ, то же, что является двигательной силой у животнаго, а именно, стремленіе къ сохраненію жизни, составляетъ руководящій стимулъ и у первобытнаго человѣка. Это побужденіе ограничено пространственно отдѣльнымъ индивидомъ, а во времени моментомъ ощущенія потребности; иными словами: дикарь думаетъ только о себѣ и только о настоящемъ. То, что лежитъ за предѣлами этого, почти совершенно сокрыто отъ его душевной жизни. И если многіе наблюдатели находятъ у дикаря безграничный эгоизмъ, жестокосердіе по отношенію къ себѣ подобнымъ, жадность, вороватость, лѣнь, беззаботность по отношенію къ будущему, забывчивость, то это вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что у

---

[13]) Principles of Sociology VII, § 45 и сл. (русск. перев. Г. Спенсеръ: Основанія соціологіи, изд. Сытина. Спб. 1898, § 45, стр 55).

[14]) Andree: Die Expeditionen Burtons und Spekes (Lpz. 1861) стр. 351.

[15]) Сравн. подобное же сужденіе миссіонера Cranz'a: Historie von Grönland (Frankfurt, 1780) стр. 163 и Lubbock: Entstehung der Zivilisation стр. 439 и слѣд. (русск. пер. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго, Спб. 1876, стр. 296 и сл.).

дикарей еще совершенно не развиты чувство сострадания, память и способность къ умозаключеніямъ. И тѣмъ не менѣе, чтобы уразумѣть отношенія первобытнаго человѣка къ окружающимъ его цѣнностямъ, необходимо исходить именно изъ этихъ характерныхъ чертъ.

Эгоизмъ дикаря и его жестокость по отношенію къ своимъ близкимъ является естественнымъ результатомъ безпокойной кочевой жизни, при которой каждый индивидъ заботится лишь о себѣ самомъ. Это обнаруживается прежде всего въ чрезвычайно распространенномъ обычаѣ умерщвленія дѣтей, который лишь въ видѣ исключенія отсутствуетъ у тѣхъ или иныхъ племенъ [16]). Дѣти затрудняютъ передвиженіе орды и добываніе пищи,—это и есть основная причина ихъ истребленія. Вошедши однажды въ обычай, умерщвленіе дѣтей удерживается и на позднѣйшихъ ступеняхъ развитія культуры; слѣды этого обычая найдены не только у дикихъ народовъ Азіи, Африки, Америки, Австраліи и Полинезіи, но даже у арабовъ, римлянъ и грековъ.

Обыкновенно въ умерщвленіи дѣтей видятъ причину крайне медленнаго прироста населенія у племенъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры. Но это обстоятельство является послѣдствіемъ меньшей продолжительности жизни и долгаго кормленія грудью, въ теченіе котораго, какъ извѣстно, зачатіе невозможно. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется и медленность перехода къ болѣе высокимъ ступенямъ развитія. Что естественная связь между родителями и дѣтьми нигдѣ не является особенно прочной, обнаруживается также въ распространенномъ обычаѣ усыновленія [17]). Разсказываютъ, напримѣръ, что въ „семьяхъ“ у минкопиковъ (адаманцевъ), пріемышей больше чѣмъ родныхъ дѣтей. Характерно, что обыкновенно не дѣлается никакого различія между родными и усыновленными дѣтьми. Усыновленіе возникло, вѣроятно, вслѣдствіе того, что умерщвленіе дѣтей смѣнилось оставленіемъ ихъ на произволъ судьбы. Если родная мать не была въ состояніи тащить своего новорожденнаго, то это могла сдѣлать другая жен-

---

[16]) Сравн. Lippert II, стр. 201 и слѣд. Ratzel: Völkerkunde I стр. 108, 154, 252, 277, 306, 338, 425.

[17]) Ср. Lubbock: Entstehung der Zivilisation, стр. 77 и слѣд. (русск. пер. стр. 70).

щина, не имѣвшая дѣтей, и такимъ образомъ ребенокъ былъ спасенъ отъ смерти.

Новѣйшіе этнографы старались представить силу материнской любви, какъ черту, общую всѣмъ ступенямъ культуры. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то не хочется допустить въ человѣческомъ родѣ отсутствіе того чувства, которое такъ мило проявляется у различныхъ животныхъ. Однако, многочисленныя наблюденія указываютъ на то, что у низшихъ племенъ забота о собственной жизни подавляетъ всѣ прочія душевныя движенія, въ томъ числѣ и основывающіяся на кровной связи, что на ряду съ этой заботой нѣтъ мѣста ничему болѣе возвышенному. Всѣ, кто наблюдалъ подобнаго рода явленія, даже возмущены той легкостью, съ какой дѣти уходятъ отъ своихъ родныхъ, какъ только они сами въ состояніи себя прокормить [18]). Но все же это только оборотная сторона того жестокосердія, съ какимъ „мужья въ состояніи отказать въ пищѣ женамъ, отцы голодающимъ дѣтямъ, если только они сами имѣютъ намѣреніе ею насладиться".

Та же черта безграничнаго эгоизма обнаруживается въ той безпощадности, съ какою многія дикія племена оставляютъ на произволъ судьбы во время передвиженія или покидаютъ въ уединенныхъ мѣстахъ больныхъ и стариковъ, которые могли бы составить помѣху для здоровыхъ [19]). Эта черта нерѣдко истолковывалась какъ проявленіе суевѣрія, какъ страхъ передъ тѣми злыми силами, которымъ приписываются болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы наблюдаемъ такого рода факты у племенъ, ставшихъ осѣдлыми, гдѣ условія существованія допускаютъ уходъ за больными, такое объясненіе какъ бы напрашивается само собой. При этомъ, однако, упускаютъ изъ виду, что разъ укоренившіеся обычаи упорно сохраняются и тогда, когда причины, вызвавшія ихъ, ужъ давно исчезли.

Между оставленіемъ на произволъ судьбы и намѣреннымъ

---

[18]) Сравн. характерный примѣръ, приведенный у Ratzel'я: Völkerkunde, II[1], стр. 677. Продажа дѣтей и женъ въ рабство встрѣчается не только въ Африкѣ. Martius l. c. стр. 123, срвн. Post: Afrikanische Jurisprudenz I, стр., 94.

[19]) Lippert, l. c., стр. 229 и сл., такъ обстоятельно трактуетъ этотъ предметъ, что я могу не приводить примѣровъ. Сравн. также Fritsch. 116, 334, 351. Waitz: Anthropologie II, стр. 401.

умерщвленіемъ разстояніе весьма невелико. Вѣдь и у народовъ болѣе развитыхъ старость считается состояніемъ крайне печальнымъ. На то, чтобы украшать это состояніе любовью близкихъ, на этой ступени культуры не хватало средствъ, можно было его только сократить: вотъ почему мы рядомъ съ оставленіемъ на произволъ находимъ также закапываніе стариковъ и больныхъ живьемъ, или умерщвленіе и даже пожираніе ихъ, что доказывается многочисленными примѣрами, начиная отъ Геродота и вплоть до новѣйшихъ временъ. Мало того, первобытному человѣку совершеніе этого ужаснаго обряда со всею торжественностью могло представляться чуть ли не требованіемъ благочестія [20].

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ забота о пропитаніи при вѣчной кочевой жизни захватывала человѣка всецѣло, такъ что рядомъ съ ней не могли возникнуть даже тѣ чувства, которыя мы считаемъ самыми естественными: что эта забота могла даже представить религіозной обязанностью то, что мы считаемъ отвратительнѣйшимъ преступленіемъ, и мы начинаемъ понимать, какъ слаба должна была быть та личная связь, которая соединяла эти маленькія бродячія группы людей. Половое общеніе не могло стать этимъ связующимъ звеномъ: здѣсь совершенно отсутствовало то, что мы называемъ любовью [21]. Общаго хозяйства, домоводства, имущества также почти не существовало. Все это могло возникнуть лишь тогда, когда кругъ потребностей вышелъ изъ предѣловъ одного лишь пропитанія. Такое состояніе, однако, продолжалось значительно дольше, чѣмъ многіе думаютъ. Особенно потребности въ одеждѣ и жилищѣ у дикихъ народовъ совершенно отступаютъ на второй планъ.

Обратимся теперь къ другой не менѣе распространенной чертѣ характера первобытныхъ народовъ—ихъ безпечности; нужно со-

---

[20]) Сравн. примѣры, приведенные Липпертомъ (Lippert, l. c., стр. 232), а также Martius l. c. стр. 126, Ehrenreich: Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 69 и слѣд., Waitz: Anthropologie I, стр. 189, Schrader: Reallexikon der indogerm. Altertumskunde, стр. 86 и слѣд.

[21]) Писатели, которые въ настоящее время занимаются вопросомъ о семьѣ,—ихъ весьма много—слишкомъ мало обращаютъ вниманія на это обстоятельство, совершенно правильно отмѣченное Лёббокомъ (Entstehung d. Zivil. стр. 59 и слѣд.; русск. перев., стр. 54). При этомъ они также упускаютъ изъ виду связь между семьей и хозяйствомъ.

знаться, что она на первый взглядъ приводитъ насъ въ изумленіе. Казалось бы, что уже самъ по себѣ голодъ, причиняющій дикарю такъ часто большія страданія, долженъ былъ бы научить его, когда пища имѣется въ изобиліи, сохранять запасы на будущее время. Но всѣ наблюденія сходятся въ томъ, что дикарь и не думаетъ объ этомъ. „Они не привыкли, говоритъ Гекевельдеръ о сѣверо-американскихъ индійцахъ, дѣлать запасы пищевыхъ продуктовъ и сохранять ихъ. Вслѣдствіе этого они нерѣдко впадаютъ въ крайнюю нужду и терпятъ лишенія даже въ самомъ необходимомъ для жизни, особенно во время войны“ [22]). Другой очевидецъ разсказываетъ о южно-американскихъ племенахъ [23]): „ихъ существу противно обладаніе съѣстными припасами въ количествѣ большемъ, чѣмъ это необходимо максимумъ на одинъ день“. У многихъ негритянскихъ племенъ считается неприличнымъ сохранять пищевые продукты на будущее время; они объясняютъ это повѣріемъ, будто оставшаяся пища можетъ вызвать злые духи [24]).

Когда эти народы, благодаря близорукой жаждѣ наживы у европейцевъ, становятся обладателями болѣе совершеннаго оружія, они производятъ невѣроятное опустошеніе среди дичи своего охотничьяго раіона. Извѣстно истребленіе стадъ буйволовъ въ Сѣверной Америкѣ. „Огромныя количества мяса оставлялись безъ употребленія, а зимой, когда глубокіе сугробы снѣга дѣлали охоту невозможной, дикари терпѣли страшный голодъ, и вынуждены были прибѣгать къ древесной корѣ и пырею“ [25]). И въ настоящее время въ Африкѣ туземцы, ведущіе выгодный торговый обмѣнъ съ европейцами, безпощадно истребляютъ источники этихъ своихъ доходовъ—слоновъ и каучуковыя деревья.

Даже у болѣе развитыхъ племенъ и индивидовъ замѣтна эта черта. „Когда носильщики получали свои пайки, разсказываетъ

---

[22]) Joh. Heckewelders Nachricht von der Geschichte, den Sitten und Gebräuchen der indianischen Völkerschaften, uebers. von F. Hesse (Göttingen, 1821) стр. 330, 365.

[23]) Appun: Unter den Tropen II, стр. 321; срв. стр. 453.

[24]) Lippert, l. c. стр. 39 и сл.

[25]) Впрочемъ, большая часть вины въ истребленіи буйволовъ падаетъ на бѣлыхъ, какъ это доказано у Charles Mair'a въ его Proceedings and Transactions of the R. Society of Canada, t. VIII.

П. Погге [26]), то первые дни они несомнѣнно жили лучше, чѣмъ я: покупались лучшія козы и куры. Когда же я имъ давалъ ихъ пайки за 14 дней, то они почти всегда проѣдали ихъ въ 3—4 дня, а потомъ либо воровали съѣстные припасы, либо клянчили, либо голодали." Въ Вадаи все, что остается отъ трапезъ султана, зарывается въ землю [27]), а на праздникахъ жертвоприношеній у индѣйцевъ гости обязаны были съѣсть и хлѣбъ, и мясо начисто. „Разстройство желудка и рвоты при такихъ условіяхъ не составляютъ рѣдкости" [28]).

Въ тѣсной связи съ подобнаго рода опустошеніемъ запасовъ находится и то, какъ дикарь пользуется своимъ временемъ. Обычное представленіе, будто первобытные народы пріобрѣли особый навыкъ въ опредѣленіи времени по высотѣ солнца, совершенно невѣрно. Они вообще не измѣряютъ времени и потому его не раздѣляютъ. Ни одинъ первобытный народъ не имѣетъ установленнаго времени для трапезъ, сообразно которымъ культурный человѣкъ распредѣляетъ свои занятія [29]). Даже такое сравнительно развитое племя, какъ бедуины, не имѣетъ представленія о времени. Они ѣдятъ, когда голодны. Ливингстонъ какъ-то называетъ Африку „счастливой страной, гдѣ время не имѣетъ никакой цѣны и гдѣ люди тогда, когда устаютъ, садятся и отдыхаютъ" [30]). „Самая незначительная, но и для негра необходимая работа откладывается какъ можно далѣе. Туземецъ проводитъ весь день въ лѣни и бездѣйствіи, хотя бы онъ отлично зналъ, что къ ночи онъ будетъ нуждаться въ глоткѣ воды и полѣнѣ дровъ; и тѣмъ не менѣе онъ навѣрно не двинется до заката солнца, и лишь тогда, а можетъ уже когда стемнѣетъ, позаботится о самомъ необходимомъ" [31]).

---

[26]) In Reiche des Muata Jamwo, стр. 14, срв. стр. 6, и Wissmann, Wolf etc. Im Inneren Afrikas, стр. 29.

[27]) Nachtigal, Sahara und Sudan III, стр. 230.

[28]) Heckewelder l. c. стр. 465

[29]) Сравн. W. Wundt, Ethik (2 изд.) стр. 140 (русск. перев. В. Вундтъ: Этика. Изд. „Русск. Богатства", 1887. Т. I, стр. 150 и слѣд.).

[30]) Neue Missionsreisen I, стр. 99. Даже о современныхъ индѣйцахъ французскій изслѣдователь (A. Métin, Musée social. Mém. et docum. No. 9, стр. 439) говоритъ: „Il semble, en ce pays, qu'on ne perde rien quand on ne perd que du temps" (въ этой странѣ полагаютъ, что ничего не потеряно, если потеряно только время).

[31]) W. Junker: Reisen in Afrika II, стр. 214.

Этимъ мы уже коснулись упрека въ лѣности, которому чрезвычайно часто подвергается первобытный человѣкъ [32]. Но то, что наблюдателямъ представляется лѣностью, есть также не болѣе какъ недостатокъ предусмотрительности, жизнь для данной минуты. Съ какой стати дикарю напрягаться, когда потребности его удовлетворены [33], когда онъ не чувствуетъ болѣе голода? Онъ вовсе и не бездѣйствуетъ по этой причинѣ. Своими крайне жалкими орудіями онъ производитъ количество работы, въ суммѣ нисколько не меньшее той, которую исполняетъ культурный человѣкъ; но онъ совершаетъ эту работу не регулярно, не въ опредѣленное для того время, а скачками, урывками, когда его заставляетъ нужда или на него найдетъ особенно приподнятое настроеніе, да и тогда онъ исполняетъ ее не какъ серьезную жизненную задачу, а скорѣе на подобіе игры.

Вообще первобытный человѣкъ слѣдуетъ всегда лишь ближайшему побужденію; его образъ дѣйствія чисто импульсивный, такъ сказать, сплошь рефлекторное движеніе. Чѣмъ ближе у него находятся потребность и удовлетвореніе ея, тѣмъ лучше онъ себя чувствуетъ. Первобытный человѣкъ дитя; онъ не думаетъ ни о будущемъ, ни о прошломъ; онъ легко забываетъ; всякое новое впечатлѣніе вытѣсняетъ предшествующее. Всѣ невзгоды жизни ни на минуту не въ состояніи омрачить его радостнаго душевнаго настроенія. О жителяхъ Новой Каледоніи, острововъ Фиджи, Таити и Новой Зеландіи сообщаютъ, что они постоянно смѣются и шутятъ. Во всей Африкѣ негры проявляютъ ту же черту; о другихъ расахъ описаніе путешественниковъ нерѣдко гласитъ: „полные забавъ и веселья“, „полные жизни и огня“, „веселые и разговорчивые“, „всегда жизнерадостные, какъ птицы въ небесахъ“ [34].

Характернымъ является нерѣдко дѣлавшееся наблюденіе, что туземцы, бывшіе долгое время въ услуженіи у европейцевъ, утра-

[32]) Подробности см. въ моей книгѣ „Arbeit und Rythmus“, 3 изд. (Leipzig. 1902), стр. 2 и слѣд. (К. Бюхеръ: Работа и ритмъ. Русск. перев. подъ ред. Д. Коропчевскаго, изд. Поповой. 1899, стр. 2 и слѣд.).

[33]) Даже индійскіе фабричные рабочіе бросаютъ работу, какъ только они заработали безусловно необходимое имъ для жизни („s'arrêtent dès qu'ils ont gagné le strict nécessaire“); поэтому у нихъ не примѣнима сдѣльная плата: Métin l. c. стр. 441.

[34]) Spencer, l. c. § 76. Много матеріала также въ его „Descriptive Sociology“.

чивали свой веселый нравъ и становились угрюмы и мрачны. Фритшъ [35]) объясняетъ это тѣмъ, что такіе слуги мало-по малу перенимаютъ отъ своихъ господъ привычку заботиться о будущемъ, и что они не могутъ сжиться съ такого рода заботами. [36]).

Такая жизнь данной минутой не отягчена, конечно, представленіями о цѣнностяхъ, ибо послѣднія всегда предполагаютъ способность сужденія, представленій о будущемъ. Всѣмъ извѣстно, какъ часто въ Америкѣ и въ Африкѣ туземцы уступаютъ иноземнымъ колонизаторамъ свою землю за пустяки, иногда за пару бусъ, не имѣющимъ, по нашимъ представленіямъ, никакой цѣнности; а негры, которые вѣдь не находятся уже болѣе на низшей ступени развитія, и въ настоящее время еще готовы отдать любую изъ принадлежащихъ имъ вещей, какъ бы необходима она ни была для ихъ существованія, если имъ предлагаютъ за это какія-нибудь бездѣлушки, случайно бросившіяся имъ въ глаза [37]). Съ другой стороны, однако, и жадность негра не знаетъ границъ. Путешественники вѣчно жалуются на то, что при всей гостепріимности, которая имъ оказывается, негры буквально обираютъ ихъ, ибо каждый старѣйшина селенія желаетъ получить въ подарокъ все, что онъ видитъ. Здѣсь опять выступаетъ наружу тотъ наивный эгоизмъ и безграничная алчность, которые ничего общаго не имѣютъ съ стремленіемъ къ наживѣ у хозяйственнаго человѣка. Рѣшающимъ является всегда минутное впечатлѣніе; о болѣе отдаленномъ нѣтъ и мысли. Первобытный человѣкъ какъ бы не въ состояніи вмѣстить двухъ мыслей одновременно и сравнить ихъ между собой; его всегда захватываетъ лишь одна мысль, и ей онъ слѣдуетъ съ ужасающей послѣдовательностью.

Накопленіе опыта, переходъ знаній отъ одного поколѣнія къ другому вслѣдствіе этого крайне затрудняется, и въ этомъ заключается главная причина того, что такіе народы тысячелѣтіями остаются на одной и той же ступени развитія, не обнаруживая никакого болѣе или менѣе замѣтнаго движенія впередъ.

---

[35]) L. c. стр. 56.

[36]) Дикіе, воспитанные въ культурныхъ условіяхъ, охотно возвращаются къ своимъ племенамъ и къ совершенно дикому состоянію. O. Peschel: Völkerkunde, стр. 155 и слѣд. (русск. пер. стр. 147 и слѣд.). Fritsch, l. c. стр. 423. K. L. Jung въ Petermanns Mitt. XXIV (1878) стр. 67.

[37]) Сравн. Fritsch, l. c стр. 505.

Мы представляемъ себѣ созданіе первыхъ элементовъ культуры чѣмъ-то весьма легкимъ: всякое изобрѣтеніе, всякое улучшеніе въ сооруженіи жилищъ, въ техникѣ, одеждѣ, въ примѣненіи орудій, какое вводитъ отдѣльный человѣкъ, должно, какъ нерѣдко полагаютъ, стать общимъ достояніемъ рода, его неотъемлымъ сокровищемъ и должно развиваться дальше. Изобрѣтеніе гончарнаго искусства, прирученіе домашнихъ животныхъ, плавленіе желѣзной руды принимали даже за исходные пункты совершенно новыхъ культурныхъ эпохъ.

Какъ мало, однако, такое представленіе считается съ тѣми условіями, въ которыхъ живетъ дикарь. Конечно, надо думать, что дикарь очень привязанъ къ тому каменному топору, надъ которымъ онъ съ невѣроятнымъ напряженіемъ работалъ, быть можетъ, въ продолженіе цѣлаго года, —онъ смотритъ на него, какъ на часть своего собственнаго существа; но было бы ошибкой думать, что это цѣнное достояніе перейдетъ къ дѣтямъ и внукамъ и станетъ для нихъ основаніемъ дальнѣйшаго развитія. Хотя и несомнѣнно, что именно въ отношеніи такого рода предметовъ возникаютъ первыя понятія о „моемъ" и „твоемъ", однако, многочисленныя наблюденія указываютъ, съ другой стороны, на то, что эти понятія тѣсно связанныя съ опредѣленнымъ индивидомъ и вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ. Собственность уходитъ въ могилу вмѣстѣ съ собственникомъ, въ личный обиходъ котораго она входила при жизни. Этотъ обычай распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта; остатки его мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ народовъ еще и въ культурныя эпохи [38]).

Такъ, этотъ обычай соблюдается у всѣхъ американскихъ племенъ и при томъ въ такихъ размѣрахъ, что близкіе покойника остаются въ крайней нуждѣ. Туземные жители Калифорніи закапываютъ вмѣстѣ съ покойникомъ все оружіе и утварь, которыя онъ употреблялъ при жизни. „Нерѣдко, говоритъ одинъ путешественникъ, за покойникомъ въ могилу слѣдуютъ довольно таки странные предметы: ножи, вилки, ковши для уксуса, пустыя бу-

---

[38]) Сравн. въ общемъ Andree: Enthnographische Parallelen und Vergleiche (Stuttgart 1878), стр. 26 и слѣд. Schurtz: Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes (Weimar 1898), стр. 56 и слѣд. Panckow-Ztschr. d. Ges. f. Erdkunde zu Berlin XXXI, стр. 172 и слѣд.—Замѣчательные остатки этого обычая у альтенбургскихъ крестьянъ: Mitt. d. Ver. f. Sächs. Volkskunde. II, стр. 21 и слѣд.

тылки отъ виски, жестянки отъ консервовъ, лукъ, стрѣлы и т. п. А если это—усердная хозяйка, то туда же высыпаютъ еще и нѣсколько корзинъ желудей“. „На могилѣ тегуэльхе (Патагонія) умерщвляются всѣ его собаки, лошади и другія животныя, а его накидка (понхо), его украшенія, его боллы (метательные снаряды), и всякаго рода утварь, все это сваливается въ одну кучу и сожигается“. У племени бороро въ Бразиліи семья, у которой умираетъ какой-нибудь членъ, терпитъ большіе убытки; ибо все, что употреблялъ покойникъ, сожигаютъ, бросаютъ въ рѣку, или укладываютъ въ ящикъ съ костями для того, чтобы у него не было повода возвращаться обратно; хижина въ такомъ случаѣ совершенно опорожняется [39]).

У племени багабо въ южномъ Минданао покойника хоронятъ въ его лучшей одеждѣ вмѣстѣ съ рабомъ, нарочно для этого убиваемымъ. На могилу ставятъ употреблявшіеся имъ при жизни горшки, наполненные рисомъ, а также коробки съ бетелемъ *), остальныя вещи его остаются нетронутыми дома. Съ этихъ поръ подъ страхомъ смерти запрещается входить въ домъ или вступать на могилу. Домъ оставляется на произволъ судьбы“ [40]).

Въ Австраліи и Африкѣ часто встрѣчается обычай, согласно которому всѣ оставшіеся послѣ покойника запасы поѣдаются на могилѣ во время поминокъ по умершемъ: въ другихъ мѣстахъ разбиваютъ сосуды, выбрасываютъ съѣстныя припасы. Многія негритянскія племена хоронятъ покойника въ избѣ, въ которой онъ жилъ; остальные обитатели избы покидаютъ ее на произволъ судьбы или разрушаютъ [41]). Когда умираетъ начальникъ, то

---

[39]) K. von den Steinen: Unter den Naturvölkern Brasiliens, 2 изд. стр. 389. Сравн. также Ehrenreich: Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 30, 66. Heckewelder, l. c. стр. 469, 474.

[40]) Schadenberg въ Zeitschr. f. Ethnologie XVII (1885). стр. 12 и слѣд., также на Галамагера, тамъ же стр. 83; у горцевъ Индіи: Jellinghaus въ томъ же журналѣ III, стр. 372, 374.

*) Родъ растенія для жеванія. *Прим. перев.*

[41]) Примѣры можно найти у M. Buchner'a: Kamerun стр. 28, Fritsch'a l. c. 535, Bastian'a: Loangoküste I, стр. 164, Livingstonea, l. c. стр. 131. Изъ Австраліи: Parkinson: Im Bismarck-archipel, стр. 102 и слѣд. Ztschr. f. Ethnol. XXI, стр. 23, Kubary: Ethnographische Beiträge zur Kenntnis der Karolinischen Inselgruppe und Nachbarschaft (Berlin 1885), стр. 70 и примѣч.

выселяется вся деревня, и это относится даже и къ столицамъ болѣе значительныхъ государствъ, какъ, напримѣръ, царство Муата-Ямво или Казембе. Въ странѣ Лунда сжигается королевская кипанга (дворецъ); столица переносится на другое мѣсто съ каждымъ новымъ царькомъ [42]). Въ древнемъ Перуанскомъ царствѣ также господствовало воззрѣніе, что съ каждымъ новымъ инка міръ какъ бы начинается сначала. Дворцы предшественника запирались навсегда со всѣми собранными въ нихъ богатствами: ни одинъ изъ царей никогда не пользовался сокровищами, накопленными его предшественниками.

Изъ сказаннаго видно, что возникновеніе и развитіе первыхъ зачатковъ культуры у первобытныхъ народовъ происходитъ съ чрезвычайными трудностями; однако, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что выбранныя и приведенныя здѣсь наблюденія относятся къ народамъ весьма различнымъ, находящимся притомъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Для того чтобы австраліецъ материка собственными силами поднялся до культурной высоты жителя Тонго и Таити, ему понадобились бы многія тысячелѣтія: такая же пропасть отдѣляетъ бушмена отъ негра Конго и отъ ваніамвези. Но это, на мой взглядъ, именно свидѣтельствуетъ объ устойчивости тѣхъ психическихъ условій, при которыхъ нетронутый культурой человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности, и мы несомнѣнно въ правѣ свести весь проявляющійся здѣсь кругъ представленій къ состоянію, въ которомъ человѣчество, надо думать, пребывало многія тысячелѣтія, прежде чѣмъ образовались племена и народы.

Это состояніе, послѣ всего, что мы о немъ знаемъ, представляетъ собой нѣчто прямо противоположное хозяйству. Ибо хозяйство всегда предполагаетъ обусловленное наличностью имущества человѣческое общеніе, предполагаетъ обдуманность, заботу не только о настоящемъ, но и о будущемъ, бережливое распредѣленіе времени, цѣлесообразное пользованіе имъ; хозяйство означаетъ трудъ, оцѣнку вещей, регулированное потребленіе, накопленіе имущества, переходъ культурныхъ пріобрѣтеній изъ рода въ родъ. Ничего подобнаго мы не находимъ даже у болѣе

---

[42]) Pogge l. c. стр. 228. 234; Livingstone въ Petermanns Mitt. XXI (1875), стр. 104.

развитыхъ первобытныхъ народовъ; у низшихъ же расъ мы почти не замѣчаемъ даже слабыхъ зачатковъ хозяйства.

Если изъ жизни бушмена или ведды отнять употребленіе огня, лука и стрѣлъ, то она сведется къ индивидуальнымъ поискамъ пищи. Каждый здѣсь предоставленъ самому себѣ. Голый и безоружный рыщетъ онъ съ себѣ подобными по ограниченному раіону, подобно водящимся въ опредѣленномъ районѣ звѣрямъ, пользуясь при хватаніи предметовъ ногами такъ же ловко, какъ и руками [43]). Каждый и каждая уничтожаетъ въ сыромъ видѣ все, что можно поймать руками или вырыть ногтями изъ земли, какъ то: низшихъ животныхъ, корни, плоды. Они то скопляются въ небольшія кучки или болѣе значительныя стада, то расходятся—въ зависимости отъ обильности пастбищъ или мѣстъ для охоты. Но такія скопища не образуютъ союзовъ; они не облегчаютъ существованія отдѣльному человѣку.

Картина эта не покажется особенно заманчивой, но она съ необходимостью выступаетъ какъ результатъ сравнительнаго наблюденія. Въ ней нѣтъ ни одной вымышленной черты. Мы устранили изъ жизни наиболѣе низко стоящихъ племенъ только то, что признается уже достояніемъ культуры: употребленіе оружія и огня. Если, какъ мы видѣли, даже и болѣе развитыя первобытныя племена обнаруживаютъ чрезвычайно много являющагося противоположностью понятію хозяйства, и, во всякомъ случаѣ сознательное примѣненіе экономическаго принципа представляетъ у нихъ скорѣй исключеніе, чѣмъ правило, то по отношенію къ такъ называемымъ „низшимъ охотникамъ“ и ихъ только что описаннымъ предшественникамъ, самое понятіе хозяйства никоимъ образомъ не примѣнимо. Мы должны признать у нихъ предшествующую хозяйству ступень развитія, которая не есть еще хозяйство. А такъ какъ каждая вещь должна имѣть свое имя, то мы назовемъ эту ступень періодомъ индивидуальнаго добыванія пищи.

Какимъ образомъ изъ нея развивается хозяйство, мы въ настоящее время едва-ли можемъ выяснить. Есть основанія предполагать, что поворотный пунктъ находится тамъ, гдѣ простой за-

---

[43]) R. Andree: „Der Fuss als Greiforgan“ въ его Ethnogr. Parallelen und Vergl., Neue Folge, стр. 228 и слѣд.

хватъ природныхъ богатствъ замѣняется направленнымъ на болѣе или менѣе отдаленную цѣль производствомъ, а инстинктивное упражненіе органовъ замѣняется трудомъ, въ качествѣ цѣлесообразнаго примѣненія человѣческой силы. Но давая такое чисто теоретическое опредѣленіе, мы выясняемъ еще весьма мало. Трудъ у первобытныхъ народовъ представляетъ собой довольно туманное явленіе. Чѣмъ дальше мы пойдемъ назадъ, тѣмъ болѣе онъ по формулѣ и содержанію приближается къ игрѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ побужденія, заставляющія человѣка проявлять свою дѣятельность сверхъ поисковъ пищи, сходны съ тѣми, какія обнаруживаются и у высшихъ животныхъ: прежде всего, склонность къ подражанію и стремленіе ставить предметы въ различныя положенія [44]). Прирученіе животныхъ, напримѣръ, начинается не съ полезныхъ въ хозяйствѣ животныхъ, а съ такихъ, которыхъ человѣкъ держитъ либо для своего удовольствія, либо для религіозныхъ надобностей. Промышленная дѣятельность началась, повидимому, повсюду съ раскрашиванія тѣла, татуировки, прокалыванія шеи, уродованія инымъ образомъ отдѣльныхъ частей тѣла, и лишь постепенно перешла къ выдѣлыванію украшеній, масокъ, изображеній на корѣ, на камнѣ (петроглифы) и т. п. забавъ. Повсюду въ этихъ вещахъ замѣчается крайняя склонность къ воспроизведенію животныхъ, съ которыми дикарь обыкновенно встрѣчается и на которыхъ онъ смотритъ какъ на себѣ подобныхъ: такъ, нѣкоторые очень древніе рисунки на скалахъ и скульптуры бушменовъ, индѣйцевъ и австралійцевъ изображаютъ преимущественно животныхъ и человѣка [45]): гончарное искусство, рѣзьба по дереву, плетеніе тоже начинаются съ воспроизведенія фигуръ животныхъ [46]), и даже тамъ, гдѣ переходятъ къ производству предметовъ домашняго обихода (горшковъ, скамеекъ и т. п.), фигура животнаго удерживается съ удивительнымъ постоянствомъ [47]). Наконецъ, подражаніе движеніямъ и звукамъ

[44]) Сравн. K. Groos: Die Spiele der Tiere. Jena. 1896.

[45]) Andree: Ethnogr. Parallelen und Vergleiche, стр. 258 — 299. Ehrenreich l. c. стр. 46 и слѣд., особенно же стр. 241 и слѣд.

[46]) Сравн. интересныя поясненія K. v. d. Steinen: l. c. стр. 231 и слѣд.

[47]) Примѣры можно найти во всякомъ этнографическомъ сборникѣ рисунковъ. Сомнѣвающіеся могутъ обратиться къ слѣд. сочиненіямъ:

животныхъ играетъ значительную роль и въ танцахъ первобытнаго человѣка [48]). Слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще о томъ, что всякая равномѣрно производимая работа получаетъ ритмическій характеръ и соединяется съ музыкою и пѣніемъ въ одно неразрывное цѣлое [49]).

Такимъ образомъ, техника развивается въ игрѣ и лишь постепенно она отъ занимательнаго переходитъ къ полезному [50]). Слѣдовательно, принятый до сихъ поръ порядокъ долженъ быть совершенно перевернутъ: игра древнѣе труда, искусство древнѣе производства полезныхъ вещей. Даже у болѣе развитыхъ изъ первобытныхъ народовъ, тамъ, гдѣ оба элемента начинаютъ отдѣляться другъ отъ друга, танецъ все еще предшествуетъ всякой болѣе или менѣе важной работѣ или слѣдуетъ за ней (танцы военные, охотничьи, по случаю жатвы), а пѣніе сопровождаетъ работу.

Итакъ, по мѣрѣ того, какъ мы проникали вглубь развитія народовъ, хозяйство мало по малу превращалось подъ нашими руками въ нѣчто ему противоположное; точно такъ же и трудъ въ концѣ концовъ обратился въ противоположное ему—въ отсутствіе труда. Подобные же результаты получились бы, вѣроятно, относительно всѣхъ наиболѣе важныхъ хозяйственныхъ явленій, если бы мы захотѣли продѣлать этотъ опытъ и съ ними. Одно лишь остается неизмѣннымъ—потребленіе. Потребности всегда были у человѣка и

J. Boas: The Central Eskimo, Washington 1888. Sixt annual Report of the Bureau of Ethnologie to the Secretary of the Smithsonian Institution 1884—85. Ethnographische Beschrijving van de west en noordkust van Nederlandsch Niew Guinea door F. S. A. de Clercq en I. D. E. Sthmeltz, Leiden. 1893. Joest: Ethnographisches aus Gayana (Suppl. zu Bd. V des Intern. Archivs f. Ethnogr.) и v. d. Steinen l. c. стр. 216 и слѣд. Сравн. также Fritsch l. c. стр. 73; Schweinfurth: Im Herzen von Afrika I, стр. 178 и Grosse: Anfänge der Kunst, гл. VI и VII (Эрнстъ Гроссе: Происхожденіе искусства. Перев. съ нѣмецкаго А. Е. Грузинскаго. Москва. 1899).

[48]) E. Grosse l. c. стр. 208 и слѣд. (русск. перев. стр. 193 и слѣд.).

[49]) Я отсылаю читателя къ подробному изложенію вопроса въ моей книгѣ „Arbeit und Rythmus“ (русск. перев. К. Бюхеръ: Работа и ритмъ. Изд. Поповой. 1899).

[50]) „Просматривая сотни предметовъ домашняго обихода или видовъ оружія, употребляемаго папуасами, мы рѣдко или даже никогда не находимъ такихъ, которые не имѣли бы украшеній, свидѣтельствующихъ о чувствѣ изящнаго у того, кто его изготовилъ; есть всегда хоть что нибудь, выходящее за предѣлы полезнаго“. Semon: Im australischen Busch und an den Küsten des Korallenmeeres, стр. 426 и слѣд.

онъ долженъ былъ ихъ удовлетворять. Но вѣдь наши потребности, поскольку они имѣютъ значеніе съ хозяйственной точки зрѣнія, представляются лишь въ самой малой части природными; естественно необходимымъ является лишь одинъ видъ потребленія — пропитаніе. Все прочее есть продуктъ культуры, слѣдствіе свободнаго творчества человѣческаго духа. Не будь этого послѣдняго, человѣкъ навсегда остался бы выкапывающимъ корни и ищущимъ плодовъ животнымъ.

Въ виду всего этого мы не имѣемъ возможности указать опредѣленно, когда кончается индивидуальное добываніе пищи и начинается хозяйство. Въ культурной исторіи человѣчества не существуетъ поворотныхъ пунктовъ; здѣсь все растетъ и тлѣетъ подобно растенію; всякое состояніе является только абстракціей, въ которой мы нуждаемся, для того, чтобы сдѣлать доступнымъ нашему слабому зрѣнію чудеса природы и человѣческой жизни. Да и самое хозяйство подвержено вѣдь въ свою очередь непрерывному измѣненію. Но тамъ, гдѣ оно впервые выступаетъ въ исторіи, оно является въ качествѣ руководимой опредѣленными нормами дѣйствія матеріальной организаціи жизни, тѣсно примыкающей къ лично-нравственной организаціи — семьѣ [51]). Въ этой формѣ оно представилось тѣмъ людямъ, которые впервые фиксировали его сущность въ языкѣ. „Хозяинъ"—„Wirt" на верхнегерманскомъ нарѣчіи имѣетъ то же значеніе, что „глава семейства", „хозяйка"—„Wirtin" то же, что „жена"; и точно такъ же образовалось и заимствованное у грековъ слово „экономія".

Наличность хозяйства мы должны принять, слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы находимъ совмѣстно живущія группы, которыя въ созданіи и употребленіи служащихъ для ихъ цѣлей вещей всегда дѣйствуютъ согласно экономическому принципу. Такое состояніе можно совершенно ясно распознать уже у первобытныхъ народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія. Однако, здѣсь многое еще напоминаетъ дохозяйственный періодъ индиви-

[51]) Э. Гроссе въ своей книгѣ „Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft", Leipzig 1896 (русск. перев.: „Формы семьи и формы хозяйства", изд. „Книжнаго дѣла") изслѣдовалъ связь между формами семьи и формами хозяйства. Онъ придерживался при этомъ чисто внѣшнихъ категорій —охотниковъ, скотоводовъ, земледѣльцевъ и не удѣлилъ должнаго вниманія внутренней жизни хозяйства.

дуальнаго добыванія пищи. Хозяйство во многихъ мѣстахъ еще какъ бы обнаруживаетъ большія трещины.

У всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшей ступени развитія, раздѣленіе труда между обоими полами твердо установлено обычаемъ, причемъ, однако, рѣшающимъ вовсе не являлось одно лишь различіе въ природныхъ способностяхъ. По крайней мѣрѣ нельзя утверждать, что повсюду болѣе слабому полу выпадала на долю болѣе легкая часть работы. Въ то время какъ въ нормальномъ хозяйствѣ культурныхъ народовъ проведенъ какъ бы поперечный разрѣзъ, въ силу котораго на долю мужчинъ выпадаетъ производительный трудъ, а на долю женщинъ — заботы о потребленіи, въ хозяйствѣ первобытныхъ народовъ проведенъ продольный разрѣзъ: каждый полъ принимаетъ участіе въ производствѣ и нерѣдко каждый изъ половъ имѣетъ свою особую область потребленія. Характерно при этомъ, что женщинамъ почти всегда предоставлено добываніе и приготовленіе растительной пищи, часто также и постройка хижинъ, тогда какъ на мужчину возлагается охота и обработка добытыхъ охотой животныхъ продуктовъ. Если имѣется скотоводство, то мужчина пасетъ скотъ, дѣлаетъ для него изгороди, доитъ его и т. д. Это раздѣленіе иногда проведено до того рѣзко, что можно было бы, пожалуй, говорить о распаденіи семейнаго хозяйства на особое мужское и особое женское хозяйство.

Въ интересномъ очеркѣ объ употребляемыхъ въ пищу растеніяхъ у бразильскихъ племенъ шингу К. фонъ-денъ-Штейненъ [52]), подводя итоги ранней эпохѣ развитія этихъ племенъ, говоритъ: „мужчина занимался охотой, а въ это время женщина изобрѣла земледѣліе“. У племени бороро, находящемся на низшей ступени развитія, женщина, вооруженная остроконечной палкой, отправлялась въ лѣсъ искать корней и клубней, лазила на деревья за кокосовыми орѣхами и таскала домой большія тяжести: между тѣмъ мужчина выслѣживалъ животныхъ. У болѣе развитыхъ народовъ на обязанности женщинъ лежитъ воздѣлываніе и приготовленіе мандіока. „Онѣ очищаютъ землю отъ сорной травы заостренными кусками дерева, засаживаютъ въ нее стебли, посредствомъ которыхъ разводится мандіокъ; онѣ собираютъ ежедневно необхо-

[52]) Unter der Naturvölkern Zentral-Asiens, стр. 206 и слѣд.

димое количество этого продукта, которое онѣ уносятъ на спинѣ въ высокихъ туго набитыхъ корзинахъ". Дома онѣ варятъ плоды, пекутъ тѣсто, колятъ кокосовые орѣхи, приготовляютъ напитки. Мужчины занимаются охотой и рыбной ловлей; но они же жарятъ мясо и рыбу и плетутъ необходимыя для этого вергела. Прибавимъ къ этому, что мужчина же изготовляетъ необходимое оружіе, что охота и рыбная ловля должны снабдить его всѣми инструментами для рѣзанья, скребанья, сглаживанья, прокалыванья, скобленья, копанья, а женщина должна изготовить изъ глины посуду для варки [53]), и мы получимъ для каждаго пола естественно разграниченную область производства, въ которой самостоятельно протекаетъ вся его дѣятельность. Мало того, и потребленіе по преимуществу тоже является раздѣльнымъ: въ семьѣ нѣтъ общихъ трапезъ. Каждый индивидъ ѣстъ отдѣльно, отвернувшись отъ другихъ, и считается неприличнымъ мѣшать кому либо во время ѣды или ѣсть въ присутствіи чужихъ [54]).

Подобныя индивидуально-хозяйственныя черты мы встрѣчаемъ и у индѣйцевъ Сѣверной Америки, уже имѣющихъ полное семейное хозяйство. Въ то время, какъ имъ совершенно чужда частная собственность на землю, въ „домѣ или семьѣ индѣйца нѣтъ вещи, которая бы не имѣла своего собственника. Каждый членъ семьи знаетъ, что ему принадлежитъ, начиная съ лошади или коровы и кончая собакой, кошкой, котенкомъ или цыпленкомъ. Родители дѣлаютъ подарки дѣтямъ, а дѣти родителямъ. Иногда отецъ семейства проситъ жену или кого нибудь изъ дѣтей одолжить ему лошадь, чтобы поѣхать на охоту. Выводокъ молодыхъ котятъ или цыплятъ имѣетъ нерѣдко столько же собственниковъ, сколько въ немъ животныхъ. Чтобы купить насѣдку съ цыплятами, приходится торговаться съ нѣсколькими дѣтьми" [55]). „Тамъ, гдѣ у индѣйцевъ допускается многоженство, обыкновенно для каждой жены строится отдѣльная хижина; у тѣхъ племенъ, гдѣ имѣются общинные дома, каждая изъ нихъ имѣетъ по крайней мѣрѣ свой очагъ" [56]).

---

[53]) L. c. стр. 197 и слѣд., 207 и слѣд., 318.

[54]) K. von d. Steinen l. c. стр. 69 и Ehrenreich: Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 17. О туземцахъ Борнео: Hose въ Journ. of the Anthropol. Inst. XXIII стр. 160.

[55]) Heckewelder, l. c. стр. 253.

[56]) Waitz: Anthropologie III стр. 109.

Тѣ же основныя черты мы находимъ и въ хозяйствѣ племенъ Полинезіи и Микронезіи—съ тою только разницею, что охота здѣсь замѣняется рыбной ловлей и разведеніемъ мелкаго скота [57]). На островахъ Тихаго океана мы также находимъ раздѣльную кухню, какъ и раздѣльныя трапезы обоихъ половъ. На островахъ Фиджи мужчины приготовляютъ тѣ кушанія, которыя изготовляются внѣ дома при помощи раскаленныхъ камней. „Въ настоящее время это ограничивается жареньемъ свиней; а прежде на обязанности мужчинъ лежало также приготовленіе человѣческаго мяса“ [58]). На западно-каролинскихъ островахъ женщины варятъ растеніе таро и онѣ же приготовляютъ сладкія кушанья, а приготовленіе мясныхъ блюдъ составляетъ обязанность мужчинъ [59]). Въ большей части Океаніи „женщинамъ запрещено ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, имъ запрещено даже ѣсть то, что изготовлено послѣдними. Точно также тщательно избѣгаютъ ѣсть съ кѣмъ-либо изъ одной посуды“ [60]).

То же рѣзкое раздѣленіе производства, а во многихъ случаяхъ и потребленія мы находимъ въ хозяйствѣ многихъ негритянскихъ племенъ [61]); здѣсь это раздѣленіе распространяется даже на имущество и на правовыя отношенія по имуществу. Одинъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ наблюдателей П. Погге коротко и ясно говоритъ о негритянскомъ племени сонгаи [62]): „женщина ведетъ на ряду съ хозяйствомъ мужа свое особое“. А при описаніи негритянскаго племени башиланге онъ замѣчаетъ [63]): „ни единому члену семейства во время ѣды нѣтъ дѣла до другого; въ то время какъ одни ѣдятъ, другіе приходятъ и уходятъ, какъ имъ вздумается; однако женщины большею частью ѣдятъ съ маленькими дѣтьми“. Наконецъ, о племени Лунда онъ сообщаетъ: „когда ка-

---

[57]) Срвн. Parkinson l. c. стр. 113, 122 (ueber Neu-Pommern).

[58]) Bässler: Südsee Bilder. стр. 226 и слѣд.

[59]) Kubary l. c. стр. 173.

[60]) Ratzel: Völkerkunde I, стр. 240.

[61]) Ѣда врозь мужа и жены: Stanley, Wie ich Livingstone fand II. стр. 174. Nachtigal, Sahara und Sudan I стр. 664.—Подробности см. у Thonnar'a, l. c. стр. 10 и слѣд.

[62]) Im Reiche des Muata Jamwo. стр. 40.

[63]) У Wissmann'a: Unter deutscher Flagge quer durch Afrika стр. 387. Im Reiche des Muata Jamwo стр. 178, 231.

раванъ располагается лагеремъ въ какомъ нибудь селеніи, то мѣстныя женщины приносятъ обыкновенно въ лагерь для продажи растительные продукты и куръ, между тѣмъ какъ козы, свиньи и овцы обыкновенно продаются только мужчинами [64]). Точно также и А. Вольфъ [65]) разсказываетъ, что на рынкѣ въ Ибанши всѣми сельскохозяйственными продуктами, матеріями, цыновками, гончарными издѣліями торговали женщины, лишь козы и вино продавались мужчинами. Такимъ образомъ, каждый полъ является собственникомъ продуктовъ своего труда и распоряжается ими самостоятельно [66]). Даже у племенъ съ ясно выраженнымъ родовымъ строемъ большая часть движимаго имущества является личною собственностью отдѣльныхъ индивидовъ, будутъ ли они свободны, или нѣтъ, мужского или женскаго пола [67]).

Распредѣленіе производства между обоими полами въ Африкѣ

[64]) Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 29.

[65]) У Wissmann'а и др.: Im Innern Afrikas, стр. 249 срвн.; Livingstone: Neue Missionsreisen I, стр. 115 II, 276 и слѣд.; Paulitschke: Ethnographie Nordost-Afrikas I, стр. 314; Pechuel-Loesche: Deutsche Rundschau LIX, стр. 290.

[66]) О семьѣ и хозяйствѣ племени ваньямвези, не стоящаго уже болѣе на низшей ступени развитія, Бертонъ даетъ слѣдующую характеристику (Exp. стр. 215 и слѣд., стр. 356): „Дѣти вскармливаются грудью цѣлыхъ два года. Мальчикъ уже въ четыре года начинаетъ учиться владѣть лукомъ. Въ очень раннемъ возрастѣ онъ уже пасетъ стадо. На одиннадцатомъ году онъ становится самостоятельнымъ пастухомъ, независимымъ отъ отца, засѣваетъ часть поля табакомъ и строитъ себѣ отдѣльную хижину. Дѣвушки до наступленія половой зрѣлости остаются въ родительской хижинѣ; потомъ онѣ группами въ 5—12 человѣкъ одного возраста совмѣстно строютъ себѣ жилище, въ которомъ онѣ принимаютъ своихъ возлюбленныхъ, причемъ родители нисколько не вмѣшиваются въ это... Семейная привязанность у этого племени вообще чрезвычайно слаба. Такъ напримѣръ, мужъ, пріѣзжающій съ берега съ грузомъ тканей, рѣшительно ничего не даетъ своей женѣ, она съ своей стороны не удѣлитъ ему ничего изъ полученнаго наслѣдства, хотя бы онъ умиралъ съ голоду. Онъ заботится о рогатомъ скотѣ, козахъ, овцахъ и домашней птицѣ, она смотритъ за хлѣбомъ и плодами. Табакъ каждая половина сѣетъ для себя отдѣльно, и если у мужа выйдетъ весь, то жена навѣрно не одолжитъ ему изъ своего запаса.—Въ этой странѣ оба пола не ѣдятъ вмѣстѣ. Мальчикъ никогда не будетъ ѣсть со своею матерью".

[67]) Thonnar l. c. стр. 44 и слѣд.

различается въ частностяхъ у разныхъ племенъ, но въ общемъ и здѣсь полеводство, приготовленіе всякой растительной пищи есть дѣло женщины, а охота, скотоводство, выдѣлка кожъ и ткачество выпадаетъ на долю мужчинъ [68]).

Часто этотъ порядокъ поддерживается еще и суевѣрными обычаями. Въ Угандѣ доеніе коровъ исполняется исключительно мужчинами: женщинѣ строго воспрещается даже прикасаться къ вымени коровы [69]). Съ другой стороны, въ государствѣ Лунда ни одинъ мужчина не долженъ присутствовать при добываніи масла изъ земляныхъ орѣховъ, ибо присутствіе его можетъ якобы испортить дѣло [70]). Обыкновенно носильщики, прислуживающіе путешественникамъ, отказываются исполнять женскія работы; двѣнадцатилѣтній мальчикъ, которому европеецъ приказываетъ принести дровъ, отвѣчаетъ, что позоветъ для этого свою мать. Ливингстонъ [71]) сообщаетъ о голодѣ среди мужчинъ въ какой то мѣстности, гдѣ не было женщинъ чтобы смолоть имѣвшуюся рожь. Раздѣльное потребленіе пищи обоихъ половъ закрѣпляется иногда и предписаніями полурелигіознаго характера [72]): женщинѣ запрещается употребленіе нѣкоторыхъ родовъ мяса, которые такимъ образомъ предоставлены однимъ мужчинамъ [73]).

Дѣти повсюду становятся очень рано самостоятельными и отдѣляются отъ родителей. Они въ такихъ случаяхъ часто живутъ

---

[68]) Срвн. въ особенности Fritsch: l. c. стр. 79 и слѣд. 183, 229, 325. Livingstone: Neue Missionsreisen I, стр. 72, III, 327 и слѣд. Подробно см. Schurtz: Das afrikanische Gewerbe (Leipzig. 1900) стр. 7 и слѣд. Thonnar: l. c. стр. 5, 37 и слѣд.

[69]) Emin Bey въ Petermanns Mitt. XXV (1879) стр. 392.

[70]) Wissmann, Wolf и др. Im Innern Afrikas стр. 63.

[71]) L. c. стр. 180, 266. Нѣчто подобное у индѣйцевъ: Waitz l. c. III, стр. 100.

[72]) Еще чаще въ Полинезіи. Срвн. Andree: Ethnographische Parallelen und Vergleiche, стр 114 и слѣд.

[73]) О своеобразномъ развитіи такого хозяйства срвн. Nachtigal: Sahara und Sudan III стр. 249. 162, 244. Иногда раздѣленіе сферъ дѣятельности обоихъ половъ простирается даже на духовную жизнь. У многихъ караибскихъ племенъ женщины многіе предметы называютъ другими словами, чѣмъ мужчины, такъ что можно говорить объ особомъ мужскомъ и женскомъ языкѣ. Въ новѣйшее время это явленіе сводится къ различію соціальнаго положенія обоихъ половъ и къ рѣзкому раздѣленію сферъ ихъ занятій. Срвн. Sapper: Intern. Archiv f. Ethnogr. X стр. 56 и слѣд.

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ особыхъ общинныхъ домахъ, какіе строятся мѣстами также и для женатыхъ мужчинъ. Такіе общинные дома для различныхъ возрастовъ мужского, а иногда и для незамужняго женскаго населенія, весьма распространены какъ въ Африкѣ, такъ и въ Америкѣ, особенно же въ Океаніи. Общежитія служатъ мѣстомъ собраній, развлеченій, а для молодежи и мѣстомъ для ночлега; они служатъ также пріютомъ для чужестранцевъ. Разумѣется, такіе дома являются новымъ препятствіемъ для развитія общаго домохозяйства, тѣмъ болѣе что нерѣдко семья распадается еще на нѣсколько частей, живущихъ врозь. Напримѣръ, на одномъ изъ Каролинскихъ острововъ — Гуапъ рядомъ съ ночлежными домами для холостыхъ имѣется еще для каждой семьи главный домъ, въ которомъ живетъ глава семьи, и жилье для каждой женщины; кромѣ того „приготовленіе пищи перенесено изъ жилого помѣщенія въ особый для каждаго члена семьи домикъ, который служитъ ему кухней“ [74]). То же находимъ и на островѣ Малликоло, принадлежащемъ къ Ново-Гебридскимъ островамъ [75]). Дальше этого индивидуализмъ въ области хозяйства едва ли можетъ идти.

Вообще для живущихъ въ полигаміи дикихъ племенъ можно установить за правило, что каждая женщина имѣетъ свое особое жилье [76]). У зулусовъ строятся даже особыя хижины почти для каждаго взрослаго члена семьи: особая для мужа, особая для его матери, особая для каждой изъ женъ и прочихъ взрослыхъ членовъ. Всѣ эти хижины расположены рядомъ и полукругомъ, притомъ такъ, что жилище мужа находится посрединѣ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что такую хижину можно соорудить въ нѣсколько часовъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ

---

[74]) Kubary: Ethnogr. Beiträge zur Kenntnis des Karol.-Archip. (Leiden). стр. 39.

[75]) Journal of the Anthropol. Institute of Great Britain and Ireland XXIII (1894) стр. 381.

[76]) Такъ напримѣръ (ограничимся лишь немногими примѣрами), на Антильскихъ островахъ: Starcke, Die primitive Familie, стр. 43; на островѣ Минданао: Schadenberg, Ztschr. f. Ethnol. XVII, стр. 12; у племени бакуба: Wissmann, Im Innern Afrikas, стр. 209; у племени монбутту: Schweinfurth, Ztschr. f. Ethnol. V, стр. 12, и Im Herzen Afrikas II, стр. 19 и слѣд., Casalis, Les Basoutos, стр. 132.

легко можно было бы увеличить, повсюду, даже у болѣе развитыхъ первобытныхъ племенъ, многаго еще не хватаетъ до замкнутаго единства того типа отдѣльнаго хозяйства, съ какимъ культурные народы Европы, судя по всему, что сохранилось объ ихъ первоначальномъ состояніи, уже вступили въ исторію. Объ общемъ домохозяйствѣ семьи не можетъ быть и рѣчи. Повсюду замѣтны еще крупные пробѣлы, и отдѣльному индивиду предоставляется особое хозяйственное существованіе, кажущееся намъ весьма страннымъ. Не слѣдуетъ, конечно, изъ за этой особенности упускать изъ виду объединяющіе моменты совмѣстнаго труда и взаимнаго содѣйствія другъ другу и преувеличивать проявляющіяся здѣсь центробѣжныя силы: но все же нельзя отрицать, что всѣ онѣ одного происхожденія: источникъ ихъ—практиковавшееся у всѣхъ этихъ народовъ въ теченіе тысячелѣтій индивидуальное добываніе пищи.

Въ этомъ заключается также и методологическое обоснованіе примѣненнаго здѣсь пріема изслѣдованія, при которомъ мы соединили вмѣстѣ народы весьма различнаго происхожденія и культурнаго уровня и разсматривали экономическія явленія изолировано отъ всѣхъ другихъ.

Такой методъ въ политической экономіи, какъ и въ другихъ соціальныхъ наукахъ, находитъ себѣ полное оправданіе [77]), если только этимъ путемъ получается возможность изъ огромной массы разъединенныхъ фактовъ, загромождающихъ этнологію подобно обширной кладовой, наполненной хламомъ, подвести значительное число подъ общій знаменатель и найти для нихъ простое объясненіе. Спеціально для политической экономіи такимъ путемъ достигается еще и та немаловажная выгода, что игрушечное изображеніе дикаря, произвольно вымышленнаго, выведеннаго абстрактно изъ представленія о культурномъ человѣкѣ, сходитъ со сцены и замѣняется образами, взятыми изъ дѣйствительности, хотя, конечно, наблюденія, при посредствѣ которыхъ они получены, въ смыслѣ точности оставляютъ желать еще многаго.

---

[77]) L. Wodon, (Sur quelques erreurs de méthode dans l'étude de l'homme primitif, Brux. 1906) правда, оспариваетъ это и требуетъ приложенія „психологическаго“ метода. Жаль, что онъ съ такимъ открытіемъ опоздалъ на полтораста лѣтъ.

II.

Экономическій бытъ современныхъ нецивилизованныхъ народовъ.

Нѣмецкое обозначеніе нецивилизованныхъ народовъ — „Naturvölker“ является особенно подходящимъ для характеристики низшихъ человѣческихъ расъ въ хозяйственномъ отношеніи. Они стоятъ къ природѣ ближе чѣмъ мы; они находятся въ большей зависимости отъ нея, на нихъ силы природы оказываютъ болѣе непосредственное вліяніе, и они погибаютъ отъ этихъ силъ скорѣй, чѣмъ мы. Культурный человѣкъ дѣлаетъ запасы; у него множество средствъ къ сохраненію и украшенію своего существованія; благодаря нынѣшнему развитію путей собщенія, онъ, въ случаѣ неурожая, располагаетъ урожаемъ полъ-міра; онъ подчиняетъ себѣ силы природы и заставляетъ ихъ служить своимъ цѣлямъ; торговля предоставляетъ къ услугамъ каждаго изъ насъ трудъ тысячи другихъ людей, и въ каждомъ домохозяйствѣ есть заботливое око, которое слѣдитъ за правильнымъ и бережливымъ потребленіемъ предметовъ, предназначенныхъ къ поддержанію нашего существованія. Нецивилизованный человѣкъ не дѣлаетъ обыкновенно сколько-нибудь значительныхъ запасовъ. Неурожай или вообще отсутствіе въ данное время тѣхъ источниковъ пропитанія, которые доставляетъ ему природа, поражаютъ его со всею силою; ему не извѣстны орудія, сокращающія количество необходимаго въ производствѣ труда, не извѣстно планомѣрное пользованіе временемъ, не извѣстно упорядоченное потребленіе; предоставленный своимъ слабымъ человѣческимъ силамъ, угрожаемый со всѣхъ сторонъ враждебными стихіями, онъ вынужденъ каждый день сызнова завоевывать себѣ право на жизнь и не знаетъ иногда, будутъ ли у него завтра средства хотя бы для утоленія голода. Тѣмъ не менѣе онъ безбоязненно смотритъ въ будущее; онъ дитя минуты; его не мучатъ никакія заботы; душа его преисполнена безграничнаго наивнаго эгоизма. Мысль его не уходитъ за предѣлы этого мгновенія, онъ лишь инстинк-

тивно слѣдуетъ своимъ побужденіямъ, находясь и въ этомъ отношеніи ближе къ природѣ, нежели мы [1]).

Прежде принято было дѣлить нецивилизованныя племена по роду ихъ занятій на охотниковъ, рыболововъ, пастуховъ и земледѣльцевъ. На эту классификацію смотрѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на послѣдовательныя ступени развитія, которыя каждый народъ долженъ пройти на пути къ культурному состоянію. Исходили изъ того предположенія, что первобытный человѣкъ первоначально питался животной пищей и лишь мало-по-малу подъ вліяніемъ нужды перешелъ къ растительной пищѣ. Самое добываніе растительной пищи разсматривалось, какъ нѣчто сопряженное съ большими трудностями, чѣмъ добываніе животной пищи, исходя изъ представленія о современномъ европейскомъ земледѣліи, для котораго необходимъ рабочій скотъ и искуственныя приспособленія, въ видѣ орудій и инструментовъ. Это предположеніе, однако, должно быть признано столь же ошибочнымъ, какъ и тѣ предпосылки, на которыхъ оно основывается. Конечно, исходнымъ пунктомъ всякаго хозяйства является добываніе пищи, а это послѣднее всецѣло зависитъ отъ распредѣленія природныхъ богатствъ на земномъ шарѣ. Вслѣдствіе этого человѣку съ самаго начала пришлось обратиться къ растительной пищѣ, и повсюду, гдѣ можно было добыть древесные плоды, ягоды, корни, онъ пользовался прежде всего ими. Въ случаѣ нужды онъ потреблялъ и мелкихъ животныхъ, которыхъ могъ пожирать въ сыромъ видѣ: моллюсковъ, червей, жуковъ, саранчу, муравьевъ и т. п. Въ непрестанныхъ поискахъ за пищей онъ, подобно звѣрямъ, пожиралъ тотчасъ же все, что находилъ, не заботясь о будущемъ.

Если мы пожелаемъ установить переходъ отъ этой ступени къ слѣдующей, то послѣ нѣкотораго размышленія намъ станетъ ясно, что первобытному человѣку нетрудно было сдѣлать наблюденіе, что отъ зарытаго въ землю клубня или орѣха получаются но-

[1]) Сравн. въ общемъ R. Vierkandt: Naturvölker und Kulturvölker (Leipzig. 1896) стр 260 и слѣд. О понятіи „Naturvölker", см. также Pankow: Ztschr. d. Ges. f. Erdkunde zu Berlin, т. XXXI (1896) стр. 158 и слѣд. Кому не нравится неопредѣленность этого понятія, не долженъ упускать изъ виду, что на практикѣ врядъ ли когда-либо возникалъ споръ, слѣдуетъ ли отнести данный народъ къ первобытнымъ (Naturvölker), или нѣтъ.

выя растенія—ужъ, конечно, не труднѣе, чѣмъ приручать животныхъ или изобрѣсти удочку, лукъ и стрѣлы, которые необходимы были для того, чтобы перейти къ охотѣ [2]). Въ отношеніи развитія техники и теперь еще многія охотничьи и пастушескія племена стоятъ гораздо выше, чѣмъ такъ называемыя земледѣльческія племена. Въ послѣднее время нѣкоторые ученые пришли къ тому выводу, что кочевники-скотоводы представляютъ собой, повидимому, одичавшихъ земледѣльцевъ: и въ самомъ дѣлѣ, весьма мало вѣроятно, чтобы охотники впервые пришли къ мысли приручать животныхъ для того, чтобы добывать молоко, яйца и масло. Кромѣ того, если оставить въ сторонѣ народы крайняго сѣвера, нѣтъ ни одного рыболовнаго, охотничьяго или пастушескаго племени, которое не добывало бы болѣе или менѣе значительную часть своей пищи изъ растительнаго царства. Съ этой цѣлью многіе изъ нихъ вынуждены вступать въ сношенія съ сосѣдними, занимающимися воздѣлываніемъ земли, племенами и вслѣдствіе этого лишены той хозяйственной самостоятельности, которая намъ необходима для нашего изслѣдованія и для полученія выводовъ общаго характера.

Такъ какъ типическими представителями охотничьихъ, рыболовныхъ и пастушескихъ народовъ являются тѣ племена, которыя живутъ въ исключительныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ, не дающихъ никакихъ другихъ средствъ пропитанія (охотники и рыболовы крайняго сѣвера, кочевники-скотоводы въ степяхъ и пустыняхъ Стараго Свѣта), то правильнѣе будетъ оставить ихъ при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи въ сторонѣ и ограничить площадь изслѣдованія лежащими между тропиками частями Америки, Африки, Австраліи, Малайскаго архипелага, Меланезіи и Полинезіи. Остается все же весьма обширное пространство, въ предѣлахъ котораго разнообразіе условій природы вызываетъ массу различій въ матеріальномъ быту человѣка. Но различія между отдѣльными племенами въ этомъ отношеніи будутъ далеко не столь значительными, какъ между эскимосомъ и жителемъ Полинезіи. Во всякомъ случаѣ при всемъ различіи племенъ въ усло-

---

[2]) Сравн. въ общемъ E. Hahn: Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. Leipzig 1896. P. R. Boos: Jagd, Viehzucht und Ackerbau als Kulturstufen въ Intern. Archiv f. Ethnographie. X (1897), стр. 187 и слѣд.

віяхъ и образѣ жизни у нихъ достаточно много общихъ чертъ, которыя способны приковать наше вниманіе. Въ то же время мы имѣемъ здѣсь передъ собой мѣстности древнѣйшихъ человѣческихъ поселеній, которыя, несмотря на богатства тропической природы, или, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого, являются повидимому также и тѣми, гдѣ люди развиваются наиболѣе медленно.

На всѣхъ ступеняхъ своего развитія обитающій въ этихъ широтахъ дикарь питается, повидимому, прежде всего растительной пищей—хотя бы уже по той причинѣ, что животная пища ему всегда доставалась съ гораздо большимъ трудомъ. Этому не противорѣчитъ то, что у многихъ дикихъ племенъ мы замѣчаемъ, по временамъ, жадность по отношенію къ мясной пищѣ, которая насъ ужасаетъ, ибо для удовлетворенія ея они не останавливаются даже передъ людоѣдствомъ. Это, по всѣмъ вѣроятіямъ, происходитъ отъ того, что для нормальнаго физическаго существованія человѣка необходимо опредѣленное количество соли, котораго ему чисто-растительная пища не доставляетъ, между тѣмъ какъ, питаясь время отъ времени сырымъ мясомъ, можно обойтись безъ соли. Ту же жадность по отношенію къ соли обнаруживаютъ вѣдь и наши чисто-травоядныя домашнія животныя.

Потребность въ пищѣ является наиболѣе настоятельною, а первоначально и единственной потребностью, которая побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, заставляетъ его безостановочно рыскать до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворитъ эту потребность. У наиболѣе низко стоящихъ племенъ разсматриваемой нами части земного шара это происходитъ такимъ образомъ, что мужчины, вооруженные лукомъ и стрѣлами, занимаются охотой, женщины же лазаютъ на деревья за плодами, собираютъ ягоды, или, въ поискахъ за корнями, разрываютъ землю заостреннымъ кускомъ дерева. Такимъ образомъ уже при этомъ примитивномъ добываніи пищи устанавливается раздѣленіе труда между полами, которое доходитъ до того, что женщина добываетъ растительную пищу, а мужчина животную. И такъ какъ добытая пища обыкновенно тутъ же и пожирается, и одинъ индивидъ не считается съ другимъ, пока онъ самъ голоденъ, то получается различіе въ питаніи обоихъ половъ,— различіе, которое, быть можетъ, существеннымъ образомъ повліяло на дифференціацію въ физическомъ ихъ развитіи.

Раздѣленіе труда у этихъ первобытныхъ кочующихъ ордъ, на

образѣ жизни которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться болѣе подробно, продолжается и на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія и достигаетъ впослѣдствіи столь рѣзкаго проявленія, что разграниченныя разъ навсегда области дѣятельности мужчины и женщины становятся какъ бы своего рода вторичными половыми признаками, уразумѣніе которыхъ даетъ намъ возможность выяснить особенности хозяйства первобытныхъ народовъ. Указаннымъ моментомъ прежде всего опредѣляется весь характеръ производства у этихъ народовъ.

Обращаясь къ этому послѣднему, слѣдуетъ прежде всего указать на то, что огромное большинство первобытныхъ народовъ, въ то время, когда они стали извѣстны европейцамъ, уже знали земледѣліе и занимались имъ, какъ-то: всѣ негритянскія племена Африки (за ничтожными исключеніями), малайцы, жители Полинезіи и Меланезіи, туземное населеніе Америки, за исключеніемъ племенъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ и на крайнемъ югѣ этой части свѣта. Благодаря литературѣ, которую мы читаемъ въ дѣтствѣ, очень распространено заблужденіе, будто сѣверо-американскіе индѣйцы принадлежатъ къ чисто-охотничьимъ племенамъ. Между тѣмъ всѣ племена на востокѣ отъ Миссисипи и къ югу отъ рѣки Св. Лаврентія, знакомы были съ воздѣлываніемъ идущихъ въ пищу растеній еще до появленія европейцевъ, а племена, живущія въ другихъ областяхъ, по крайней мѣрѣ, собирали зерна водяного риса (zizania aquatica) и мололи муку изъ плодовъ кустарника манцанита [3]).

Однако земледѣліе у первобытныхъ народовъ носитъ совершенно своеобразный характеръ [4]). Прежде всего отсутствуетъ то орудіе, которое намъ представляется безусловно необходимымъ для сельскаго хозяйства—плугъ. Этимъ народамъ неизвѣстны также повозки и упряжныя животныя, наконецъ, скотоводство не является у нихъ составною частью сельскаго хозяйства. Удобреніе почвы хотя кой-гдѣ и встрѣчается, но чрезвычайно рѣдко; чаще находимъ мы приспособленія для орошенія, особенно на плантаціяхъ риса и

---

[3]) Waitz: Anthropologie der Naturvölker III. стр. 8 и слѣд.

[4]) Сравн. E. Hahn, l. c. стр. 388 и слѣд., а также тщательныя изслѣдованія R. Lasch'a: Ztschr. f. Socialwissenschaft VII, стр. 25 и слѣд., 97 и слѣд., 190 и слѣд., 248 и слѣд.

таро. По общему правилу, однако, когда въ воздѣлываемомъ участкѣ истощаются питательныя вещества, племя переходитъ на другое мѣсто: это облегчается тѣмъ, что частной собственности на землю не существуетъ: земля составляетъ общую собственность племени или же сельской общины. Наконецъ, всѣ полевыя работы производятся почти исключительно женщинами. Лишь при распахиваніи нови мужчины приходятъ имъ на помощь

Въ послѣднее время эта обработка полей у первобытныхъ народовъ получила названіе киркованія (Hackbau), ибо главнымъ инструментомъ при этомъ служитъ короткая кирка, вмѣсто которой у нѣкоторыхъ племенъ еще сохранилась первоначально употребляемая заостренная палка для разрыванія почвы. Главными предметами воздѣлыванія были тропическія клубневыя растенія: мандіокъ, ямъ, тарро, бататы, земляной орѣхъ, затѣмъ бананы, различныя тыквенныя растенія, бобы, наконецъ злачныя— рисъ, дурра и маисъ. Родиной риса былъ, вѣроятно, южный Китай, родиной дурры является Африка, маиса, какъ извѣстно, Америка. Наконецъ, при этой системѣ обработки земли воздѣлываются и тропическія фруктовыя деревья: саговая, финиковая и кокосовая пальмы, хлѣбное дерево и т. п.

Вслѣдствіе несовершенства орудій при такомъ способѣ обработки (киркованіи) могутъ воздѣлываться лишь небольшіе участки. Съ внѣшней стороны и по характеру обработки эта система родственна нашему садоводству. Поля большею частью раздѣлены на гряды, которыя нерѣдко образцово вспаханы и тщательно выполены. Кругомъ поле обнесено оградой для защиты отъ дикихъ звѣрей; противъ зерноядныхъ птицъ, особенно вредныхъ для урожая въ тропическихъ странахъ, малайцы ставятъ искусно сооруженныя чучела; въ Африкѣ большею частью строятся на поляхъ особыя сторожевыя будки, откуда дѣвушки крикомъ прогоняютъ животныхъ. Иногда поле покидаютъ уже послѣ первой жатвы, но чаще примѣняется опредѣленный сѣвооборотъ. Въ бассейнѣ Конго, напримѣръ, вновь вспаханное поле засѣвается прежде всего, бобами; когда бобы сняты, сѣется желтое початковое просо; между нимъ нерѣдко уже сажаютъ разводки мандіока, который даетъ полную жатву лишь черезъ 1½—2 года, поле остается подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока корни его не начнутъ деревенѣть, послѣ чего нужно искать другой пашни. На островѣ

Новопомеранія сначала сѣютъ корни ямъ, затѣмъ тарро и лишь послѣ этого бананы, сахарный тростникъ и т. п. [5]).

Путешественники часто разсказываютъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое они переживали, когда при выходѣ изъ негостепріимныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ вдругъ открывались передъ ними тщательно воздѣланныя поля туземцевъ. Въ сравнительно густо населенныхъ частяхъ Африки такіе посѣвы тянутся иногда на значительномъ пространствѣ, и если кромѣ того принять во вниманіе непрочность существованія, постоянныя распри и разбойничьи набѣги, при которыхъ никто не увѣренъ, пожнетъ ли онъ то, что посѣялъ, то трудолюбіе негритянокъ представится намъ весьма замѣчательнымъ. Ливингстонъ въ одномъ мѣстѣ въ трогательной формѣ описываетъ опустошенія во время охоты на невольниковъ: люди были убиты, дома разрушены, на поляхъ же зрѣли колосья, и не было никого, кто могъ бы убрать жатву. Однако, существованіе этихъ народовъ вообще еще не связано прочно съ землей; ихъ селенія рѣдко остаются въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній на одномъ и томъ же мѣстѣ [6]); дома ихъ представляютъ временныя постройки изъ прутьевъ и травы; все остальное добро ихъ легко можетъ быть унесено на спинѣ, либо добыто вновь, и въ нѣсколько дней на новомъ мѣстѣ возникаетъ село, въ которомъ имѣется все, что было въ старомъ—за исключеніемъ развѣ насѣкомыхъ.

Для такого образа жизни обработка земли въ формѣ киркованія какъ бы создана. Она не требуетъ никакихъ постоянныхъ средствъ производства, кромѣ маленькой кирки, а при посѣвѣ злаковъ еще и ножа для срѣзыванія колосьевъ. Запасовъ почти никакихъ дѣлать не нужно, ибо климатъ даетъ возможность собирать жатву нѣсколько разъ въ годъ. Сохраняется обыкновенно только хлѣбное зерно въ небольшихъ выстроенныхъ на сваяхъ кладовыхъ.

[5]) Описанія киркованія земли въ Анголѣ (бассейнъ Конго): Pogge, Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 8 и сл., и у Wissmann'a, Unter deutscher Flagge quer durch Afrika, стр. 33 и сл.; у племени монбутту: Schweinfurth!! Im Herzen Afrikas II. стр. 91 и сл.; въ Минданао: Ztschr. f. Ethnol. XVII стр. 19 и сл.; въ Новой Гвинеѣ: Finsch, Samoafahrten, стр. 56 и сл.; въ Ново-Померaніи: Parkinson, Im Bismarck-Archipel, стр. 118 и сл.; въ Южной Америкѣ: Martius, Zur Ethnographie Amerikas, стр. 84 и сл., 489 и сл. Сравн. также Lasch, l. c. стр 114 и сл.

[6]) Ratzel: Völkerkunde I, стр. 85. Pankow, l. c., стр. 167 и слѣд.

въ погребахъ или большихъ глиняныхъ сосудахъ; но и оно должно быть скоро съѣдено, ибо иначе оно все равно сгніетъ отъ сырости, зерновой моли и термитовъ. Ливингстонъ въ этомъ усматриваетъ причину того, что негры при хорошемъ урожаѣ варятъ такъ много пива [7]).

Киркованіе и въ настоящее время представляетъ одну изъ наиболѣе распространенныхъ системъ сельскаго хозяйства. Мы находимъ ее во всей центральной Африкѣ (отъ 18° с. ш. до 22° ю. ш.), въ Южной и Средней Америкѣ, на австралійскихъ островахъ, въ значительной части Индо-Китая и индійскаго архипелага. Первоначально оно, повидимому, производилось женщинами и какъ таковое оно представляетъ существенный факторъ въ развитіи культуры. Женщина, съ древнѣйшихъ временъ занимавшаяся разрываніемъ корней, отсюда, очевидно, и перешла къ обработкѣ земли. Вотъ почему главнымъ предметомъ ея посѣвовъ являются мучнистые клубни и корни. На этомъ пути она пріобрѣла техническій опытъ, котораго не было у мужчины; вскорѣ ея трудомъ стали удовлетворяться важнѣйшія жизненныя потребности, и такимъ образомъ создалось основаніе для прочной семейной организаціи, въ которой мужчинѣ предоставлены были функціи защиты и добываніе мясной пищи. И лишь тамъ, гдѣ мало охотничьей добычи, мужчина также принимаетъ участіе въ обработкѣ земли, какъ напримѣръ, у малайцевъ.

Обратимся теперь ко второму источнику пропитанія: охотѣ и рыболовству. Вслѣдствіе несовершенства оружія, охота у первобытныхъ народовъ имѣетъ много сходства съ тѣмъ, какъ хищный звѣрь преслѣдуетъ свою добычу. Стрѣлой или копьемъ можно ранить крупнаго звѣря, но нельзя убить его, и задача охотника заключается въ преслѣдованіи его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ въ изнеможеніи. Но такъ какъ такой способъ охоты въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ стать весьма опаснымъ, то были выдуманы разнообразные способы ловли (ямы, засѣки, заставы), или же, при непосредственномъ нападеніи на дикаго звѣря, охота ведется совмѣстно цѣлыми племенами или селеніями [8]). Выработа-

[7]) Neue Missionsreisen in Süd-Afrika (нѣм. пер. Martin'a) I, стр. 60.

[8]) Ср. напр. о способахъ охоты у кафровъ G. Fritsch: Die Eingeborenen Süd-Afrikas, стр. 81 и сл., у южноамериканцевъ—Martius, l. c. стр. 82, 101.

лась общинная собственность на мѣста охоты, и установлены точныя правила относительно раздѣла добычи, на которыхъ мы однако не имѣемъ возможности останавливаться подробно. [9]). Для насъ существенно то, что это добываніе пищи вызываетъ извѣстную организацію труда по принципу соединенія труда,—обстоятельство, которое, конечно, имѣло значеніе для возникновенія первоначальныхъ политическихъ союзовъ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно рыболовства [10]), особенно тамъ, гдѣ оно производится у берега моря съ помощью лодокъ и большихъ неводовъ, сооруженіе которыхъ, какъ и пользованіе ими, требуетъ совмѣстнаго труда многихъ. Жители Новой Зеландіи плетутъ, напримѣръ, сѣти въ 1000 аршинъ длины, при употребленіи которыхъ необходимы сотни рукъ. Первобытные народы выдумали безчисленное количество всевозможныхъ способовъ ловли рыбы: наряду съ удочкой и неводомъ употребляются стрѣлы, копья, кузова и одурманивающія средства. Всѣ извѣстные намъ факты свидѣтельствуютъ о томъ, что на этой ступени развитія рыболовство имѣетъ болѣе правильный характеръ и играетъ болѣе крупную роль въ жизни племени, нежели охота; на нѣкоторыхъ сотровахъ Южнаго Океана опредѣлены даже разъ навсегда дни въ недѣлѣ, которые посвящаются общимъ рыболовнымъ экспедиціямъ, и предводители этихъ экспедицій являются вмѣстѣ съ тѣмъ и военачальниками.

Рѣчное рыболовство особенно развито у туземныхъ жителей Южной Америки, среди которыхъ есть племена, получившія названіе рыболововъ-кочевниковъ, такъ какъ они странствуютъ отъ одной рѣки къ другой и такимъ образомъ снискиваютъ себѣ пропитаніе. Такія явленія въ видѣ единичныхъ случаевъ встрѣчаются и въ Африкѣ. Но вездѣ, повидимому, рыболовство какъ таковое является дѣломъ мужчинъ, и лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Полинезіи женщины также принимаютъ въ немъ извѣстное участіе.

Въ виду того, что мясо легко подвержено порчѣ, продукты охоты

---

[9]) Нѣкоторыя данныя собраны у Post'a: Afrikanische Jurisprudenz, II, стр. 162 и сл.; Lubbock: Entstehung der Zivilisation, стр. 377 (русск. перев. стр. 331).

[10]) Объ этомъ срвн. въ общемъ Ratzel: Völkerkunde I, стр. 234, 396, 506, 531.

и рыболовства въ тропическихъ странахъ составляютъ лишь временное дополненіе къ растительной пищѣ. Правда, сушка и даже копченіе рыбъ и нарѣзаннаго полосками мяса было извѣстно и примѣнялось уже въ раннія времена: это практикуется какъ у жителей Полинезіи, такъ и у малайцевъ, американцевъ и даже у негровъ и австралійцевъ. Но все же этимъ путемъ можетъ быть удовлетворена лишь столь незначительная часть потребности въ пищѣ, что у многихъ народовъ только знатнымъ лицамъ разрѣшается потребленіе извѣстныхъ сортовъ дичи, и довольно широко распространенъ запретъ женщинамъ ѣсть нѣкоторыя мясныя блюда. Основой же хозяйства охота и рыболовство являются лишь у небольшихъ лѣсныхъ племенъ, а равно племенъ, живущихъ у берега моря, которымъ сушеное мясо даетъ возможность поддерживать обмѣнъ съ занимающимися земледѣліемъ сосѣдями.

Въ виду этого можно было бы предположить, что первобытные народы рано напали на мысль о прирученіи животныхъ и разведеніи ихъ для правильнаго добыванія мясной пищи. Однако, о скотоводствѣ въ полномъ смыслѣ этого слова у народовъ тропическихъ странъ едва ли можетъ быть рѣчь. Изъ нашихъ домашнихъ животныхъ всеобщимъ распространеніемъ пользуется только курица; кромѣ того въ Африкѣ встрѣчается еще коза, у малайцевъ и жителей Полинезіи—свинья, у американцевъ—индюкъ, турецкая утка и морская свинка. Быкъ имѣется только у нѣкоторыхъ малайскихъ племенъ и въ полосѣ восточной Африки, которая, то съуживаясь, то расширяясь, проходитъ почти чрезъ весь материкъ, отъ негритянскихъ племенъ динка и бари на сѣверномъ Нилѣ до готтентотовъ и нама (намаква) на югѣ. Но большинство этихъ народовъ не впрягаютъ быка въ повозку; нѣкоторые изъ нихъ даже не потребляютъ коровьяго молока; многія племена убиваютъ животныхъ только въ томъ случаѣ, если они достались имъ въ добычу отъ другихъ племенъ [11]). Лишь въ единичныхъ случаяхъ въ экваторіальной Африкѣ быкъ служитъ для верховой ѣзды и въ качествѣ вьючнаго животнаго; по общему же правилу у негритянскихъ народовъ быкъ является лишь „символомъ богатства и предметомъ почти мистическаго поклоненія“, т. е. служитъ лишь для забавы.

---

[11]) Schweinfurth: Im Herzen Afrikas I стр. 176. Livingstone, Expedition to Zambesi стр. 528. Pogge l. c. стр. 23. Wissmann, Wolf ect. Im Innern Afrikas стр. 25, 127.

И такимъ именно характеромъ, вообще говоря, отличается разведеніе животныхъ у нецивилизованныхъ народовъ. Индійская деревня во внутренней Бразиліи походитъ на большой звѣринецъ: въ хижинахъ и около нихъ мы находимъ всякую тварь земную, начиная отъ попугая и обезьяны и кончая тапиромъ, орломъ и ящерицей: тутъ даже умѣютъ красить перья живыхъ птицъ: но ни одно изъ этихъ животныхъ не разводится ради хозяйственныхъ цѣлей: даже яйца куръ, содержимыхъ въ большомъ количествѣ, не употребляются въ пищу [12]). Животныя являются для индѣйца товарищами, которые доставляютъ ему удовольствіе: но такого рода разведеніе животныхъ находится очевидно въ гораздо болѣе тѣсной связи съ охотой, чѣмъ съ земледѣліемъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ прирученными, а не съ домашними животными. Весьма сходно съ этимъ положеніе, какое занимаетъ свинья въ домохозяйствѣ океанійцевъ: она является баловнемъ всей семьи; женщины нерѣдко вскармливаютъ ея дѣтенышей своимъ молокомъ: но мясо ея потребляется только знатью по праздничнымъ днямъ. Единственное животное, распространенное у всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ — собака составляетъ только предметъ роскоши; нигдѣ почти она не употребляется для охоты: нѣкоторыя племена потребляютъ собачье мясо, но, по словамъ различныхъ путешественниковъ, это дѣлаютъ исключительно тѣ племена, которыя являются и людоѣдами.

Изъ всего изложеннаго видно, что, вообще говоря, скотоводство у нецивилизованныхъ народовъ существеннаго значенія въ дѣлѣ производства пищевыхъ продуктовъ не имѣетъ и является въ ихъ хозяйствѣ почти исключительно потребляющимъ элементомъ.

Однако, потребности этихъ народовъ не ограничиваются однимъ лишь питаніемъ. Даже стоящіе на самой низкой ступени развитія разрисовываютъ и разукрашиваютъ свое тѣло, выдѣлываютъ стрѣлы и луки; болѣе развитыя племена строятъ дома, плетутъ и ткутъ всякаго рода ткани, выдѣлываютъ утварь, обжигаютъ глиняную посуду; всѣ они приготовляютъ пищу на огнѣ и всѣ они, за не-

[12]) Ehrenreich l. c. стр. 13 и сл. 54. Martius l. c. стр. 672 и сл. K. v. d. Steinen l. c. стр. 210, 379. То же и у жителей Океаніи: Ratzel. Völkerk. I, стр. 236.

многими исключеніями, умѣютъ изготовлять хмѣльные напитки. Для всего этого необходимъ трудъ различнаго рода, который мы можемъ обозначить обработкой вещества и который по существу составляетъ то, что мы называемъ промышленностью или индустріей. Какъ же организованъ этотъ трудъ у нецивилизованныхъ народовъ?

Давая отвѣтъ на этотъ вопросъ, надо различать двѣ вещи— техническую сторону и хозяйственную сторону промышленности.

Техника обработки вещества зависитъ прежде всего отъ условій природы и поэтому она у большинства нецивилизованныхъ народовъ развита весьма односторонне [13]). Орудіями ея являются первоначально лишь предметы въ ихъ естественномъ видѣ, какъ то: камни, кости животныхъ, раковины, заостренные куски дерева,—предназначенные почти исключительно для увеличенія силы человѣческихъ органовъ. Изъ болѣе сложныхъ орудій можно назвать только ручную мельницу и ступку для толченія. Первая въ своемъ первоначальномъ видѣ состоитъ изъ одного подвижнаго камня и другого неподвижнаго, на которомъ хлѣбныя зерна размалываются приблизительно такъ же, какъ краски на растирательномъ камнѣ у нашихъ ремесленниковъ. Ступка представляетъ собой выдолбленный кусокъ древеснаго ствола съ деревяннымъ пестомъ. Простѣйшія, сберегающія трудъ механическія приспособленія—какъ то: клинъ, рычагъ, клещи, винтъ, имъ неизвѣстны. Лодки ихъ представляютъ собой выдолбленные посредствомъ огня древесные стволы или соединенные вмѣстѣ куски коры, а весла— ложкообразные куски дерева съ короткими рукоятками, которые являются не болѣе какъ расширеніемъ человѣческой ладони. Искусство соединять куски дерева или другого матеріала посредствомъ шиповъ, гвоздей, зубцовъ, клея—имъ неизвѣстно. Примѣняется лишь связыванье посредствомъ тягучихъ волоконъ или бичевокъ или же просто стеблей вьющихся растеній. Обитатели о. Самоа даже при сооруженіи своихъ большихъ военныхъ лодокъ, въ которыхъ помѣщается нѣсколько сотъ человѣкъ, не употребляютъ желѣзныхъ гвоздей. Отдѣльныя планки связываются бичев-

---

[13]) Относительно дальнѣйшаго см. K. Bücher: Arbeit und Rhythmus, 3. Aufl. стр. 10 и сл. (К. Бюхеръ: Работа и ритмъ, русск. пер. подъ ред. Коропчевскаго. 1899, изд. Поповой, стр. 6 и слѣд.).

ками изъ кокосовыхъ волоконъ. Обработка металловъ австралійцамъ, жителямъ Меланезіи и Полинезіи и первоначальнымъ обитателямъ Америки была до появленія европейцевъ неизвѣстна. Напротивъ, среди негритянскихъ племенъ повсюду распространено добываніе и обработка желѣза, а мѣстами и мѣди: еще болѣе развитую технику обработки металловъ мы находимъ лишь у малайцевъ. Но именно въ характерѣ производства желѣза у негровъ обнаруживается вся техническая безпомощность этихъ народовъ. Ихъ кузнецы не додумались даже до того, чтобы собственныя орудія сдѣлать изъ желѣза. Молотъ и наковальня представляютъ собою камни, а щипцами часто служатъ ребра пальмоваго листа.

Несмотря на такую техническую отсталость, многіе первобытные народы своими убогими орудіями изготовляютъ предметы такого качества и обнаруживающіе такой художественный вкусъ, что приводятъ насъ въ изумленіе. Это мыслимо лишь благодаря тому, что въ зависимости отъ распространенія того или другого вида сырья въ данной мѣстности опредѣленныя техническія искусства культивируются односторонне, но вмѣстѣ съ тѣмъ широко—въ особенности, плетеніе, гончарное искусство, рѣзьба по дереву. Чего только тропическіе народы не выдѣлываютъ изъ лыка и волокнистыхъ веществъ, которыя они находятъ въ своихъ лѣсахъ, изъ вязкихъ травъ и ситника—начиная отъ матеріи изъ коры и цыновокъ и кончая непромокаемыми корзинами, чашками и бутылками! Чего только не дѣлаютъ жители индійскаго архипелага и восточной Азіи изъ бамбука. отъ балокъ для постройки домовъ вплоть до посуды для сохраненія воды и музыкальныхъ инструментовъ! А какъ пышно развилась рѣзьба по дереву у папуасовъ! И сколько терпѣнія и выдержки требуютъ всѣ эти издѣлія! На выдѣлку одной изъ тѣхъ тонкихъ цыновокъ, какія жители о. Самоа плетутъ изъ пандануса. необходимо потратить иногда цѣлый годъ. Чтобы сработать кусокъ матеріи изъ волоконъ Rafia на Мадагаскарѣ, затрачиваютъ нерѣдко нѣсколько мѣсяцевъ. Столь же долго продолжается выдѣлка гамака у индѣйцевъ Южной Америки. Шлифовка и сверленіе кусочковъ молочно-бѣлаго кварца, которые бразильское племя Taupes носятъ на шеѣ, составляетъ нерѣдко продуктъ труда двухъ поколѣній.

Это приводитъ насъ непосредственно къ разсмотрѣнію хозяй-

ственной организаціи производства. Собственно профессіональныхъ работниковъ, за немногими исключеніями, у нецивилизованныхъ народовъ вовсе нѣтъ. Каждая семья собственнымъ трудомъ должна удовлетворять этого рода потребности своихъ членовъ и удовлетворяетъ ихъ, благодаря тому своеобразному раздѣленію функцій между обоими полами, съ которымъ мы уже познакомились. Каждому не только отведена опредѣленная область въ сферѣ добыванія пищи, но каждый полъ кромѣ того производитъ и всѣ состоящія въ связи съ этимъ техническія работы: женщина производитъ все, что связано съ растительнымъ міромъ, мужчина выдѣлываетъ оружіе, орудія для охоты, рыболовства и скотоводства, производить предметы изъ костей и шкуръ животныхъ и строитъ лодки. Обыкновенно мужчина также жаритъ мясо, сушитъ рыбу; на женщинѣ же лежитъ еще трудная обязанность смолоть сжатый ею хлѣбъ, далѣе—пивовареніе, выдѣлка и обжиганіе глиняныхъ горшковъ, а въ большинствѣ случаевъ и постройка хижины. Рядомъ съ этими имѣются еще и другіе виды обрабатывающей промышленности, которые выполняются то однимъ то другимъ поломъ, какъ напримѣръ: пряденіе, тканье, плетеніе, приготовленіе пальмоваго вина, матерій изъ коры и т. п. Но въ общемъ раздѣленіе областей труда проведено довольно строго; мало того, это раздѣленіе между полами простирается даже на потребленіе [14]).

Мы не можемъ болѣе подробно останавливаться на этомъ своеобразно сложившемся дуализмѣ домохозяйства у нецивилизованныхъ народовъ. Но необходимо отмѣтить, что такой трудъ отдѣльныхъ членовъ семьи, предоставленныхъ собственнымъ силамъ, не достаточенъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей хозяйственной жизни. Въ такихъ случаяхъ, при работахъ, требующихъ больше силъ, чѣмъ имѣется въ одной семьѣ, прибѣгаютъ прежде всего къ помощи сосѣдей, или же работа производится совмѣстно всею сельской общиной. Такъ производится въ Африкѣ выкорчеваніе лѣсовъ для посѣвовъ, сооруженіе засѣкъ и рвовъ для поимки дикихъ звѣрей, охота на слоновъ, въ Полинезіи—выдѣлка большихъ рыболовныхъ сѣтей, постройка обширныхъ жилищъ, печеніе хлѣбныхъ плодовъ въ общественныхъ печахъ и т. п. Тамъ, гдѣ существуетъ родовой строй, имѣется возможность

[14]) См. выше стр. 28 и слѣд.

умноженія рабочихъ силъ, которыми располагаетъ хозяйство, а слѣдовательно, повышенія производительности, по сравненію съ тѣмъ, что доставляетъ сила одного человѣка. Это особенно замѣтно тамъ, гдѣ родъ покоится на полигамическомъ основаніи. Такъ какъ на женщинѣ съиздавна лежала значительная часть производительнаго труда, то хозяйственная сила рода возрастала въ тѣмъ большей степени, чѣмъ больше женъ было у главы семейства. Кто не можетъ купить себѣ жены, вынужденъ, въ виду беззащитности каждаго въ отдѣльности, удовлетвориться пріютомъ въ родственной семьѣ, глава которой соглашается купить ему жену; въ другихъ случаяхъ онъ входитъ въ чужой родъ въ качествѣ крѣпостного или раба. Съ количествомъ женъ увеличивается также и число дѣтей, и такимъ образомъ въ самомъ родѣ заключена способность естественнаго роста хозяйства. Онъ располагаетъ многочисленными женскими и мужскими рабочими силами и можетъ поэтому, смотря по потребностямъ и желанію, примѣнять въ однихъ случаяхъ соединеніе, въ другихъ раздѣленіе труда [15]).

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго племени обработка и отдѣлка сырого матеріала, вслѣдствіе того, что она производится каждымъ родовымъ хозяйствомъ самостоятельно, не представляетъ возможности образованія отдѣльныхъ профессій. Правда, нѣкоторые писатели, ссылаясь на разсказы путешественниковъ, судившихъ лишь по внѣшнимъ признакамъ, утверждали, будто у различныхъ нецивилизованныхъ народовъ существуютъ ремесленники. Такъ, указывали, что на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго океана встрѣчаются особые плотники, строители лодокъ, бурильщики камней, спеціалисты по плетенію сѣтей и рѣзьбѣ по дереву. Однако, при болѣе тщательной провѣркѣ этихъ указаній они не подтвердились. Сомнѣніе возникаетъ относительно малайцевъ; впрочемъ, доказано, на мой взглядъ, лишь существованіе туземныхъ работниковъ по металлу. Въ Африкѣ только у полукультурныхъ народовъ Судана имѣются зачатки особаго сословія ремесленниковъ. Всѣ же остальные случаи, гдѣ у нецивилизованныхъ народовъ были обнаружены яко-бы профессіональные ремесленники, сводятся либо къ тому, что путешественники случайно

[15]) Сравн. ясное изображеніе этого у Thomas'a l. c. стр. 17 и слѣд.

встрѣчали отдѣльныхъ особенно искусныхъ въ какой-либо отрасли техники лицъ, либо цѣлыя племена или мѣстности преимущественно занимались какимъ-нибудь домашнимъ производствомъ, о чемъ подробно будетъ сказано ниже. Ремесла, развившіяся подъ вліяніемъ европейцевъ, сюда, конечно, не относятся.

Напротивъ, между отдѣльными племенами именно въ области обрабатывающей промышленности замѣчаются значительныя различія. Можно даже утверждать, что почти каждое племя обладаетъ излюбленной отраслью производства, въ которой оно превосходитъ другія племена. Тамъ, гдѣ имѣется хорошая горшечная глина, женщины легко достигаютъ значительной искусности въ гончарномъ производствѣ; гдѣ есть желѣзная руда, процвѣтаетъ кузнечный промыселъ, въ изобилующихъ лѣсами мѣстностяхъ у морского берега—сооруженіе лодокъ. Особенность другихъ племенъ и мѣстностей составляетъ приготовленіе соли изъ растительной золы, пальмоваго вина, кожи или одежды изъ шкуръ, третьихъ—выдѣлка тыквенной посуды, корзинъ, цыновокъ, тканей; но всѣ эти искусства извѣстны всякому мужчинѣ или всякой женщинѣ даннаго племени или даннаго мѣста - и примѣняются ими; и если путешественники называютъ ихъ кузнецами, солеварами, корзинщиками, ткачами, то это слѣдуетъ понимать въ томъ же смыслѣ, какъ если, говоря о нашихъ крестьянахъ, мы называемъ ихъ пахарями, жнецами, косарями, молотильщиками, смотря по тому, какую работу они исполняютъ въ данное время. Здѣсь рѣчь идетъ не о спеціальной профессіи, которой посвящена вся жизнь человѣка, а о дѣйствіяхъ, составляющихъ неотъемлемыя части отдѣльнаго семейнаго хозяйства, что, конечно, не мѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ превзойти въ данномъ искусствѣ своихъ соплеменниковъ — совершенно такъ же, какъ среди нашихъ крестьянокъ встрѣчаются особенно искусныя прядильщицы, или среди сельскихъ хозяевъ — коневоды и пчеловоды, получающіе преміи на выставкахъ.

Эта спеціализація въ отношеніи промышленной техники у отдѣльныхъ племенъ и селеній нерѣдко отмѣчалась путешественниками. „Села туземцевъ—пишетъ одинъ бельгійскій путешественникъ о нижнемъ Конго—расположены группами. Жизнь ихъ основана на взаимопомощи, и они до извѣстной степени дополняютъ другъ друга. Каждая группа имѣетъ свою болѣе или менѣе вы-

раженную специальность: одна занимается рыболовствомъ, другая изготовляетъ пальмовое вино, третья посвятила себя торговлѣ и является для другихъ банкиромъ, снабжающимъ ихъ всѣмъ, что получается извнѣ, четвертая оставила за собой обработку желѣза и мѣди и производитъ оружіе для войны и охоты, утварь различнаго рода и т. п. Никто не въ правѣ перейти за предѣлы своей спеціальности подъ страхомъ подвергнуться опозоренію". Бастіанъ сообщаетъ о значительномъ числѣ такихъ мѣстъ производства опредѣленныхъ издѣлій въ предѣлахъ домашняго хозяйства, которыя онъ наблюдалъ на побережьи Лоанго. Можно было бы привести еще больше такихъ наблюденій и не только относительно Африки [16]), островов Тихаго океана, но также относительно Южной и Средней Америки [17]).

Мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что въ этой племенной промышленности выраженъ принципъ, управляющій хозяйственнымъ развитіемъ нецивилизованныхъ народовъ. Здѣсь впервые дана возможность расширить удовлетвореніе потребностей отдѣльнаго лица и цѣлыхъ группъ за предѣлы ихъ непосредственной производительной способности. Промышленное издѣліе, имѣющееся только у производителя, должно было, особенно если оно въ весьма простыхъ условіяхъ жизни дикаря имѣло какое-нибудь значеніе, возбудить желаніе обладанія имъ у окружающихъ племенъ. Но путь отъ желанія къ удовлетворенію въ хозяйственномъ строѣ, покоющемся на чисто-индивидуальномъ производствѣ, много длиннѣе, чѣмъ мы склонны думать, имѣя въ виду нынѣшній основанный на обмѣнѣ общественный строй.

Дѣйствительно, относительно обмѣна у первобытныхъ народовъ, въ широкихъ кругахъ господствуютъ довольно неясныя представленія. Мы знаемъ, что во всей центральной Африкѣ отъ португальскихъ владѣній на западѣ вплоть до нѣмецкихъ на востокѣ черезъ каждую пару миль встрѣчается рыночное мѣсто, на которомъ каждые 4—6 дней сходятся окрестныя племена для взаим-

---

[16]) Относительно Африки собраны у H. Schurtz'a: Afrik. Gewerbe, стр. 29—65. Срвн. также Hutter: Wanderungen und Forschungen im Nord-Hinterland von Kamerun (1902) стр. 360 и слѣд.

[17]) Срв. K. Sapper: Das nördliche Mittel-Amerika (Braunschweig. 1897), стр. 299 и сл. и приведенные далѣе примѣры.

наго обмѣна предметовъ: намъ извѣстно и о томъ, что у малайцевъ на о-вахъ Борнео и Целебесѣ въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ селѣ имѣется еженедѣльный рынокъ, и уже первые изслѣдователи островов Тихаго океана разсказываютъ о большихъ „торговыхъ путешествіяхъ“, которыя предпринимаются туземцами, переѣзжающими съ острова на островъ для обмѣна своихъ продуктовъ. Въ Америкѣ нѣкоторые предметы, произведенные изъ матеріала, находящагося лишь въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ,—какъ, напримѣръ, наконечники для стрѣлъ, каменные топоры изъ особыхъ каменныхъ породъ,—тѣмъ не менѣе распространены въ значительной части материка [18]); и даже среди туземнаго населенія Австраліи находимъ мы примѣры, что дары природы, имѣющіеся только въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ (какъ напримѣръ, листья пичери, землявая краска) обращаются въ значительной части Австраліи. Въ этихъ фактахъ усматриваютъ новое подтвержденіе значенія торговли, какъ разсадника культуры; о роли торговли говорятъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда при раскопкахъ въ Европѣ находятъ издѣлія на большомъ разстояніи отъ мѣстонахожденія матеріала, изъ котораго они сдѣланы. Наша наука о доисторическомъ человѣкѣ на основаніи однихъ только топоровъ изъ нефрита построила цѣлую систему развитія торговли и даже дошла до предположенія о существованіи доисторическихъ „промышленныхъ округовъ“, и точно также наша этнографическая литература упоминаетъ о промышленныхъ центрахъ выдѣлки оружія и плетенія цыновокъ въ Борнео, гончарныхъ издѣлій во многихъ частяхъ Новой Гвинеи, кораблестроенія въ нѣкоторыхъ побережныхъ округахъ Іоркской группы, обработки желѣза въ негритянскихъ странахъ и т. п.

Въ противоположность этимъ утвержденіямъ необходимо указать на то, что торговля въ политико-экономическомъ смыслѣ, т. е. правильная, профессіонально-огранизованная покупка товаровъ съ цѣлью перепродажи ихъ съ барышомъ, у нецивилизованныхъ народовъ совершенно отсутствуетъ. Если мы встрѣчаемъ въ Африкѣ туземнаго торговца, то либо мы имѣемъ дѣло съ посредникомъ, дѣятельность котораго вызвана къ жизни европей-

[18]) Waitz: Anthropologie III, стр. 75. Рынки въ Южной Америкѣ: тамъ же стр. 380, въ Мексикѣ—IV, стр. 99 и слѣд.

скими или арабскими купцами, либо съ явленіями полукультурнаго Судана. Среди туземныхъ жителей существуютъ только мѣновыя сношенія между отдѣльными племенами, обусловленныя неравномѣрнымъ распредѣленіемъ природныхъ богатствъ и различіями въ развитіи техники производства у отдѣльныхъ племенъ. Но внутри одного и того же племени нѣтъ мѣста регулярному обмѣну между отдѣльными хозяйствами, ибо всѣ производятъ одни и тѣ же предметы и не существуетъ профессіональной дифференціаціи, которая только и можетъ вызвать постоянную зависимость между отдѣльными хозяйствами.

Мы представляемъ себѣ возникновеніе обмѣна дѣломъ весьма простымъ по той причинѣ, что культурный человѣкъ привыкъ все, что ему нужно, находить готовымъ на рынкѣ или въ магазинахъ и пріобрѣтать за деньги. Для человѣка же нецивилизованнаго, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ сношенія съ болѣе культурными народами, понятія цѣнности и цѣны вовсе не были столь привычны. Первые путешественники, открывшіе Австралію, всѣ въ одинъ голосъ повѣствуютъ о томъ, что ни на материкѣ, ни на близлежащихъ островахъ туземцы не имѣли никакого понятія объ обмѣнѣ [19]). Украшенія, которыя имъ давались, они оставляли безъ всякаго вниманія; навязанные имъ подарки были затѣмъ найдены разбросанными въ лѣсахъ. Подобныя же наблюденія недавно сдѣлали Эренрейхъ [20]) и К. фонъ-денъ Штейненъ [21]) у индійскихъ племенъ Бразиліи. И все же здѣсь происходили оживленныя сношенія между племенами, благодаря которымъ горшки, каменные топоры, гамаки, бумажныя нитки, ожерелья изъ раковинъ и т. п. предметы переходили отъ одного племени къ другому. Какимъ же образомъ это дѣлалось при отсутствіи обмѣна и торговли?

Загадка разрѣшается весьма просто. Переходъ предметовъ совершался путемъ даренія, а иногда—похищенія, военной добычи, дани, имущественнаго штрафа, возмѣщенія убытковъ или выигрыша. Среди членовъ одного и того же племени по отношенію къ пищевымъ продуктамъ господствуетъ почти полное общеніе имущества:

---

[19]) Источн.: Sartorius von Waltershausen: Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte. IV, стр. 5 и слѣд. и Schurtz: Entstehungsgesch. des Geldes, стр. 66.

[20]) Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens, стр. 53.

[21]) Unter den Naturvölkern Central-Brasiliens (2 изд.) стр. 287 и слѣд.

если зарѣзывается животное и объ этомъ не сообщается сосѣду, или если кто-либо не приглашаетъ прохожаго принять участіе въ ѣдѣ, то такой поступокъ приравнивается къ воровству. Каждый можетъ зайти въ любую хижину и потребовать себѣ ѣсть, и въ этомъ ему никогда не будетъ отказано. Въ случаѣ неурожая цѣлыя общины отправляются къ своимъ сосѣдямъ и остаются нѣкоторое время на ихъ иждивеніи. По отношенію къ утвари и оружіямъ общераспространенъ обычай ссуды, превращающійся даже въ обязанность. Частной собственности на землю не существуетъ. Внутри племени, гдѣ всѣ хозяйства производятъ одно и то же, и въ случаѣ нужды помогаютъ другъ другу, гдѣ излишки никакого примѣненія, кромѣ потребленія ихъ, не находятъ, не можетъ возникнуть возмезднаго обмѣна предметовъ между отдѣльными хозяйствами: исключеніе составляетъ лишь покупка женъ, уплата лѣкарю, пѣвцу, танцовщику, музыканту — единственнымъ представителямъ уже выдѣлившихся профессій.

Между племенами существуютъ извѣстныя правила гостепріимства [22]), почти однообразно повторяющіяся у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Чужеземецъ получаетъ подарокъ, на который онъ черезъ нѣкоторое время также отвѣчаетъ подаркомъ, послѣ чего при прощаніи ему снова дается подарокъ [23]). По отношенію къ такимъ дарамъ обѣ стороны могутъ выражать свои пожеланія: этимъ дается возможность пріобрѣтать предметы, въ которыхъ ощущается потребность—съ тѣмъ большей вѣроятностью успѣха, что каждая сторона не выполнила своего долга гостепріимства, пока другая не выразитъ своего полнаго удовлетворенія относительно полученныхъ предметовъ.

Благодаря этому обычаю взаимнаго даренія, рѣдкіе продукты какой-нибудь страны или искусныя издѣлія какого-нибудь племени, передаваемые однимъ народомъ другому, могли совершать столь же далекія странствія отъ мѣста своего возникновенія, какъ и теперь путемъ торговли; это станетъ, можетъ быть, болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что такимъ же точно путемъ обошли

---

[22]) О нихъ сравн K. Haberland: Die Gastfreundschaft auf niederen Kulturstufen: Ausland. 1878. стр. 282 и слѣд.

[23]) Дареніе безъ отвѣтнаго подарка появляется вообще только на болѣе высокой ступени культуры. См Richard M. Meyer: Zeitschr. f. deutsche Kulturgeschichte, V. стр. 18 и слѣд.

полъ-міра легенды и сказки. Просто не понятно, какимъ образомъ на это до сихъ поръ не обратили вниманія. Вѣдь уже у Гомера приводятся различные примѣры, свидѣтельствующіе о существованіи этого обычая. Телемахъ привозитъ изъ Спарты въ качествѣ подарка отъ Менелая серебряный сосудъ, который Менелай въ свою очередь въ Сидонѣ получилъ въ даръ отъ короля Файдима, а отецъ его Одиссей получаетъ въ даръ отъ феаковъ платья, холстъ, золотые сосуды и цѣлую коллекцію треножниковъ и чашъ. Какъ извѣстно, по прибытіи своемъ на родину въ Итаку, онъ все это прячетъ въ гротѣ нимфъ. Представьте же себѣ, что это не разсказъ поэта, а историческое событіе, и вообразите, что случилось бы, если бы Одиссей былъ своевременно узнанъ женихами и убитъ ими: дары феаковъ хранились бы и по сей день въ потаенномъ мѣстѣ и были бы вынесены на свѣтъ божій какимъ-нибудь современнымъ археологомъ. Не принялъ ли бы онъ всѣ эти сокровища за складъ товаровъ странствующаго купца героическаго періода Греціи, тѣмъ болѣе, что онъ могъ бы сослаться на то, что у Гомера дѣйствительно встрѣчаются случаи обмѣна?

У нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ народовъ сохранились своеобразные обычаи, которые наглядно представляютъ, какъ совершился переходъ отъ даренія къ обмѣну. У племени діери въ центральной Австраліи мужчина или женщина за подарокъ принимаетъ на себя обязанность достать дарителю предметъ, который онъ желаетъ получить въ качествѣ отвѣтнаго подарка, пойти за него на охоту или исполнить какую-нибудь другую работу. Обязавшійся называется „ючинъ“ и носитъ для памяти до исполненія имъ обѣщаннаго веревку на шеѣ. Обыкновенно требуемый предметъ нужно достать издалека [24]. Въ Новой Зеландіи жители береговъ рѣки Вангаи массами ловятъ попугаевъ, жарятъ ихъ и приготовляютъ въ жиру, чтобы получить за нихъ отъ туземцевъ, живущихъ въ другихъ частяхъ острова, сушеную рыбу и другіе предметы въ качествѣ отвѣтныхъ подарковъ [25]. У индійскихъ племенъ Центральной Бразиліи обмѣнъ сохраняетъ еще характеръ обмѣна подарковъ, а племя бакаири переводитъ португальское слово comprar—„покупать“ словомъ, обозначающимъ „садиться“.

---

[24]) A. W. Howitt въ Journal of the Anthrop. Inst. XX (1891) стр. 76 и сл.

[25]) Shortland: Tradition and Superstition of the New-Zealanders (London 1856), стр. 214 и сл.

ибо гость долженъ былъ сѣсть, чтобы получить подарокъ. Въ Суданѣ принято посылать гостю подарки на домъ, и эти подарки нерѣдко бываютъ очень кстати. Но при всякомъ посѣщеніи болѣе или менѣе большого города часто присылаются и бѣдными и богатыми такія вещи, которыя какъ будто посланы лишь для выраженія почтенія бѣлому, но на самомъ дѣлѣ доставляются лишь по той причинѣ, что даритель ожидаетъ получить въ отвѣтъ на нихъ отъ щедраго европейца въ три и четыре раза больше [26]).

Когда обмѣнъ возникъ, то и тогда онъ еще долго сохраняетъ печать своего происхожденія въ правилахъ, которыми онъ обставленъ и которыя непосредственно заимствованы изъ обычаевъ, установившихся для дареній. Это прежде всего проявляется въ общераспространенномъ у первобытныхъ народовъ обычаѣ предварительной уплаты [27]). Лекарь не тронется съ мѣста, чтобы помочь больному, прежде чѣмъ окружающіе не уплатятъ ему гонорара, и онъ не выразитъ ясно своего удовлетворенія. Купля-продажа не считается совершенной, пока покупатель и продавецъ при свидѣтеляхъ не объявятъ, что остались довольны полученнымъ. У многихъ народовъ существуетъ обычай до и послѣ совершенія мѣновой сдѣлки давать подарки [28]): прибавки нашихъ деревенскихъ лавочниковъ (басарики) и литки—остатки этого обычая. Отказъ отъ предложенной мѣновой сдѣлки безъ объясненія причинъ считается у негровъ такимъ же оскорбленіемъ, какъ у насъ отказъ отъ подарка. Нецивилизованный человѣкъ совершенно не способенъ понять того, что при обмѣнѣ отдаваемый предметъ и получаемый предметъ должны быть равноцѣнны; маль-

[26]) Schurtz: Entstehungsgesch. d. Geldes стр. 67 и сл. Landor: Auf verbotenen Wegen (Tibet) стр. 296. 313.

[28]) Staudinger: Im Herzen der Haussaländer (2 изд.), стр. 216 и сл. Срвн. Sachau: Reisen in Syrien und Mesopotamien, стр. 191. v. Hügel: Kaschmir, стр. 406 и слѣд.

[27]) Въ Африкѣ и европейскіе купцы вынуждены уплачивать впередъ за товаръ, который туземные торговые посредники берутся имъ доставить. Срвн. напр. Pogge: Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 11, 140 и слѣд., M. Buchner: Kamerun стр. 98 и сл. Такъ же происходитъ дѣло на востокѣ при заключеніи договоровъ о наймѣ: Sachau, l. c. стр 34. Даже жертвоприношеніе божеству представляется народомъ на этой ступени развитія не иначе, какъ уплатой впередъ за ожидаемое благодѣяніе: Heckewelder l. c. стр. 367, срвн. также стр. 405, 411.

чикъ за свой трудъ ожидаетъ такого же вознагражденія, какъ взрослый; тотъ, кто помогалъ въ теченіе часа, требуетъ столько же, сколько тотъ, кто работалъ цѣлый день; и такъ какъ жадность съ обѣихъ сторонъ не знаетъ предѣловъ, то заключенію обмѣна предшествуютъ долгіе переговоры. Подобные же переговоры происходятъ и при передачѣ подарковъ гостю, если послѣдній находитъ подарокъ не отвѣчающимъ его достоинству.

Съ теченіемъ времени при обмѣнѣ между отдѣльными племенами возникаютъ спеціальные институты, которые должны облегчать совершеніе обмѣна. Важнѣйшіе изъ нихъ—рынокъ и деньги.

Рынки повсюду — у негровъ, индійцевъ, жителей Полинезіи, устраиваются на порубежной чертѣ, отдѣляющей территоріи двухъ племенъ, на открытыхъ мѣстахъ, нерѣдко среди дѣвственнаго лѣса. Они являются нейтральными мѣстами, гдѣ должна умолкнуть всякая племенная вражда; кто нарушаетъ миръ на рынкѣ, подвергается самымъ строгимъ карамъ. Каждое племя доставляетъ на рынокъ тѣ предметы, которыми оно славится: одно—медъ, другое—пальмовое вино, третье—сушеное мясо, четвертое—глиняную посуду, либо желѣзную утварь, либо цыновки, либо ткани [29]). Цѣль обмѣна—пріобрѣсти продукты, которые или совсѣмъ не производятся собственнымъ племенемъ, или выдѣлываются здѣсь хуже, чѣмъ у сосѣдей. Это приводитъ къ тому, что каждое племя старается производить въ избыткѣ тѣ именно продукты, которые другими племенами не выдѣлываются и особенно высоко цѣнятся, ибо въ обмѣнъ на нихъ легче всего пріобрѣсти то, чего у даннаго племени нѣтъ и что въ избыткѣ производится другими племенами. Но внутри одного и того же племени всѣ хозяйства изготовляютъ одинъ и тотъ же излюбленный, ходкій на рынкѣ товаръ. Вслѣдствіе этого, когда рѣчь идетъ о производствѣ такихъ вещей, какъ

---

[29]) Хотя многіе нецивилизованные народы готовы отдать все, что угодно за европейскіе товары, которые они знаютъ и цѣнятъ, тѣмъ не менѣе ихъ обычныя мѣновыя сношенія носятъ весьма односторонній характеръ и ограничиваются лишь немногими предметами. Срвн. Waitz: Anthrop. IV, стр. 100, VI стр. 76 и сл. Нѣкоторые предметы повседневнаго потребленія, въ особенности украшенія, они не отдадутъ ни за какія деньги. Срвн. Finsch: Samoafahrten, стр. 108, 119, 236, 282 и сл., 315. Martius, l. c. стр. 89, 596. Zeitschrift für Ethnographie XVII стр. 21, 62. Liwingstone l. c. I. стр. 257.

гончарныя издѣлія или предметы изъ коры, цѣлыя деревни или племенныя области производятъ на путешественниковъ впечатлѣніе промышленныхъ округовъ, хотя здѣсь нѣтъ профессіональныхъ ремесленниковъ, и каждая семья производитъ сама все, что ей нужно, за исключеніемъ немногихъ предметовъ, изготовляемыхъ другими племенами, къ которымъ уже привыкли и которыя пріобрѣтаются путемъ обмѣна, заполняющаго однако лишь пробѣлы въ собственномъ производствѣ.

Такой упрощенный характеръ имѣетъ рынокъ у первобытныхъ народовъ. Но перейдемъ къ разсмотрѣнію денегъ. Какъ много писалось о различныхъ видахъ денегъ у первобытныхъ народовъ, сколько гипотезъ [30]) строилось по этому поводу, и какъ просто разъясняется ихъ возникновеніе! Деньгами для каждаго племени является тотъ товаръ, который не производится самимъ племенемъ, но который оно регулярно получаетъ въ обмѣнъ отъ иноплеменниковъ. Этотъ товаръ естественно становится для племени всеобщимъ орудіемъ обмѣна, за которое оно отдаетъ свои продукты; этотъ товаръ является для племени мѣриломъ цѣнности, имъ оно измѣряетъ собственное имущество, которое никакъ иначе не можетъ быть оцѣнено; въ этомъ товарѣ племя усматриваетъ свое богатство, ибо не можетъ произвольно увеличить его количество; этотъ товаръ становится, наконецъ, средствомъ передачи цѣнностей и между единоплеменниками, ибо, вслѣдствіе своей рѣдкости, онъ для всѣхъ одинаково дорогъ. Вотъ почему путешественникамъ такъ часто приходилось наблюдать то явленіе, что у каждаго племени, иногда въ каждомъ селѣ, были въ ходу другія деньги, — тотъ или другой сортъ раковинъ, жемчуга или бумажной ткани, за который сегодня можно купить все, что угодно, уже на мѣстѣ слѣдующаго ночлега никѣмъ не принимается, и поэтому путешественники вынуждены предварительно пріобрѣсти мѣстный ходячій товаръ, прежде чѣмъ покупать что нибудь на рынкѣ. Въ связи съ этимъ находится и другое явленіе, что дары природы, встрѣчающіеся лишь въ немногихъ мѣстахъ, какъ то: соль, сѣмена кола, рако-

[30]) R. Andree: Ethnogr. Parallelen und Vergleiche, Stuttgart 1878 стр. 221 и сл. O. Lenz: Ueber Geld bei Naturvölkern. Hamburg 1895. F. Ilwof: Tauschhandel und Geldsurrogate in alter und neuer Zeit. Graz 1882. H. Schurtz: Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes, Weimar, 1898. Cp. Internat. Archiv für Ethnogr. VI стр. 57.

вины улитокъ каури, мѣдные слитки или рѣдкія произведенія, какъ то: проволока изъ латуни, желѣзныя лопаты, глиняныя чашки, предметы изъ коры, у многихъ племенъ, не имѣющихъ таковыхъ, принимаются въ качествѣ денегъ. Этимъ же объясняется и общеизвѣстный фактъ, что предметы междуплеменнаго обмѣна, какъ напримѣръ, привезенныя изъ Европы бумажныя ткани, ружья, порохъ, ножи, становятся всеобщими орудіями обмѣна.

Такимъ образомъ, нѣкоторые виды денегъ пріобрѣтаютъ довольно обширные районы обращенія; они проникаютъ также во внутреннія сношенія между единоплеменниками и употребляются при покупкѣ жены, уплатѣ виры, податей и т. п.; нѣкоторые договоры заключаются только на эти деньги. Но мы не имѣемъ еще примѣровъ того, чтобы нецивилизованный народъ помимо вліянія европейцевъ ввелъ у себя единую монетную систему, установленное закономъ платежное средство для обязательствъ всякаго рода и размѣра. Обыкновенно употребляются одновременно различные виды денегъ, которые находятся между собой въ опредѣленныхъ, съиздавна сложившихся мѣновыхъ отношеніяхъ: часто опредѣленныя обязательства могутъ быть уплачены лишь деньгами извѣстнаго рода. Перемѣны въ предметахъ, употребляемыхъ въ качествѣ денегъ, происходятъ нерѣдко; но съ другой стороны имѣются и примѣры того, что какой-нибудь видъ денегъ долго переживаетъ тѣ междуплеменныя отношенія, изъ которыхъ онъ возникъ, и, оставаясь во внутреннемъ обращеніи племени, играетъ здѣсь весьма своеобразную, чуть ли не демоническую роль, хотя люди одного племени другъ другу ничего необходимаго для жизни не продаютъ и ничего другъ у друга не покупаютъ. Пережиткомъ такихъ прекратившихся междупленныхъ сношеній является повидимому употребленіе въ качествѣ денегъ китайскихъ фарфоровыхъ вазъ у племени багобосъ на о. Минданао и у даяковъ на о. Борнео, употребленіе раковинныхъ денегъ (деварра) у жителей Меланезіи и употребленіе довольно странныхъ денегъ на Каролинскомъ архипелагѣ, гдѣ требуются даже особые законы и государственныя учрежденія, чтобы поддерживать обращеніе этого мертваго имущества [31]). Вообще же государство не

---

[31]) Kubary: Ethnographische Beiträge zur Kenntniss des Karolinen-archipels, стр. 1 и сл. и Parkinson: Im Bismarck-Archipel, стр. 79, 101 сл.

вмѣшивается въ такого рода вещи, и въ болѣе обширныхъ государствахъ Африки, какъ напримѣръ, въ странѣ Муата-Ямво, у каждаго племени употребляются другія деньги. И даже тамъ, гдѣ какая-либо категорія денегъ имѣетъ болѣе или менѣе обширный раіонъ обращенія, цѣнность ихъ колеблется на различныхъ рынкахъ въ широкихъ предѣлахъ, возрастая обыкновенно по мѣрѣ удаленія отъ мѣста добычи матеріала, изъ котораго они сдѣланы [32]).

Рынокъ и деньги находятся въ тѣсной связи между собой, если имѣть въ виду деньги только въ качествѣ орудія обмѣна. Но не всѣ виды денегъ, которые мы находимъ у нецивилизованныхъ народовъ, возникаютъ изъ рыночныхъ сношеній. Въ своей окончательной формѣ деньги представляютъ столь сложное соціальное явленіе, что правдоподобнымъ является предположеніе, не слились ли здѣсь различные моменты развитія. Такъ напримѣръ, употребленіе въ качествѣ денегъ скота возникло, повидимому, вслѣдствіе того, что у даннаго народа домашнія животныя являлись выразителями богатства и средствомъ его накопленія. Къ тому же и тотъ фактъ, что нѣкоторыя племена употребляютъ для покупки невѣстъ и подобныхъ цѣлей не ходячій сортъ денегъ, а другіе спеціально для этого предназначенные предметы, подтверждаетъ, повидимому, то предположеніе, что при окончательномъ установленіи денежныхъ системъ рядомъ съ основнымъ моментомъ имѣло значеніе и много побочныхъ обстоятельствъ [33]).

Для общей же теоріи развитія культуры въ результатѣ все таки получается тотъ выводъ, что деньги въ видѣ излюбленнаго товара явились средствомъ установленія правильныхъ мирныхъ сношеній между племенами и вызвали дифференціацію племенъ въ отноше-

---

[32]) Сравн. Cecchi: Fünf Jahre in Ostafrika, стр. 271.

[33]) Марксъ, пожалуй, правъ, когда онъ коротко и опредѣленно заявляетъ (K. Marx: Das Kapital, 2 Aufl. стр. 67; К. Марксъ: Капиталъ, русск. перев. подъ ред. П. Струве, изд. Поповой, т. I, стр. 49): «Денежная форма присваивается или наиболѣе важнымъ предметамъ ввоза, которыя дѣйствительно суть первичныя формы, въ коихъ обнаруживается мѣновая цѣнность туземныхъ продуктовъ, или такому предмету потребленія, который составляетъ главный элементъ туземнаго движимаго богатства,— какъ напримѣръ, скотъ».—Сравн. также W. Lotz въ Jahrb. f. Nat.-Oek. u Stat. III Folge. Bd. 7, ст. 345.

нiи производимыхъ ими товаровъ. Въ томъ, что всѣ лица, принадлежащія къ одному и тому же племени или селу, рядомъ съ добываніемъ съѣстныхъ припасовъ преимущественно занимались какой-нибудь опредѣленной отраслью производства, заложена была возможность развитія техническихъ знаній и техническаго искусства: здѣсь въ миніатюрѣ устанавливалось раздѣленіе труда между племенами и мѣстностями, за которыми много позже послѣдовало раздѣленіе труда между индивидумами, принадлежащими къ одному и тому же племени или живущими въ одной и той же мѣстности. Но не слѣдуетъ умалять и того непосредственнаго значенія, которое возникновеніе рынка имѣетъ на этой ступени развитія культуры для личныхъ сношеній, особенно тамъ, гдѣ обмѣнъ продуктовъ внѣ рынка представляется чѣмъ-то столь необычнымъ, что даже путешественникамъ, желающимъ пріобрѣсти что нибудь, говорятъ: „пойдемте на рынокъ!" Рынокъ служитъ также для сообщенія извѣстій, здѣсь же завязываются личныя отношенія: мы невольно вспоминаемъ при этомъ то выдающееся положеніе, какое рынки занимали въ социальной и политической жизни народовъ классической древности.

Однако, изображенная нами организація производства и обмѣна допускаетъ лишь очень одностороннее развитіе отдѣльныхъ племенъ, и этимъ, вѣроятно, объясняется то поразительное явленіе, что въ глубинѣ континентовъ, даже тамъ, гдѣ для воспріятія какого-нибудь искусства однимъ племенемъ у другого нѣтъ особенныхъ препятствій въ видѣ средствъ сообщенія, все же рядомъ съ довольно развитыми народами мы находимъ и племена, сохранившія свой старинный хозяйственный укладъ въ продолженіе тысячелѣтій. Замѣчательный примѣръ такого рода представляетъ племя карликовъ батуа или акка въ Центральной Африкѣ. Оно находится еще всецѣло на ступени „низшихъ охотниковъ", строго держится пояса дѣвственныхъ лѣсовъ, но въ опредѣленные дни является на рынки обитающихъ по близости негритянскихъ племенъ, чтобы обмѣнять главный продуктъ своего хозяйства — сушеную дичь на бананы, земляные орѣхи, маисъ и т. п. Мало того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилась еще болѣе древняя форма обмѣна между этими карликами и ихъ сосѣдями: во время созрѣванія плодовъ батуа вторгаются въ поля негровъ, похищаютъ

бананы, клубни и хлѣбъ и взамѣнъ этого оставляютъ мясо [34]). То обстоятельство, что батуа являются хорошими охотниками, повидимому, привело къ тому, что окрестныя племена забросили добыванiе мяса посредствомъ охоты или скотоводства: карлики же, наоборотъ, какъ разсказываютъ, даже своихъ орудiй не выдѣлываютъ сами, а обмѣниваютъ ихъ у момзу и у другихъ племенъ.

Другимъ еще болѣе любопытнымъ примѣромъ такого одностороннѣго развитiя являются кузнецы. Не только у многихъ племенъ Африки, но иногда также въ Азiи и юго-восточной Европѣ они составляютъ чужеплеменную касту, къ членамъ которой относятся либо съ благоговѣнiемъ, либо съ презрѣнiемъ: съ коренными жителями они не могутъ вступать ни въ брачныя, ни въ какiя иныя соцiальныя отношенiя [35]). Это странное явленiе издавна объясняли тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ остатками покоренныхъ племенъ, сохранившихъ неизвѣстное ихъ побѣдителямъ искусство обработки металловъ. Но можно также предположить, что въ данномъ случаѣ эти племена добровольно разсѣялись, причемъ ихъ нацiональность и ихъ искусство, которое для всѣхъ другихъ было и оставалось чуждымъ, ставило ихъ, гдѣ бы они ни селились, внѣ даннаго народа.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое одностороннее производство племенного промысла приводитъ къ возникновенiю народовъ, которыхъ путешественники обозначаютъ либо промышленными народами—въ томъ случаѣ, когда они работаютъ на всѣхъ своихъ сосѣдей, либо торговыми народами—когда они встрѣчаются на всѣхъ рынкахъ болѣе или менѣе обширнаго района и захватываютъ въ свои руки снабженiе окружающихъ племенъ извѣстными видами товаровъ. Первое происходитъ, когда потребитель обращается туда, гдѣ имѣется какая-нибудь племенная промышленность, чтобы на мѣстѣ производства вымѣнять необходимый ему продуктъ; второй случай—

[34]) Casati: Zehn Jahre in Aequatoria I стр. 151. Schweinfurth: Im Herzen Afrikas II, стр. 131 и сл. D-r W. Junker's Reisen in Afrika III стр. 86 и сл. Wissmann, Wolf etc.: Im Inneren Afrikas, стр. 256, 258 и сл. Burrows: The Land of the Pigmies и Johnson: The Uganda Protectorate 1902.—То же разсказываетъ W. Geiger: о веддахъ (Ceylon, Tagebuchblätter und Reiseerinnerungen. Wiesbaden 1897).

[35]) R. Andree: Ethnographische Parallelen und Vergleiche, стр. 153 и слѣд.

когда производитель остающійся у него за покрытіемъ собственныхъ потребностей товаръ доставляетъ племенамъ, не имѣющимъ его.

Хорошей иллюстраціей для первой формы развитія можетъ служить маленькое племя озака, живущее въ бассейнѣ рѣки Огове къ востоку отъ рѣки Лоло, среди многолюдныхъ сосѣднихъ племенъ. Озака раздѣляются на пять-шесть селеній, по 60—100 хижинъ въ каждомъ. Ленцъ встрѣчалъ здѣсь много чужихъ, принадлежавшихъ къ различнымъ племенамъ и пришедшихъ иногда изъ очень отдаленныхъ мѣстъ. Дѣло въ томъ, что озака славятся какъ лучшіе кузнецы, и всѣ окружающія племена покупаютъ у нихъ большую часть охотничьяго и военнаго оружія, которое затѣмъ путемъ обмѣна переходитъ отъ одного племени къ другому и доходитъ вплоть до берега моря. „Въ качествѣ платы за оружіе племя ошеба-адума даетъ обыкновенно племени озака пальмовое вино и земляные орѣхи, племя же фанъ, представители котораго являются лучшими охотниками среди всѣхъ этихъ племенъ, вымѣниваетъ копья и мечевидные ножи на сушеное и копченое мясо. Вотъ почему въ селеніяхъ озака я всюду встрѣчалъ большое оживленіе и, очень часто, неизбѣжныя при стеченіи столькихъ различныхъ племенъ ссоры, принимавшія иногда большіе размѣры“ [36]).

Типичнымъ примѣромъ второй формы развитія является племя кіоко, обитающее въ южной части бассейна Конго. Оно живетъ въ государствѣ Лунда, разсѣяно среди племени калунда, но имѣетъ своихъ предводителей, обязанныхъ данью царьку Муата-Ямво. Кіоко охотно устраиваютъ свои села въ лѣсахъ, такъ какъ они, прежде всего, являются хорошими охотниками, эксплоатируютъ лѣса въ цѣляхъ добыванія гумми (камеди) и занимаются особаго рода дикимъ пчеловодствомъ, для добыванія воска. Но въ то же время они ловкіе кузнецы и въ качествѣ таковыхъ не только выдѣлываютъ хорошіе топоры, но умѣютъ также чинить старыя ружья и даже дѣлать новые ложа и приклады. Они одѣваются въ шкуры животныхъ; съ искусствомъ выдѣлыванія тканей изъ растительнаго матеріала они почти незнакомы. Женщины у нихъ сѣютъ главнымъ образомъ маніокъ, маисъ, просо, земляные орѣхи и бобы. Продукты, добываемые кіоко въ лѣсахъ, они

[36]) Mitteilungen der geogr. Gesellschaft in Wien. 1878, стр. 476.

обмѣниваютъ на западномъ побережьи на товары (преимущественно на порохъ), съ которыми они направляются вглубь страны, чтобы тамъ купить на нихъ слоновую кость и рабовъ Слоновую кость они снова перепродаютъ, а пріобрѣтенныхъ рабовъ присоединяютъ къ своему хозяйству Въ своихъ охотничьихъ экспедиціяхъ они успѣли зайти дальше всѣхъ въ восточномъ направленіи и тамъ, раньше чѣмъ двинуться въ обратный путь, они обыкновенно обмѣниваютъ часть своего огнестрѣльнаго оружія на рабовъ. Сами же они вооружаются временно лукомъ и стрѣлами [37]).

Картина эта часто повторяется въ негритянскихъ земляхъ. Какъ видимъ, она не подходитъ ни подъ одну категорію историческихъ формъ развитія хозяйства. Кіоко представляютъ собою не охотничье племя, не скотоводовъ-кочевниковъ, не земледѣльцевъ, не торгово-промышленный народъ, а все это вмѣстѣ взятое. Они въ извѣстной мѣрѣ исполняютъ роль посредниковъ въ сношеніяхъ съ факторіями европейцевъ, устроенными на берегу океана, и сами занимаются при этомъ отчасти перепродажей товаровъ, причемъ врожденная наклонность негровъ къ барышничеству даетъ себя знать; однако главную часть своего пропитанія они добываютъ посредствомъ охоты и земледѣлія.

Обѣ формы развитія мы находимъ рядомъ на двухъ извѣстныхъ гончарнымъ производствомъ островахъ Новой-Гвинеи, Билиби и Хасъ. Изготовленіе горшковъ находится здѣсь въ рукахъ женщинъ; на островъ Хасъ являются жители ближнихъ и даже отдаленныхъ острововъ, чтобы обмѣнять свои издѣлія на посуду; а на островѣ Билиби мужчины нагружаютъ посудой цѣлыя лодки и развозятъ ее повсюду вдоль берега. Каждая горшечница на своихъ издѣліяхъ дѣлаетъ свой особый значекъ, который, однако, врядъ ли можно, какъ это полагаетъ одинъ европейскій путешественникъ, разсматривать какъ торговый знакъ [38]).

[37]) См. Pogge: Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 45—47 и Wissman: Wolf etc.: Im Innern Afrikas. стр. 59—62.—Сравн. также Schurtz: Afr. Gew., стр. 50.—Подобное находимъ и у племени каніока: Wissmann, Zweite Durchquerung Afrikas. стр. 84.

[38]) Сравн. Finsch: Samoafahrten, стр. 82 и слѣд., 281 и слѣд.—Semon: Im Austral. Busch, стр. 348 и слѣд. Подобные же гончарные округа указаны у Schurtz'a, l. c., стр. 54.

Чтобы исчерпать всѣ существенныя стороны хозяйства нецивилизованныхъ народовъ, намъ необходимо еще бросить бѣглый взглядъ на ихъ средства сообщенія и общественное хозяйство. То и другое тѣсно между собою связано. Ибо устройство сообщеній, въ сущности, представляетъ собою дѣло общественное: частныхъ путей сообщенія вообще не существуетъ у этихъ народовъ; при нѣкоторой смѣлости можно было бы даже утверждать, что на этой ступени развитія средства сообщенія не носятъ еще хозяйственнаго характера.

Дороги по сушѣ имѣются лишь въ томъ случаѣ, если онѣ проторены ногою человѣка или дикаго звѣря: единственными искусственными сооруженіями для облегченія сообщенія на сушѣ являются примитивные мосты, состоящіе нерѣдко изъ одного только древеснаго ствола, а при переходѣ черезъ рѣки—паромы, за пользованіе которыми путешественникъ обязанъ уплатить старшинѣ села пошлину, что обыкновенно служитъ поводомъ для большихъ вымогательствъ [39]). Зато естественными водными путями пользуются повсюду весьма широко, и врядъ ли найдется какой-нибудь нецивилизованный народъ, живущій на берегу моря или рѣки, который не изобрѣлъ бы своеобразнаго средства передвиженія водой. Перечисленіе и описаніе ихъ могло бы занять цѣлую книгу: начиная отъ выдолбленнаго изъ дерева челнока и лодки изъ коры, которые мы находимъ у индѣйцевъ, вплоть до искусно построенныхъ весельныхъ и парусныхъ лодокъ, имѣющихся у островитянъ Тихаго океана, представлены всѣ типы. Въ общемъ, однако, искусство судостроенія и мореплаванія у этихъ народовъ все-таки мало развито; ни одно изъ ихъ сооруженій не заслуживаетъ въ сущности названія корабля—ихъ можно скорѣй разсматривать какъ орудія производства, чѣмъ какъ средства сообщенія. Они служатъ для рыболовства, морского разбоя, войны; значительно позже они получаютъ нѣкоторое значеніе и для передвиженія людей; перевозка же товаровъ нигдѣ не достигла сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ.

Какъ это ни странно, тѣ средства сообщенія, которыя мы при-

---

[39]) Сравн. Pogge, l. c., стр. 64, 70, 78, 95, 97, 115, 169.—Wissmann: Unter deutscher Flagge quer durch Afrika, стр. 343, 361, 364, 394 и Zweite Durchquerung, стр. 56.

выкли считать продуктомъ высшей культуры, у нецивилизованныхъ народовъ получили широкое развитіе: именно — средства передачи извѣстій. Мало того, это единственный способъ сообщенія, для котораго нецивилизованные народы создали прочныя учрежденія въ видѣ института гонцовъ и различныхъ приспособленій для переговоровъ на разстояніи. Однако, то и другое являются, собственно говоря, лишь средствами, необходимыми при первобытномъ состояніи государственнаго управленія и веденія войнъ.

Посылка гонцовъ и посольствъ къ сосѣднимъ племенамъ въ мирное и военное время уже на низшей ступени развитія ведетъ къ образованію цѣлой системы символическихъ знаковъ и другихъ способовъ передачи [40]). Такъ, мы находимъ даже у дикихъ племенъ центральной Австраліи различные виды окраски тѣла, головныхъ украшеній или другихъ условныхъ знаковъ, имѣющихъ цѣлью сообщить сосѣднему племени о смерти, объ устройствѣ празднества, объ угрожающей опасности, или служащихъ для созыва соплеменниковъ и т. п. [41]). У туземцевъ Южной Америки для той же цѣли употребляются искусно завязанные узлами веревки или ремни (квипусъ), у сѣверо-американцевъ—знаменитый „вампунъ“ [42]); въ Африкѣ примѣняются обыкновенно жезлы, съ вырѣзанными на нихъ знаками и безъ таковыхъ; подобное же мы находимъ у малайцевъ и жителей Полинезіи. Въ случаѣ необходимости гонцы должны заучивать порученіе наизусть и передавать его устно [43]). Въ негритянскихъ государствахъ, гдѣ государственная власть правителя простирается лишь настолько, насколько достигаетъ его личное или черезъ родственника вмѣша-

[40]) Въ общемъ срвн. R. Andree: Merkzeichen und Knotenschrift въ его Ethnogr. Parallelen u. Vergleiche, стр. 184 и сл.—Waitz: Anthropol. IV стр. 89.

[41]) Подробности см. въ Journal of the Anthropological Institute XX стр. 71 и сл.

[42]) Martius: Zur Ethnographie Americas. zumal Brasiliens. стр. 98 и сл., 694. Waitz: Anthropologie der Naturvölker III, стр. 138 и слѣд. Узловые знаки въ Африкѣ: Bastian, D. Exp. n. d. Loango-Küste I, стр. 181.

[43]) Livingstone: Neue Missionsreisen, нѣмец. перев. Martin'a I, стр. 297. Срвн. также прекрасное описаніе у Casalis, Les Basoutos, стр. 234 и сл. «Les messagers sont géneralement doués d'une mémoire prodigieuse, et l'on peut s'attendre à ce qu'ils transmettent textuellement les depêches orales, dont ils se chargent».

тельство [44]), правительственные гонцы играютъ весьма важную роль: черезъ ихъ посредство повсюду какъ бы присутствуетъ глава государства и новыя событія доходятъ до него съ поразительной быстротой. Но и для сношенія единоплеменниковъ между собой, напримѣръ, на охотѣ или войнѣ, имѣется порой весьма искусно придуманный символическій языкъ, остающійся обыкновенно сокрытымъ для непосвященныхъ.

Не менѣе удивительны переговоры на разстояніи при помощи искуснаго употребленія барабана, наиболѣе распространеннаго у нецивилизованныхъ народовъ музыкальнаго инструмента. Иногда, какъ напримѣръ, у индѣйцевъ [45]) и жителей Меланезіи [46]), оно представляетъ собой законченную систему сигнализаціи, въ другихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, во многихъ мѣстахъ Африки [47]), мы имѣемъ передъ собой настоящій языкъ словъ, посредствомъ котораго можно вести продолжительные переговоры на большомъ разстояніи. Обыкновенно этимъ барабаннымъ языкомъ владѣютъ только начальники и ихъ родня, а обладаніе необходимымъ для этого инструментомъ является знакомъ ихъ достоинства, подобно коронѣ и державѣ въ цивилизованныхъ странахъ. Менѣе распространена

---

[44]) Это относится, впрочемъ, также и къ политическому строю полуцивилизованныхъ народовъ. G. Rohlf: Land und Volk in Afrika, стр. 163: «Абессинецъ привыкъ слушаться только вблизи; удалившись нѣсколько дальше отъ своего господина, онъ совершенно не обращаетъ на него вниманія. То же имѣетъ мѣсто у всѣхъ полуцивилизованныхъ народовъ; въ Турціи, Марроко, Египтѣ, Борну наблюдается то же явленіе».

[45]) Martius, l. c. стр. 65. Объ удивительномъ приспособленіи для переговоровъ на разстояніи у индѣйцевъ Кватуквинару срвн. Archiv f. Post und Telegraphie 1899, стр. 87 и слѣд.

[46]) Parkinson l. c. стр. 127, срвн. стр. 72 121. Finsch, Samoafarten, стр. 68.—То же въ Африкѣ: Schweinfurth, Im Herzen Afrikas I стр. 94. II стр. 27.

[47]) Болѣе подробно описано у M. Buchner'a, Kamerun, стр. 37 и сл. Wissmann, Wolf etc., Im Innern Afrikas, стр. 4, 228, 232, Betz въ Mitt. aus d. deutschen Schutzgebieten XI (1898) стр. 1—86. Wisstann: Unter deutscher Flagge, стр. 215. Hübbe-Schleiden: Ethiopien, стр. 203. Stanley: Durch den dunklen Weltteil, стр. 250, 261. Livingstone, l. c. I стр. 88.—О сигнализаціи посредствомъ свистковъ въ Тиморѣ см.: Jacobson, Reise in der Inselwelt des Banda-Meeres, стр. 262.

сигнализація посредствомъ огня въ цѣляхъ созыва племени или для сообщенія новостей [48]).

Государственнаго хозяйства въ современномъ смыслѣ слова у нецивилизованныхъ народовъ не существуетъ. Правда, тамъ, гдѣ власть начальниковъ болѣе или менѣе укрѣпилась, они получаютъ всякаго рода подати либо въ формѣ издавна установившагося участія въ охотничьей добычѣ, либо въ видѣ земледѣльческихъ продуктовъ, пошлинъ за пользованіе мостами, паромами, рыночными площадями, а въ болѣе обширныхъ государствахъ подчиненные имъ старѣйшины обязаны уплачивать имъ дань [49]). Но все это облекается обыкновенно въ форму дара, на который начальникъ съ своей стороны долженъ отвѣтить подаркомъ, хотя бы въ видѣ угощенія, предложеннаго подателю. Даже при уплатѣ торговцами рыночнаго сбора старѣйшинѣ на рынкѣ, этотъ послѣдній въ области Конго долженъ отплатить имъ тѣмъ, что для удовольствія посѣтителей рынка воспроизводитъ передъ ними какой нибудь танецъ. Особенный интересъ представляютъ тѣ подарки, которые путешественники обязаны дарить старѣйшинѣ селенія, черезъ которое они проѣзжаютъ, ибо изъ этихъ-то подарковъ возникли наши таможенныя пошлины. Не менѣе важно отмѣтить и тотъ фактъ, что въ сравнительно значительныхъ государствахъ дань покоренныхъ племенъ уплачивается ими въ тѣхъ именно продуктахъ, которые являются специфическими произведеніями этого племени, обыкновенно поставляемыми имъ на рынокъ. Въ государствѣ Лунда, напримѣръ, однѣ области платятъ дань слоновой костью или звѣриными шкурами, другія — солью или мѣдью, сѣверныя части страны — плетеніями изъ соломы, а живущіе на побережьи подчиненные предводители вносятъ иногда дань порохомъ и европейскими хлопчато-бумажными тканями [50]).

---

[48]) Срвн. напр. Petermanns Mitteilungen XXI (1875) стр. 381. Дальнѣйшія свѣдѣнія о системахъ сигнализаціи сообщаетъ Frobenius: Aus den Flegeljahren der Menschheit (Hannover 1901). стр. 49—62.

[49]) Подробности см. Post: Afrikanische Jurisprudenz I, стр. 261 и сл.

[50]) Pogge: Im Reiche des Muata Jamwo, стр. 226 и сл. Срвн. Wissmann: Im Reiche Afrikas, стр. 171, 202, 249, 267, 286, 289, 308; Unter deutscher Flagge, стр. 95, 332, 339. То же въ государствѣ Марутзе къ сѣверу отъ р. Замбези: E. Holub, Sieben Jahre in Südafrika II, стр. 173, 187, 253 и сл. 257, 268, 271.

Это нерѣдко приводитъ къ тому, что начальники племенъ, въ рукахъ которыхъ массами скопляются такого рода продукты, начинаютъ торговать ими или объявляютъ продажу ихъ своей монополіей. Фраза, что цари являются первыми купцами, получаетъ здѣсь глубокое значеніе.

Вообще говоря, права начальниковъ по сбору податей опредѣляются исключительно ихъ силой, и имущество подданныхъ лишено той защиты, которую ему даютъ законы въ культурныхъ государствахъ. Экспедиціи, снаряжаемыя негритянскими царьками для сбора дани и податей, очень нерѣдко превращаются въ разбойничьи набѣги; ихъ право на взиманіе штрафовъ за преступленія (виры) приводитъ къ тому, что судъ превращается въ средство вымогательства, а обычныя въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ даренія легко переходятъ въ систему взяточничества.

Все это, конечно, должно весьма пагубно отражаться на частномъ хозяйствѣ. При непрерывныхъ междуусобицахъ между отдѣльными маленькими племенами, при господствѣ произвола во внутреннемъ управленіи, которое обыкновенно слѣдуетъ за образованіемъ болѣе значительныхъ государствъ, большинство нецивилизованныхъ народовъ находятся въ вѣчномъ страхѣ за свою жизнь и имущество. Правда, долговременная привычка дѣлаетъ въ концѣ концовъ такое состояніе сноснымъ, но эти условія во всякомъ случаѣ задерживаютъ экономическое развитіе. Общинное землевладѣніе, обязанность всегда и повсюду дѣлать подарки, отношеніе къ съѣстнымъ припасамъ, какъ къ предметамъ, принадлежащимъ всѣмъ, оставляютъ слишкомъ мало простора для проявленія личнаго интереса. Одинъ англичанинъ замѣтилъ—и съ точки зрѣнія европейскаго хозяйства не безъ основанія—что этотъ вынужденный обычаями дѣлежъ съ другимъ усиливаетъ въ людяхъ привычку предаваться обжорству, ибо имъ принадлежитъ только то, что они благополучно проглотили; это же препятствуетъ разумной заботѣ о будущемъ, вслѣдствіе невозможности дѣлать какіе либо запасы [51]). „Попрошайничество" и „наклонность къ воровству", которые многіе нецивилизованные народы проявляютъ въ сношеніяхъ съ европейцами, тоже можно пожалуй поставить

---

[51]) Tindall y Fritsch'a: Die Eingeborenen Südafrikas, стр. 351; срвн. также стр. 362.—Waitz: Anthropologie II, стр. 402; III, стр. 80.

въ связь съ обычаемъ даренія и съ тѣмъ, что не проводится надлежащаго различія между „моимъ“ и „твоимъ“[52]). Пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ точно также является слѣдствіемъ недостаточной обезпеченности. Но если мы станемъ оцѣнивать всѣ эти явленія съ точки зрѣнія тѣхъ культурныхъ условій, при которыхъ они возникли, то легко убѣдимся, что они лежатъ по „ту сторону добра и зла“, и то, что на взглядъ современнаго англичанина является порокомъ, есть выраженіе добродѣтелей — безкорыстія, доброты и щедрости.

Многимъ, которые по отношенію къ своимъ чернокожимъ и краснокожимъ собратьямъ мнятъ себя носителями культуры, нецивилизованный человѣкъ представляется совокупностью хозяйственныхъ пороковъ: лѣнивымъ, безпорядочнымъ, безпечнымъ, расточительнымъ, ненадежнымъ, жаднымъ, вороватымъ, безсердечнымъ, прожорливымъ. Совершенно вѣрно, онъ живетъ только минутой, избѣгаетъ всякой регулярной работы, онъ не имѣетъ понятія о долгѣ, о призваніи какъ о нравственной задачѣ жизни. Но не менѣе вѣрно и то, что онъ своими жалкими орудіями въ общемъ производитъ такое количество работы, которое должно вызвать въ насъ крайнее изумленіе, разсматриваемъ ли мы на мѣстахъ тщательно воздѣланныя женщинами поля, или въ нашихъ музеяхъ исполненныя съ невѣроятными усиліями издѣлія мужчинъ—оружіе и утварь. А главное, при своемъ способѣ хозяйничанія нецивилизованный человѣкъ сохраняетъ такую жизнерадостность и такое веселье, что измученный трудомъ и подавленный заботами европеецъ можетъ ему позавидовать.

Если нѣкоторые нецивилизованные народы, послѣ знакомства съ европейской культурой, пошли въ своемъ развитіи назадъ, а иные даже совершенно вымерли, то причина этого, по мнѣнію лучшихъ знатоковъ, заключается главнымъ образомъ въ разлагающемъ вліяніи, какое оказывала на нихъ наша экономическая жизнь и техника. Въ ихъ дѣтское существованіе мы внесли нервное безпокойство нашей промышленной жизни, вѣчную погоню за наживой, разрушающія здоровье наслажденія, религіозныя распри. Наши совершенныя орудія освободили ихъ сразу отъ огромнаго количества труда: то, что они прежде осиливали своими каменными

[52]) Срвн. Waitz: Anthropologie III, стр. 163 и слѣд.

топорами въ мѣсяцы, теперь съ помощью желѣзнаго топора они могли сдѣлать въ нѣсколько часовъ, а пара ружей по своему дѣйствію вполнѣ замѣняли сотни луковъ и стрѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ отпало благотворное напряженіе, въ которомъ старый способъ труда постоянно держалъ тѣло и душу нецивилизованнаго человѣка, тѣмъ болѣе что его потребности оставались по прежнему на той же низкой ступени. Вотъ почему онъ погибъ, какъ погибаетъ растеніе. растущее въ тѣни, если его ставятъ подъ лучи полуденнаго солнца.

Но не всѣ нецивилизованные народы постигаетъ столь печальная участь. Цѣлыя расы, какъ напримѣръ, негритянская, оказались способными противостоять этимъ вліяніямъ. И если культурныя націи, которыя ихъ себѣ подчинили, дѣйствительно хотятъ проявить себя истинными друзьями, то они должны подвергнуть тщательному и серьезному научному изслѣдованію сложившіяся у этихъ народовъ въ теченіе тысячелѣтій формы хозяйства, способы труда, характеръ потребленія, и результаты его положить въ основу своихъ колонизаторскихъ мѣропріятій. Удивительно, что они до сихъ поръ не сдѣлали этого, хотя бы въ правильно понятыхъ собственныхъ интересахъ.

Однако, путешественники, разсказами которыхъ мы главнымъ образомъ вынуждены пользоваться, именно хозяйству нецивилизованныхъ народовъ не удѣлили почти никакого вниманія. Они ставили себѣ другія цѣли. За изслѣдованіями религіи, идолопоклонства, брачныхъ обрядовъ, украшеній, искусствъ, техники, они часто упускали изъ виду близлежащее, —въ длинныхъ указателяхъ къ этнографическимъ сборникамъ слово „хозяйство" совсѣмъ отсутствуетъ, какъ и слово „домохозяйство" въ указателяхъ къ безчисленнымъ изслѣдованіямъ семейнаго строя. Но изслѣдованія въ родѣ предлагаемаго здѣсь читателю отъ этого. быть можетъ, отчасти даже выиграли. Вслѣдствіе того, что использованныя нами наблюденія сдѣланы были мимоходомъ и не учеными экономистами, они обладаютъ большею степенью правдоподобности, ибо тѣмъ самымъ они избѣгли участи быть подведенными подъ какую-нибудь изъ заранѣе установленныхъ схемъ развитія, взятыхъ изъ нашихъ культурныхъ условій и совершенно неприложимыхъ къ совершенно иначе сложившейся жизни малокультурныхъ народовъ.

III

Возникновенiе народнаго хозяйства.

Всякій знаетъ, что способы, какими современный человѣкъ удовлетворяетъ свои многочисленныя потребности, непрерывно видоизмѣняются. Многія изъ приспособленій и учрежденій, необходимыхъ намъ для этой цѣли, не были извѣстны нашимъ прадѣдамъ, а внуки наши, вѣроятно, найдутъ неудовлетворительнымъ многое изъ того, что еще недавно вызывало наше удивленіе.

Совокупность учрежденій, институтовъ и дѣйствій, направленныхъ на удовлетвореніе потребностей цѣлаго народа, и составляетъ народное хозяйство. Народное хозяйство распадается, въ свою очередь, на многочисленныя отдѣльныя хозяйства, находящіяся другъ съ другомъ въ опредѣленныхъ сношеніяхъ и многообразной зависимости вслѣдствіе того, что каждое изъ нихъ беретъ на себя извѣстнаго рода обязанности по отношенію ко всѣмъ другимъ и возлагаетъ на другихъ обязанности по отношенію къ себѣ.

Въ этой формѣ зависимости всѣхъ отъ каждаго народное хозяйство является продуктомъ всего, лежащаго позади насъ, культурнаго развитія. Оно подвержено видоизмѣненію такъ же, какъ и отдѣльное хозяйство, частное или общественное, служащее для большаго или меньшаго числа людей. И всѣ явленія, относящіяся къ области народнаго хозяйства, представляютъ продукты культурнаго развитія. Тотъ, кто въ научныхъ цѣляхъ желаетъ опредѣлить эти явленія и объяснить ихъ закономѣрность, долженъ твердо помнить, что существенные признаки этихъ явленій и законъ ихъ развитія не имѣютъ абсолютнаго характера, т. е. не имѣютъ значенія для всѣхъ временъ и всѣхъ ступеней культуры.

Поэтому-то задача, которая ставится наукѣ по отношенію къ народному хозяйству, будетъ заключаться прежде всего въ томъ, чтобы познать и объяснить то, что есть. Но она не можетъ удовлетво-

риться однимъ лишь динамическимъ изложеніемъ хозяйственныхъ явленій, она должна также стараться раскрыть ихъ генетическую связь. Для совершеннаго пониманія какого-нибудь культурно-историческаго факта необходимо знакомство съ исторіей его развитія: поэтому и намъ нельзя будетъ обойтись безъ разсмотрѣнія того, черезъ какія ступени развитія прошло хозяйство культурныхъ народовъ, прежде чѣмъ оно получило форму современнаго народнаго хозяйства, и какія измѣненія претерпѣло при этомъ каждое частное хозяйственное явленіе. Матеріалъ для второй этой части нашей задачи дастъ намъ экономическая исторія европейскихъ культурныхъ народовъ. Ибо только эти послѣдніе представляютъ достаточно выясненную историческимъ изслѣдованіемъ картину постепеннаго развитія, теченіе котораго не было выбито изъ колеи могучими внѣшними вліяніями, хотя это, конечно, вовсе еще не значитъ, что оно постоянно шло впередъ, не прерывалось и не дѣлало шаговъ назадъ.

Первый вопросъ, на который долженъ отвѣтить экономистъ, желающій уяснить себѣ хозяйство народа въ весьма отдаленную эпоху, заключается въ слѣдующемъ: есть ли это хозяйство народное хозяйство? однородны ли его явленія съ явленіями нашего современнаго мѣнового хозяйства, или же они существенно различны? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ лишь въ томъ случаѣ, если къ экономическимъ явленіямъ прошлаго будутъ приложены тѣ же методы изслѣдованія — расчлененія понятій и психологическо-изолирующей дедукціи — которые такъ блестяще оправдали себя въ приложеніи къ современному хозяйству въ рукахъ представителей старой „абстрактной“ экономической науки.

Мы не можемъ не упрекнуть новую „историческую“ школу въ томъ, что она, вмѣсто того, чтобы такого рода изслѣдованіями проникнуть въ сущность прошлыхъ эпохъ хозяйственной жизни, не задумавшись, переносила на это прошлое обычныя абстрактныя категоріи, взятыя изъ явленій современнаго народнаго хозяйства, либо дѣлала понятія, относящіяся къ мѣновому хозяйству, столь растяжимыми, что онѣ, худо ли, хорошо ли, въ концѣ концовъ казались примѣнимыми ко всѣмъ хозяйственнымъ эпохамъ. Этимъ она, несомнѣнно, не разъ закрывала себѣ путь къ научному пониманію этихъ историческихъ явленій. Вслѣдствіе этого, обильный, извлеченный на свѣтъ Божій матеріалъ по исторіи хозяйства въ

большей своей части представляетъ и до сихъ поръ мертвый кладъ, который еще ждетъ своего научнаго использованія.

Едва ли не наиболѣе ярко это выступаетъ наружу въ томъ, какъ характеризуются отличія современнаго хозяйства у культурныхъ народовъ отъ хозяйства прошедшихъ эпохъ или хозяйства нецивилизованныхъ народовъ. Это дѣлается установленіемъ такъ называемыхъ ступеней развитія, въ обозначеніи которыхъ выражены основныя черты хозяйственной эволюціи.

Установленіе такихъ „хозяйственныхъ ступеней" является неизбѣжнымъ методологическимъ подспорьемъ. Оно представляетъ даже единственный путь, какимъ экономическая теорія можетъ использовать результаты историческихъ изслѣдованій о хозяйствѣ. Однако, эти ступени развитія не слѣдуетъ смѣшивать съ хронологическими эпохами, на которыя историкъ подраздѣляетъ свой матеріалъ. Историкъ, разсказывая о какомъ-нибудь „вѣкѣ", ничего не можетъ выпустить изъ него, что было въ немъ замѣчательнаго, тогда какъ ступени теоретика отмѣчаютъ только характерныя явленія, спокойно оставляя все случайное безъ вниманія. При медленномъ, продолжающемся нерѣдко цѣлыя столѣтія, видоизмѣненіи всѣхъ хозяйственныхъ явленій и институтовъ необходимо должно произойти то, что развитіе въ одной области далеко уходитъ впередъ, тогда какъ въ другихъ оно мало подвигается, и такого рода ненормальныя явленія могутъ представиться историку особенно значительными. Для теоретика же самое важное заключается въ томъ, чтобы уловить общій характеръ эволюціи въ ея главнѣйшихъ фазахъ, оставляя безъ вниманія переходныя эпохи, въ которыя всѣ явленія какъ бы находятся въ движеніи. Только такимъ путемъ можно установить общія черты, скажемъ смѣло — законы развитія.

Всѣ прежнія попытки такого рода страдали тѣмъ недостаткомъ, что они не углублялись въ сущность вещей, а оставались на поверхности.

Наиболѣе извѣстно раздѣленіе ступеней, установленное Фридрихомъ Листомъ, имѣющее исходной точкой преобладающую отрасль производства. Оно различаетъ пять періодовъ, которые одинъ за другимъ проходятъ народы умѣреннаго пояса до достиженія ими нормальнаго экономическаго состоянія: 1) періодъ охотничьей жизни, 2) періодъ пастушеской жизни, 3) періодъ земле-

дѣлія, 4) земледѣльческо-промышленный періодъ и 5) земледѣльческо-промышленно-торговый періодъ. Въ другой періодизаціи, предложенной Бруно Гильдебрандомъ, отличительнымъ признакомъ является характеръ мѣновыхъ сношеній и сообразно съ этимъ предполагаются три ступени развитія: натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство.

И та и другая періодизація исходитъ, однако, изъ того положенія, что во всѣ времена, насколько исторія проникаетъ вглубь вѣковъ, за исключеніемъ развѣ „первобытнаго состоянія", существовало народное хозяйство, основанное на обмѣнѣ, и что отдѣльныя эпохи отличались другъ отъ друга только формами производства и обмѣна. Они не сомнѣваются также и въ томъ, что основныя явленія хозяйственной жизни во всѣ времена были въ основахъ своихъ однородны. Имъ важно только показать, что различныя экономическія мѣропріятія и учрежденія прошедшихъ временъ имѣютъ свое оправданіе въ преходящемъ характерѣ формъ производства и обмѣна, что и въ настоящее время различныя условія вызываютъ различныя мѣропріятія.

Даже новѣйшія системы политической экономіи, созданныя исторической школой, успокаиваются на такомъ пониманіи развитія хозяйственной жизни, хотя оно въ сущности немногимъ выше того чисто раціоналистическаго построенія исторіи, какое принято абстрактнымъ направленіемъ англійскихъ экономистовъ. Я позволю себѣ выяснить это въ немногихъ словахъ.

То состояніе хозяйственной жизни, которое является исходной точкой въ экономической системѣ Адама Смита и Рикардо, есть именно мѣновое хозяйство, основанное на раздѣленіи труда, или, лучше сказать, народное хозяйство въ истинномъ смыслѣ этого слова. Это именно то состояніе, при которомъ каждый производитъ не тѣ предметы, которые нужны ему, а тѣ, которые (по его мнѣнію) нужны другимъ, для того, чтобы путемъ обмѣна получить всѣ тѣ разнообразные предметы и услуги, въ которыхъ онъ нуждается; короче говоря, это есть то состояніе, при которомъ требуется взаимодѣйствіе многихъ или всѣхъ для удовлетворенія потребностей каждаго отдѣльнаго индивида. Поэтому англійская политическая экономія есть въ сущности теорія обмѣна. Она изучаетъ, главнымъ образомъ, явленія и законы раздѣленія труда, капитала, цѣны, заработной платы, земельной ренты.

прибыли съ капитала. Все ученіе о производствѣ, въ особенности же о потребленіи, находится у нея въ загонѣ. Все вниманіе сосредоточено на обмѣнѣ предметовъ, въ который включается и ихъ распредѣленіе.

Имъ и въ голову не приходитъ, что когда-либо существовалъ такой общественный строй, гдѣ не было обмѣна; тамъ гдѣ такого рода предположеніе имъ необходимо, какъ вспомогательное методологическое средство, они пользуются осмѣянной новѣйшими учеными фикціей робинзонады. Обычно же они даже весьма сложныя мѣновыя отношенія выводятъ прямо изъ первобытнаго состоянія [1]). Адамъ Смитъ утверждаетъ, что въ природѣ человѣка заложена склонность къ обмѣну, и даже раздѣленіе труда онъ разсматриваетъ какъ результатъ этой склонности. Рикардо первобытнаго охотника и рыболова разсматриваетъ какъ двухъ капиталистическихъ предпринимателей. У него они уплачиваютъ заработную плату и получаютъ прибыль на капиталъ; онъ говоритъ о повышеніи и пониженіи ихъ издержекъ производства и цѣнъ производимыхъ ими товаровъ. Чтобы упомянуть и о выдающемся нѣмецкомъ экономистѣ этого направленія, укажемъ на Тюнена, который въ своемъ построеніи изолированнаго государства всецѣло исходитъ изъ предпосылокъ мѣноваго хозяйства. Даже въ отдаленнѣйшемъ поясѣ, еще не достигшемъ ступени земледѣлія, хозяйство соображается исключительно со сбытомъ продуктовъ въ центральномъ городѣ.

Историческая и этнографическая наука давно могла бы убѣдиться, какъ далеки подобнаго рода фикціи отъ дѣйствительныхъ условій хозяйства первобытныхъ народовъ, если бы она сама не находилась подъ властью этихъ представленій современнаго мѣноваго хозяйства и не переносила ихъ на прошлое. Основательное изученіе, справедливо оцѣнивающее жизненныя условія прошлаго и не измѣряющее его явленій мѣркой настоящаго, должно придти къ тому выводу, что народное хозяйство есть продуктъ тысячелѣтняго историческаго развитія, что оно не старше современнаго государства, и что до его возникновенія человѣческое хозяйство въ теченіе продолжительныхъ періодовъ либо вовсе не

[1]) Впрочемъ, еще до нихъ точно такъ же поступали и физіократы. Сравн. Turgot: Réflexions § 2 и слѣд.

знало обмѣна, либо формы обмѣна предметовъ и услугъ имѣли такой характеръ, который не соотвѣтствуетъ понятію народнаго хозяйства.

Объединяющей точкой зрѣнія, которая дала бы намъ возможность уразумѣть все это развитіе какъ единое цѣлое, только и можетъ быть такая точка зрѣнія, которая способна ввести насъ въ самое существо явленій народнаго хозяйства и въ то же время раскрыть намъ характерныя особенности прошлыхъ эпохъ хозяйственной жизни. Такимъ исходнымъ положеніемъ является не что иное, какъ отношеніе между производствомъ предметовъ и ихъ потребленіемъ, опредѣляемое длиной того пути, который долженъ пройти предметъ отъ производителя къ потребителю. Съ этой точки зрѣнія все экономическое развитіе, по крайней мѣрѣ, народовъ средней и западной Европы, поскольку оно доступно историческому изслѣдованію, можетъ быть раздѣлено на три ступени:

1. Ступень замкнутаго домашняго хозяйства (производство для собственнаго потребленія въ его чистой формѣ, хозяйство безъ обмѣна): предметы потребляются въ томъ же хозяйствѣ, въ какомъ они произведены.

2. Ступень городского хозяйства (производство на потребителя или ступень непосредственнаго обмѣна): предметы изъ производящаго хозяйства непосредственно поступаютъ въ потребляющее хозяйство.

3. Ступень народнаго хозяйства (производство товаровъ, ступень товарнаго обмѣна): предметы проходятъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ они доходятъ до потребителя.

Мы попытаемся ближе охарактеризовать эти три хозяйственныя ступени, причемъ постараемся уловить типическія черты каждой изъ нихъ и не будемъ увлекаться случайными проявленіями переходныхъ формъ или единичныхъ явленій, хотя и установленныхъ исторически въ какомъ нибудь періодѣ, но представляющихъ для данной эпохи либо пережитки прошлаго, либо предвѣстники будущаго. Только такимъ путемъ намъ удастся выяснить коренныя различія этихъ трехъ ступеней развитія и характерныя черты, присущія каждой изъ нихъ.

1. Домашнее хозяйство.

Періодъ замкнутаго домашняго хозяйства характеризуется, какъ мы уже указали, тѣмъ, что весь круговоротъ хозяйственной жизни отъ производства къ потребленію совершается здѣсь въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода). Характеръ и размѣры производства въ каждомъ домѣ опредѣляются тѣмъ, что необходимо для потребленія его членовъ. Каждый продуктъ продѣлываетъ весь путь отъ момента полученія сырого матеріала до достиженія имъ окончательной, годной для потребленія формы въ одномъ и томъ же хозяйствѣ и непосредственно переходитъ въ потребленіе, при которомъ онъ снова уничтожается. Производство и потребленіе сливаются воедино; они составляютъ одинъ непрерывный, нераздѣльный процессъ. Добывающее и расходующее хозяйство не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Доходъ каждой сообща хозяйничающей группы людей совпадаетъ съ продуктомъ ея труда, а послѣдній въ свою очередь совпадаетъ съ удовлетвореніемъ потребностей, т. е. съ потребленіемъ.

Обмѣнъ первоначально совершенно неизвѣстенъ (см. выше стр. 56 и слѣд.). Первобытный человѣкъ не только не имѣетъ врожденной склонности къ обмѣну, но, напротивъ, питаетъ отвращеніе къ нему. Обмѣнивать и обманывать (въ нѣмецкомъ языкѣ общій корень: tauschen и täuschen) въ раннія времена означаетъ одно и то же. Нѣтъ и общепризнаннаго мѣрила обмѣна, вслѣдствіе чего всегда приходится опасаться обмана при заключеніи мѣновой сдѣлки. Притомъ продуктъ труда представляетъ какъ бы частицу того человѣка, который его произвелъ. И кто отдаетъ его другому, отчуждаетъ частицу своего „я“ и даетъ злымъ духамъ власть надъ собой. И въ древнемъ мірѣ и въ теченіе всего средневѣковаго періода обмѣнъ носитъ публичный характеръ, совершается при свидѣтеляхъ съ употребленіемъ символическихъ формулъ.

Такое автономное хозяйство прежде всего находится въ зависимости отъ почвы, которой оно располагаетъ. Будетъ ли хозяинъ охотникомъ или рыболовомъ, присваивающимъ себѣ дары природы, будетъ ли онъ кочевникомъ, странствующимъ со своими стадами и попутно обрабатывающимъ землю, будетъ ли онъ исключительно земледѣльцемъ:—во всѣхъ случаяхъ его трудъ и заботы опредѣ-

6*

ляются тѣмъ участкомъ земли, которымъ онъ овладѣлъ. И чѣмъ далѣе онъ подвигается въ умственномъ развитіи и техникѣ, чѣмъ правильнѣе и полнѣе удовлетворяются его потребности, тѣмъ эта зависимость становится больше, такъ что въ концѣ концовъ земля подчиняетъ себѣ человѣка, призваннаго господствовать надъ ней. Это явленіе получило названіе овеществленія человѣка; здѣсь мы ограничимся указаніемъ на то, что въ этотъ періодъ хозяйственной жизни лишь тотъ можетъ вести собственное хозяйство, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи участокъ земли. Кто не находится въ такомъ положеніи, можетъ существовать лишь въ качествѣ батрака землевладѣльца, прикрѣпленнаго къ землѣ.

Въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ членамъ его приходится не только извлекать изъ земли дары ея, но и своимъ же трудомъ изготовлять всѣ необходимыя для этого орудія и инструменты; наконецъ, они же обрабатываютъ и отдѣлываютъ сырой матеріалъ и приспособляютъ его для потребленія. Все это обусловливаетъ такое многообразіе дѣятельности и, при несложности орудій производства, требуетъ такой разносторонности способностей и умѣнья, о которой современный культурный человѣкъ врядъ ли можетъ составить себѣ правильное представленіе [2]). Для отдѣльныхъ членовъ автономнаго хозяйства это многообразіе можетъ быть ограничено лишь въ томъ случаѣ, если они между собой раздѣлятъ трудъ сообразно возрасту, полу, индивидуальной силѣ и способ-

[2]) Чтобы представить себѣ это состояніе, мы должны обратиться къ древнимъ описаніямъ крестьянской жизни въ отдаленныхъ частяхъ Европы. Сравн., напримѣръ, H. F. Tiebe: Lief-und Esthlands Ehrenrettung (Halle 1804), стр. 100. Сравн. также M. A. Pogio: Korea (Wien—Leipzig 1895), стр. 222. „Во всей Кореѣ съ незапамятныхъ временъ все необходимое производится въ домашнемъ хозяйствѣ. Жена и дочь прядутъ не только ленъ, но и шелкъ,—для этой цѣли во многихъ хозяйствахъ разводится шелковичный червь. Глава семьи вынужденъ исполнять всякаго рода работы и, смотря по надобности, быть маляромъ, каменотесомъ, столяромъ. Производство спиртныхъ напитковъ, растительныхъ маслъ, красильныхъ веществъ, выдѣлка соломенныхъ цыновокъ, шляпъ, корзинъ, деревянной обуви, земледѣльческихъ орудій - все это входитъ въ домашнюю работу. Словомъ, всякій работаетъ только на себя, только для удовлетворенія своихъ потребностей. Благодаря этому, кореецъ представляетъ собой универсальнаго ремесленника, который работаетъ только для производства необходимыхъ предметовъ.“

ности каждаго. Это обстоятельство наряду съ другими привело къ тому рѣзкому раздѣленію труда между полами, какое мы повсюду находимъ у первобытныхъ народовъ. Съ другой стороны, однако, при малой производительности старыхъ формъ труда во многихъ случаяхъ для достиженія какой-нибудь хозяйственной цѣли необходима совмѣстная и одновременная дѣятельность многихъ. Вслѣдствіе этого, соединеніе труда играетъ на этой ступени болѣе важную роль, чѣмъ раздѣленіе его.

Но и то и другое имѣло бы весьма мало простора въ семьѣ, если бы послѣдняя была организована на подобіе нашей современной семьи, т. е. состояла бы изъ супруговъ, дѣтей и пожалуй еще прислуги; къ тому же она обладала бы весьма малой устойчивостью и способностью къ развитію, если бы личность въ семьѣ была бы такъ же самостоятельна, какъ въ настоящее время.

Поэтому имѣетъ особенное значеніе то обстоятельство, что у всѣхъ современныхъ культурныхъ народовъ Европы, при ихъ появленіи на горизонтѣ исторіи, существовалъ родовой строй [3]). Родовыя семьи (роды, gentes, кланы, семейныя общины) представляютъ болѣе или менѣе значительныя группы, состоящія изъ нѣсколькихъ поколѣній связанныхъ кровными узами людей; онѣ организованы сначала на основаніяхъ матріархата, а затѣмъ патріархата, владѣютъ сообща землей, ведутъ общее хозяйство и образуютъ правовой союзъ для взаимной защиты. У народовъ, гдѣ существуетъ моногамія—ихъ мы только и имѣемъ въ виду—родъ образуется изъ нѣсколькихъ небольшихъ родственныхъ группъ, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ супружеской четы и дѣтей. Человѣкъ внѣ рода лишенъ защиты, его существованіе не имѣетъ ни юридической, ни экономической почвы, ему никто не оказываетъ помощи въ нуждѣ, за убійство его не найдется мстителя, никто не идетъ за его гробомъ къ мѣсту послѣдняго успокоенія [4]).

[3]) Объ этомъ срвн. Fustel de Coulanges: La cité antique. Paris 1864. (Фюстель де Куланжъ: Древняя община. Русск. перев. Спиридоновой. 1895). E. de Laveleye: Das Ureigentum, Leipzig 1879 (Эмиль-де-Лавеле: Первобытная собственность. Русск. перев. подъ ред. Кутейникова) и E. Grosse: Die Formen der Familie und Formen der Wirtschaft (русск. пер. изд. „Книжнаго дѣла"), особ. гл. VIII.

[4]) Въ Африкѣ мы и нынѣ еще находимъ подобныя условія. Характер-

Всѣ интересующіе насъ здѣсь народы при переходѣ къ осѣдлому образу жизни уже были знакомы съ обработкой земли посредствомъ плуга. Они селились обыкновенно такимъ образомъ, что члены рода устраивали совмѣстно большіе общинные дома, хутора, деревни. Когда владѣніе землей обезпечено, общинный духъ падаетъ, отъ большого союза откалываются болѣе мелкія патріархальныя семейныя общины съ меньшимъ числомъ членовъ, какими еще нынѣ являются задруга южныхъ славянъ, большая семья у великороссовъ, кавказцевъ и индусовъ. Но еще въ теченіе многихъ вѣковъ семейныя общины одной деревни владѣли землей сообща, а нѣкоторое время и сообща обрабатывали ее; лишь плоды ея они потребляли порознь.

Въ такихъ большихъ семейныхъ союзахъ соединеніе и раздѣленіе труда могутъ быть проведены въ довольно большихъ размѣрахъ. Мужья и жены, матери и дѣти, отцы и дѣды—каждая изъ этихъ группъ получаетъ особое мѣсто въ производствѣ и домоводствѣ: индивидуальныя способности находятъ себѣ примѣненіе въ дѣятельности для рода, но ею же онѣ и ограничиваются. Братскія чувства, покорность дѣтей, уваженіе къ старикамъ, подчиненіе и послушаніе—всѣ эти чувства при такомъ семейномъ строѣ достигаютъ высшаго развитія. Подобно тому какъ родъ за каждаго своего члена платитъ долги или виру и мститъ за нанесенную ему обиду, каждый членъ въ отдѣльности, въ свою очередь, посвящаетъ роду всю свою жизнь, отказываясь отъ проявленія даже малѣйшей самостоятельности.

Однако и тогда, когда начинаетъ ослабѣвать сила этихъ чувствъ, еще не возникаетъ сразу современная семья съ ея вполнѣ

ную черту правовыхъ понятій у негровъ составляетъ то, что субъектомъ права является не личность, а община, семья, родня. Внутри каждой общины права и обязанности могутъ переходить безгранично. Должникъ, преступникъ можетъ быть наказанъ въ лицѣ своихъ сочленовъ по общинѣ, и отвѣтственность общины за преступленіе какого-нибудь принадлежащаго ей по рожденію члена не уничтожается даже въ случаѣ его переселенія или отдѣленія. Даже смертной казни можетъ быть подвергнутъ не виновный, а кто-либо иной. M. Buchner: Kamerun, стр 188. Срвн. Thonnar: Essai sur le système économique des primitifs, стр. 17. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и на островахъ Тихаго океана; см. Parkinson: Im Bismarck-Archipel, стр. 80 и сл.

обособленнымъ хозяйствомъ. Ибо ея возникновеніе, несомнѣнно, привело бы къ ослабленію хозяйства, къ исчезновенію автономнаго домашняго хозяйства и, быть можетъ, даже къ возврату въ состояніе варварства. Для избѣжанія этого было два средства.

Одно средство заключалось въ томъ, что для выполненія такихъ хозяйственныхъ задачъ, которыхъ отдѣльная уменьшившаяся семья не могла выполнить, существовали прежніе крупные родовые союзы въ видѣ мѣстныхъ организацій. Эти организаціи на основаніи общинной собственности и общиннаго пользованія имуществомъ представляли собою частичныя общинныя хозяйства, которыя при случаѣ брали на себя такія задачи, выполненіе которыхъ каждымъ отдѣльнымъ домомъ привело бы къ нехозяйственной тратѣ силъ (напримѣръ, охрана полей, пастьба скота). Но были и такія хозяйственныя задачи, въ которыхъ не всѣ отдѣльныя хозяйства мѣстной группы были одинаково заинтересованы, но которыя тѣмъ не менѣе не могли быть выполнены каждымъ въ отдѣльности. При постройкѣ дома или корабля, при выкорчевываніи участка лѣса, отведеніи ручья, когда предпринималась на большомъ разстояніи охота или рыбная ловля, или же время года требовало особенно большого количества рабочихъ рукъ въ томъ или другомъ хозяйствѣ—во всѣхъ этихъ случаяхъ выручали „помочи", [5]) т. е. по приглашенію главы семьи, сосѣди составляли добровольные временные рабочіе союзы, которые по исполненіи задачи опять распадались. Многое изъ этого впослѣдствіи видоизмѣнилось, но кое-что сохранилось. Вспомнимъ хотя бы только рабочіе союзы у славянъ: русскую артель, болгарскую чету или дружину, сербскую мобу, далѣе взаимопомощь нашихъ крестьянъ при постройкѣ домовъ, стрижкѣ овецъ, трепаніи льна и т. п.

Но какъ бы широко ни распространялись эти учрежденія, количество потребностей, удовлетворяемыхъ такимъ путемъ, представляется сравнительно не великимъ и столь же мало нарушаетъ экономическую автономію отдѣльнаго хозяйства, какъ существующее еще теперь домашнее производство нашихъ сельскихъ хозяевъ—господство мѣнового хозяйства. Притомъ эти временные рабочіе союзы не представляютъ собой предпріятій, а суть лишь

[5]) Сравн. K. Bücher: Arbeit und Rhythmus стр. 237 и сл. (русск. перев. подъ ред. Коропчевскаго, стр. 94 и слѣд.).

организаціи для удовлетворенія непосредственной потребности. Сегодня помощь оказывается одному участнику союза, завтра — другому, или же продуктъ совмѣстнаго труда распредѣляется между всѣми и потребляется каждымъ хозяйствомъ въ отдѣльности. Спеціально оплачиваемаго обмѣна услугъ и предметовъ нигдѣ не существуетъ. Его нѣтъ даже тамъ, гдѣ, какъ напр. въ индійскихъ сельскихъ общинахъ, имѣется извѣстное количество рабочихъ-ремесленниковъ, находящихся, на подобіе нашихъ деревенскихъ пастуховъ, въ услуженіи у всей общины. Они работаютъ на всѣхъ и содержатся зато на общій счетъ.

Другое средство избѣжать вредныхъ послѣдствій прекращенія родового союза, заключалось въ томъ, что искусственно расширялся кругъ семьи, и это искусственное расширеніе поддерживалось. Совершалось оно путемъ принятія и присоединенія чужихъ (неродственныхъ по крови) элементовъ. Такимъ образомъ возникли институты рабства и крѣпостничества.

Мы не будемъ заниматься рѣшеніемъ вопроса о томъ, является ли фактъ порабощенія и закрѣпощенія беззащитнаго соплеменника или покореннаго врага слѣдствіемъ или скорѣе причиной распаденія стараго родового союза. Одно только несомнѣнно, что въ рабствѣ найдено было средство уберечь замкнутое домашнее хозяйство съ его обычнымъ раздѣленіемъ труда отъ разрушенія и одновременно съ этимъ идти впередъ по пути расширенія потребностей и облагороженія ихъ. Ибо теперь тѣмъ легче было приспособить работу дома къ его потребностямъ, чѣмъ больше было количество принадлежащихъ къ нему рабовъ или крѣпостныхъ. Оказалось возможнымъ обрабатывать бóльшія площади земли цѣлыми отрядами рабочихъ; опредѣленныя техническія работы, какъ, напримѣръ, молотьба хлѣба, печенье его, пряденье, тканье, изготовленіе орудій, уходъ за скотомъ можно было поручить отдѣльнымъ рабамъ въ качествѣ ихъ пожизненнаго занятія, для котораго они могли получить спеціальную подготовку. И чѣмъ знатнѣе былъ домъ, чѣмъ богаче его хозяинъ, чѣмъ обширнѣе его хозяйство, тѣмъ разнообразнѣе и шире могла въ немъ развиться техника добыванія и обработки матеріала.

Таково было хозяйство грековъ, карѳагенянъ, римлянъ. Родбертусъ, который указалъ на это уже четверть вѣка тому назадъ, называетъ это хозяйство ойкоснымъ ибо οἶκος—домъ обозначаетъ

самодовлѣющую хозяйственную организацію. „Домъ“ представляетъ собою не только жилище, но и сообща хозяйничающую группу людей; принадлежащіе къ ней являются „домашними“ (οἰκέται)— выраженіе, которое—и это весьма характерно—въ исторіи обозначало только домашнихъ рабовъ, на которыхъ въ то время лежала вся домашняя работа. Подобный же смыслъ имѣетъ и римская familia, т. е. совокупность famuli, домашнихъ рабовъ, челяди. Pater familias—есть господинъ этихъ рабовъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается весь продуктъ, добываемый въ хозяйствѣ; patria potestas соединяетъ въ себѣ вмѣстѣ съ понятіями супружеской и отцовской власти и понятіе его права въ качествѣ рабовладѣльца. Никто въ домѣ не добываетъ для себя, всѣ работаютъ на pater familias; онъ же располагаетъ жизнью и смертью всѣхъ въ равной мѣрѣ. Въ правѣ римскаго главы семьи, какъ господина, простирающемся въ равной мѣрѣ, какъ на кровныхъ, такъ и на некровныхъ членовъ дома, замкнутое домашнее хозяйство нашло гораздо болѣе твердую опору и вслѣдствіе этого могло обнаружить значительно большую трудоспособность, чѣмъ это было возможно въ матріархальной или даже въ прежней патріархальной семьѣ, состоявшей исключительно изъ кровныхъ родственниковъ. Всякое индивидуальное существованіе исчезаетъ; государство, право знаютъ только семейныя общины: они регулируютъ отношенія между отдѣльными домами, а не между отдѣльными людьми. То, что происходитъ внутри дома, ихъ не касается.

Хозяйственной автономіей, покоющейся на рабствѣ дома, объясняется вся соціальная и значительная часть политической исторіи древняго Рима. Нѣтъ производительныхъ классовъ съ самостоятельными профессіями, нѣтъ сельскихъ хозяевъ, нѣтъ ремесленниковъ. Существуютъ только крупные и мелкіе владѣльцы, богатые и бѣдные. Въ томъ случаѣ, когда богатый вытѣсняетъ бѣднаго изъ его земельнаго участка, послѣдній превращается въ пролетарія. Безземельный, хотя бы и свободный гражданинъ, почти совершенно лишенъ возможности пропитанія, ибо предпринимательскаго капитала, покупающаго трудъ за плату, нѣтъ; нѣтъ и промышленности внѣ замкнутаго домашняго хозяйства. Упоминаемые въ памятникахъ artifices представляютъ собою не свободныхъ ремесленниковъ, а лишь спеціализировавшихся въ какомъ нибудь ремеслѣ рабовъ, превращающихъ полученное ими отъ рабовъ-землепаш-

цевъ и пастуховъ сырье—зерно, шерсть, дерево—въ хлѣбъ, одежду утварь. „Ты не думай, что онъ что нибудь покупаетъ“, говорится у Петронія объ одномъ богатомъ parvenu, „все производится у него въ домѣ“ [6]). Отсюда-то тѣ огромныя латифундіи, тѣ несмѣтныя полчища рабовъ, которыя сосредоточиваются въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, давая имъ возможность проводить столь разностороннее раздѣленіе труда, что продукты ихъ производства могли удовлетворять самому избалованному вкусу.

Голландецъ Т. Попма, написавшій въ XVII вѣкѣ обстоятельную книжку [7]) о занятіяхъ римскихъ рабовъ, насчитываетъ 146 различныхъ функцій этихъ несвободныхъ рабочихъ богатыхъ римскихъ домовъ. Въ настоящее время на основаніи надписей можно было бы еще увеличить это число. Необходимо углубиться въ детали этой утонченной организаціи труда, чтобы понять размѣры и производительную способность такого гигантскаго домохозяйства, предоставлявшаго въ безусловное распоряженіе владѣльца предметы и услуги, какіе въ настоящее время могутъ доставить лишь многочисленныя торговыя предпріятія большого города, купно съ общественными и государственными учрежденіями. Притомъ владѣніе подобной массой людей являлось средствомъ увеличенія крупныхъ состояній, которыя выдерживаютъ сравненіе лишь съ колоссальными капиталами современныхъ милліонеровъ.

Вся подневольная рабочая масса богатаго римскаго дома распадается на двѣ главныя группы: на familia rustica и на familia urbana. Familia rustica служитъ цѣлямъ производства. Въ каждомъ большомъ помѣстьи имѣется управляющій и его помощникъ съ цѣлымъ штатомъ надсмотрщиковъ и мастеровъ, въ вѣдѣніи которыхъ находится значительное количество рабочихъ на поляхъ и виноградникахъ, пастуховъ и скотниковъ, кухонной и домашней

[6]) И въ Россіи до отмѣны крѣпостного права „завѣтнымъ желаніемъ каждаго помѣщика было, чтобы все необходимое въ хозяйствѣ изготовлялось собственными крѣпостными людьми“. См. кн. П. Крапоткинъ: Записки революціонера. Изд. „Свободная мысль“. Лондонъ-Петербургъ. Стр. 23 и слѣд. Тамъ же сообщаются интересныя детали. Сравн. П. Милюковъ: Очерки по исторіи русской культуры. 5-е изд. журн. „Міръ Божій“. Часть первая, стр. 67.

[7]) Titi Popmae Phrysii de operis servorum liber. Editio novissima. Amstelodami 1672.

челяди, прядильщицъ, ткачей и ткачихъ, валяльщиковъ, портныхъ, плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ и рабочихъ для производства сельскохозяйственныхъ промысловъ. Въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ каждая группа рабочихъ раздѣляется въ свою очередь на части, по 10 человѣкъ въ каждой (decuriae) съ начальникомъ (десяткимъ) или „погонщикомъ“ (decurio, monitor) во главѣ [8]).

Familia urbana раздѣляется на управляющій хозяйствомъ персоналъ и на лицъ, существующихъ для услугъ господина и госпожи внутри дома и внѣ его. Къ первой группѣ относится прежде всего завѣдывающій имуществомъ, далѣе—кассиръ, бухгалтеры, управляющіе домами, отдаваемыми въ наемъ, закупщики и т. п. Въ томъ случаѣ, когда господинъ занимается государственными откупами и мореплаваніемъ, для этого имѣется отдѣльный штатъ несвободныхъ служащихъ и рабочихъ. Въ самомъ домѣ заняты: управляющій домомъ, привратникъ, комнатные и гостинные сторожа, хранители мебели, серебра, гардероба; столомъ завѣдуетъ дворецкій, ключникъ, смотритель кладовыхъ; въ кухнѣ толпится куча поваровъ, истопниковъ, пекарей, пирожниковъ, паштетниковъ; имѣются особые лакеи для накрыванія столовъ, для разрѣзыванья кушанья, для пробованья его, для наливанья вина; за столомъ гостей увеселяетъ толпа красивыхъ мальчиковъ, танцовщицъ, карликовъ и шутовъ. Для личныхъ услугъ господину имѣются церемонимейстеръ, докладывающій о посѣтителяхъ, разные камердинеры, купальщики, мастильщики, массеры, хирурги, врачи, чуть ли не для каждой части тѣла особый, брадобрей, чтецы, секретари и т. п. Для домашняго употребленія содержится также ученый или философъ, архитекторъ, художникъ, скульпторъ, оркестръ, въ библіотекѣ работаютъ переписчики, гладильщики пергамента, переплетчики, съ помощью которыхъ библіотекарь составляетъ книги въ стѣнахъ самаго дома. Въ знатномъ домѣ должны быть и свои подневольные журналисты и стенографы [9]). При появленіи господина въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ, ему предшествуетъ большая толпа рабовъ (anteambulones) и такая же толпа слѣдуетъ за нимъ (pedisequi); nomenclator называетъ имена встрѣчныхъ, съ которыми

[8]) Сравн. наглядное изображеніе римскаго помѣщичьяго хозяйства временъ имперіи у M. Weber'a въ журналѣ „Die Wahrheit“ т. VI, стр. 65 и слѣд.

[9]) Срвн. ниже шестой очеркъ.

слѣдуетъ раскланяться: собственные distributores и tesserarii раздаютъ народу взятки и объявляютъ избирательный пароль. Эти camelots древняго Рима особенно цѣнны тѣмъ, что становятся собственностью пользующагося ими знатнаго честолюбца. Такая политическая система давленія на избирателей дополняется устройствомъ зрѣлищъ, бѣговъ на колесницахъ, звѣриныхъ боевъ, состязаній гладіаторовъ, для чего также содержатся особые рабы. Когда господинъ назначается правителемъ какой-нибудь провинціи, или живетъ въ какомъ-нибудь изъ своихъ помѣстій, особые подневольные курьеры и гонцы поддерживаютъ ежедневное сношеніе со столицей. Но что же сказать относительно придворнаго штата рабовъ госпожи, о которомъ Бёттигеръ написалъ цѣлую книгу („Сабина“), и о безконечно дифференцированномъ персоналѣ для ухода и воспитанія дѣтей! Здѣсь происходило невѣроятное расточеніе человѣческихъ силъ; но въ концѣ концовъ посредствомъ этого многорукаго организма замкнутаго домашняго хозяйства, поддерживаемаго грандіозной системой дисциплины и воспитанія, личная сила рабовладѣльца увеличивалась въ много тысячъ разъ— обстоятельство, значительно способствовавшее тому, что власть надъ полъ-міромъ сосредоточилась въ рукахъ кучки аристократовъ [10]).

Подобный же характеръ носитъ и хозяйство самого государства. Какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Римѣ всѣ низшія должности и мѣста заняты рабами. Рабы прокладываютъ улицы и водопроводы, которые сооружаются за собственный счетъ государства, работаютъ

---

[10]) Конечно, такого развитія хозяйство, основанное на рабствѣ, достигало только у очень богатыхъ; но при наличности соотвѣтствующихъ условій мы его всегда находимъ. Такъ, Ellis въ свой History of Madagaskar I, стр. 194 разсказываетъ: When slaves in a family are numerous, some attend to cattle: others are employed in cultivating esculents roots; others collect fuel, and of the femals some are employed in spinning, weaving and making nets, washing and other domestic occupations (Если въ семьѣ было много рабовъ, то одни изъ нихъ ухаживали за скотомъ, другіе занимались разведеніемъ съѣдобныхъ растеній, третьи собирали топливо, а женщины были заняты пряденіемъ, тканьемъ, вязаньемъ, стиркой и другими хозяйственными работами). Даже въ странѣ Муата-Ямво, гдѣ, кромѣ кузнецовъ, повидимому, нѣтъ спеціальныхъ ремесленниковъ, глава государства все же имѣетъ собственныхъ музыкантовъ, знахарей, кузнецовъ парикмахеровъ, кухарокъ. Pogge: Im Reiche des M. I., стр. 231, 187.

въ каменоломняхъ и рудникахъ, занимаются очисткой клоакъ. Рабы являются полицейскими, палачами, тюремщиками, герольдами въ народныхъ собраніяхъ, они раздаютъ хлѣбъ народу, прислуживаютъ коллегіи жрецовъ въ храмахъ и при жертвоприношеніяхъ, изъ нихъ же состоятъ государственные казначеи, писцы, гонцы должностныхъ лицъ; свита изъ государственныхъ рабовъ сопровождаетъ всякаго провинціальнаго чиновника или полководца къ мѣсту его служенія. Средства на содержаніе этого персонала составлялись главнымъ образомъ изъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ, дани, которую въ Аѳинахъ платили союзники, а въ Римѣ—провинціи (Цицеронъ называетъ ихъ quasi praedia populi Romani) и, наконецъ, сборовъ пошлиннаго характера.

Тѣ же черты обнаруживаетъ хозяйство романскихъ и германскихъ народовъ въ раннее средневѣковье. И здѣсь потребностями дальнѣйшаго развитія хозяйства вызвано было расширеніе замкнутаго домашняго хозяйства, которое получило наибольшее выраженіе въ тѣхъ крупныхъ хозяйственныхъ организмахъ, какіе мы находимъ на обширныхъ помѣстьяхъ королей, свѣтской и духовной аристократіи, покоившихся на крѣпостномъ трудѣ. Средневѣковое крѣпостное помѣстное хозяйство во многомъ примыкаетъ къ той формѣ, какую приняло сельское хозяйство въ римскомъ государствѣ въ послѣдній періодъ имперіи, подъ вліяніемъ развитія колоната. Но у него много сходства и съ описаннымъ нами выше концентрированнымъ плантаторскимъ хозяйствомъ послѣдняго періода римской республики. Однако, въ одномъ существенномъ пунктѣ развитіе этого крупнаго, покоющагося на раздѣленіи труда, хозяйства отличается отъ римскаго. Въ Римѣ крупное землевладѣніе поглощаетъ мелкое, и трудъ крестьянина замѣняется трудомъ раба, который впослѣдствіи превращается въ колона. Экономическій прогрессъ, достигнутый ойкоснымъ хозяйствомъ былъ купленъ цѣною пролетаризаціи свободнаго крестьянства. Въ помѣстной организаціи средневѣковаго періода свободный мелкій землевладѣлецъ, правда, лишается своей независимости, но у него не отнимается земля; онъ сохраняетъ нѣкоторую личную и экономическую самостоятельность и въ тоже время онъ пользуется выгодами лучшаго снабженія продуктами, которыя при господствѣ системы замкнутаго домашняго хозяйства, доставляетъ веденіе хозяйства на крупныхъ началахъ.

Чѣмъ же это было вызвано?

Въ древней Италіи мелкій землевладѣлецъ погибъ вслѣдствіе того, что съ одной стороны лежавшія на немъ государственныя повинности, какъ напримѣръ, воинская, были ему не подъ силу, а съ другой стороны войны и голодъ вогнали его въ долговую кабалу и нищету. Въ германо-романскихъ странахъ въ средніе вѣка онъ въ силу тѣхъ же причинъ передалъ свой земельный участокъ крупному землевладѣльцу и взамѣнъ этого получалъ отъ него защиту и помощь въ нуждѣ.

Лучше всего мы поймемъ средневѣковый барщинный строй, если представимъ себѣ хозяйство цѣлой деревни какъ единое цѣлое, центромъ котораго является барская усадьба [11]). Мелкій помѣщикъ ведетъ здѣсь хозяйство лично, крупный—черезъ своего управляющаго. Къ барской усадьбѣ непосредственно примыкаетъ усадебная земля, обрабатываемая дворовыми людьми, которые живутъ и содержатся на барскомъ дворѣ и, образуя разнообразныя

---

[11]) Если и было много деревень, крестьяне которыхъ отбывали повинности различнымъ господамъ, или помѣстій, которымъ обязаны были крестьяне различныхъ деревень, то все же разсмотрѣнный здѣсь случай долженъ быть признанъ нормальнымъ. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники большею частью относятся къ черезполоснымъ владѣніямъ монастырей, которыя группировались вокругъ барскаго двора, тогда какъ о помѣстьяхъ крупныхъ и мелкихъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ раннихъ эпохъ мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ. Но поскольку деревни возникли путемъ поселенія колонистовъ вокругъ отдѣльныхъ помѣщичьихъ усадебъ, мы именно для нихъ должны считать нормальными приведенныя въ текстѣ условія. Въ цѣляхъ нашего изложенія мы оставляемъ въ сторонѣ нѣкоторыя отличія въ правовомъ положеніи оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, въ особенности различіе между барщинниками, принадлежавшими къ помѣщичьему двору или входившими въ составъ всей марки. Ибо послѣдніе тоже входили въ составъ хозяйственнаго организма, вслѣдствіе верховнаго права собственности господина на общинныя земли. Наконецъ, хотя я и не отрицаю различія между организаціей виллъ Карла Великаго и позднѣйшей организаціей крупныхъ помѣстій, но полагаю, что различіе это лишь поверхностно касалось хозяйства отдѣльнаго помѣстья. Относительно дальнѣйшаго отсылаю къ Maurer'y: Geschichte der Fronhöfe, Inama-Sternegg'y: Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften in Deutschland и Lamprecht'y: Deutsches Wirtschaftsleben im M. A., особенно I, стр. 719 и сл.—Подобнаго же рода условія въ Закавказьи описываетъ Gogitschayschwili: Das Gewerbe in Georgien, стр. 2 и сл.

группы сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ рабочихъ, употребляются въ домашнемъ хозяйствѣ и для личныхъ услугъ помѣщика. Обрабатываемая за счетъ помѣщика земля разбросана среди земельныхъ участковъ болѣе или менѣе значительнаго числа прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ, изъ которыхъ каждый самостоятельно обрабатываетъ свой надѣлъ, пользуясь при этомъ пастбищами, лѣсами и водами совмѣстно съ помѣщикомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый земельный участокъ налагаетъ на содержателя его обязанность по отношенію къ помѣщику исполнять извѣстныя работы и доставлять оброкъ въ натурѣ. Размѣръ этихъ повинностей первоначально опредѣлялся потребностями помѣщика, а позже сталъ измѣряться временемъ, которое обязанъ былъ затратить крѣпостной, была ли то работа на полѣ во время посѣва и жатвы, на лугу, въ виноградникѣ, въ саду, въ лѣсу, въ нах дившихся въ усадьбѣ мастерскихъ или свѣтелкахъ, гдѣ и дворовыя дѣвушки заняты были прядешемъ, тканьемъ, шитьемъ, печеньемъ хлѣба, варкой пива и т. п. работами. Въ дни барщины крѣпостные рабочіе получали харчи на барскомъ дворѣ наравнѣ съ дворовыми. Кромѣ того они обязаны были содержать въ порядкѣ изгороди усадьбы и полей, сторожить усадьбу, исполнять роль посыльныхъ и поставлять подводы Натуральные оброки приносились либо въ видѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, какъ напримѣръ: хлѣба разнаго рода, шерсти, льна, воска, рогатаго скота, свиней, куръ, яицъ—, либо въ видѣ нарубленнаго въ усадебной рощѣ и заготовленнаго лѣса (въ формѣ дровъ, строительнаго матеріала, виноградныхъ кольевъ, сосновыхъ лучинъ, брусочковъ, досокъ для бочекъ, обручей), либо же въ видѣ промышленныхъ издѣлій, какъ напримѣръ, шерстяныхъ тканей, холста, носковъ, сапогъ, хлѣба, пива, бочекъ, тарелокъ, мисокъ, кубковъ, желѣза, котловъ, ножей. Такія приношенія предполагаютъ наличность какъ у барщинныхъ крестьянъ, такъ и у дворовыхъ крѣпостныхъ извѣстной промышленной спеціализаціи, которая была соединена съ надѣломъ, передавалась вмѣстѣ съ нимъ по наслѣдству, и которая, конечно, оказывалась полезной не только для барскаго хозяйства, но и для хозяйства крестьянъ, содѣйствуя лучшему снабженію ихъ необходимыми предметами. Среднее положеніе между барщиной и оброкомъ занимаетъ цѣлый рядъ смѣшанныхъ повинностей какъ напримѣръ, снабженіе барскаго поля навозомъ съ крестьянскихъ дворовъ

зимовка у крестьянина барскаго скота, доставка припасовъ для гостей помѣщика. Но и помѣщикъ, съ своей стороны, оказывалъ поддержку хозяйству крестьянина: онъ держалъ племенной скотъ, устраивалъ для общаго пользованія паромы, мельницы, хлѣбныя печи, холодильники [12]), защищалъ всѣхъ отъ насилія и нарушенія правъ, обязанъ былъ выдавать крестьянамъ изъ своихъ запасовъ продовольствіе во время неурожая и другихъ бѣдствій.

Мы имѣемъ здѣсь передъ собой небольшой вполнѣ самодовлѣющій хозяйственный организмъ, въ которомъ, благодаря отсутствію рѣзкой концентраціи римскаго рабовладѣльческаго хозяйства и примѣненію труда не-свободныхъ рабочихъ, ограниченному размѣрами, необходимыми для веденія личнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова [13]), хозяйства помѣщика, масса крѣпостныхъ рабочихъ имѣетъ возможность вести самостоятельное сельское хозяйство для собственныхъ потребностей и вслѣдствіе этого пользуется нѣкоторой личной свободой. Подобную организацію, гдѣ существуютъ отдѣльныя мелкія хозяйства внутри одного замкнутаго домохозяйства, мы встрѣчаемъ, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, въ южно-славянскихъ задругахъ, гдѣ она замѣняется отдѣльными хозяйствами, соединенными въ одну родовую общину [14]). Тамъ, гдѣ помѣстная община совпадаетъ съ маркой, она является въ извѣстномъ смыслѣ ограниченной въ хозяйственномъ отношеніи отъ внѣшняго міра тѣми постановленіями, которыми запрещается отчужденіе земельной собственности и пользованіе общинными угодьями лицамъ, не принадлежащимъ къ данной маркѣ. Внутреннее единство устанавливается наличностью собственныхъ мѣръ и вѣсовъ, служащихъ, однако, не для правильнаго обмѣна, а для измѣренія оброка въ натурѣ, доставляемаго помѣщику.

[12]) Обыкновенно упускаютъ изъ виду, что такого рода учрежденія, оплачивающіяся только при общемъ пользованіи, первоначально составляли обязанность помѣщика и право крестьянина, тогда какъ впослѣдствіи они разсматривались только съ финансовой точки зрѣнія и являлись уже повинностью крестьянъ и правомъ помѣщика.

[13]) По мнѣнію Лампрехта (I, 782), барщиннымъ трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ обрабатывались помѣщичьи участки или участки, занятые на общинныхъ земляхъ, тогда какъ подневольный трудъ дворовыхъ примѣнялся исключительно для обработки усадебныхъ земель.

[14]) Срвн. E. Laveleye: Ureigentum, стр. 377, (русск. перев., стр. 195).

Ибо необходимо имѣть въ виду слѣдующее: хозяйственныя отношенія между помѣщикомъ и крѣпостными, хотя ихъ и можно разсматривать съ общей точки зрѣнія обмѣна услугъ, совершенно не подходятъ ни подъ одну изъ экономическихъ категорій, сложившихся при мѣновомъ хозяйствѣ. Въ этомъ хозяйствѣ нѣтъ спеціальнаго возмездія: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣется лишь общее вознагражденіе; не существуетъ поэтому ни цѣны, ни заработной платы, ни арендной или наемной платы, ни прибыли на капиталъ, нѣтъ ни предпринимателей, ни наемныхъ рабочихъ. Мы имѣемъ дѣло съ своеобразными экономическими явленіями и фактами, которыхъ историческое направленіе экономической науки, такъ часто пенявшее на насиліе со стороны юриспруденціи, съ своей стороны не должно насиловать.

Въ рукахъ помѣщика скопляются избытки помѣстнаго хозяйства. Но это все предметы потребленія, которыхъ ни сохранять надолго, ни капитализировать невозможно. Въ королевскихъ помѣстьяхъ они идутъ на содержаніе двора, причемъ дѣло происходитъ такимъ образомъ, что король, переѣзжая со своей свитой изъ одного имѣнія (палаціума) въ другое, непосредственно пользуется ими для потребленія; въ крупныхъ помѣстьяхъ церковныхъ корпорацій и высшей аристократіи они, вслѣдствіе установленной для крѣпостныхъ перевозочной повинности, доставляются въ ихъ резиденціи, гдѣ также идутъ на непосредственное потребленіе.

Такимъ образомъ и въ этомъ хозяйствѣ мы встрѣчаемъ коекакія явленія мѣнового характера: мѣры и вѣсы, передвиженіе людей, перевозка предметовъ, сообщеніе извѣстій, постоялые дворы, передачу предметовъ и услугъ. Но всѣмъ имъ недостаетъ самаго характернаго дня мѣнового хозяйства: тѣсной связи между отдѣльной услугой и ея вознагражденіемъ и свободнаго самоопредѣленія отдѣльныхъ обмѣнивающихся хозяйствъ. Все это отношенія между господиномъ и слугой, а не между договаривающимися сторонами.

Но какъ бы широко ни развивалось замкнутое домашнее хозяйство при посредствѣ крѣпостного и обязаннаго труда, оно все же никогда не можетъ приспособиться къ человѣческимъ потребностямъ и удовлетворить ихъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, не можетъ даже въ своихъ высшихъ проявленіяхъ, не говоря уже о низшихъ формахъ. Въ однихъ случаяхъ останутся пробѣлы въ удовлетвореніи потребностей, въ другихъ — окажется избытокъ, который

хозяйство, его произведшее, не въ состояніи потребить, или окажутся средства производства и квалифицированныя рабочія силы, которыя не могутъ быть вполнѣ использованы.

Вслѣдствіе этого, возникаютъ новыя своеобразныя явленія мѣнового характера. Хозяинъ, котораго постигъ неурожай, одалживаетъ у сосѣда хлѣбъ и солому до слѣдующаго урожая, когда онъ возвращаетъ взятое въ томъ же количествѣ [15]). Пострадавшаго отъ пожара или падежа скота поддерживаютъ сосѣди— въ молчаливомъ предположеніи, что и потерпѣвшій въ аналогичномъ случаѣ, въ свою очередь, окажетъ имъ помощь. Кто имѣетъ особенно ловкаго раба, ссужаетъ его въ подмогу сосѣду, который содержитъ на это время раба—совершенно такъ же, какъ ссужаютъ лошадь, сковороду или лѣстницу. Владѣлецъ холодильника, сушильни для солода, хлѣбной печи предоставляетъ пользованіе ими въ теченіе извѣстнаго времени менѣе состоятельному односельчанину, за что послѣдній при случаѣ выдѣлываетъ для него граблю, помогаетъ при стрижкѣ овецъ или въ качествѣ гонца исполняетъ какое-нибудь порученіе. Все это проявленія взаимопомощи, и никто не рѣшится подвести ихъ подъ категорію обмѣна [16]).

Однако, въ концѣ концовъ выступаетъ наружу и настоящій обмѣнъ. Переходную ступень составляютъ такого рода отношенія: рабовладѣлецъ ссужаетъ сосѣду своего крѣпостного ткача или плотника и взамѣнъ получаетъ извѣстное количество вина или лѣса, который у того имѣется въ избыткѣ; или же крѣпостной сапожникъ или портной, рабочая сила котораго не можетъ быть вполнѣ использована, получаетъ отъ помѣщика участокъ земли подъ условіемъ работать опредѣленное число дней въ году на усадьбѣ. Въ дни, свободные отъ барщины и работъ въ собственномъ хозяйствѣ, онъ работаетъ на своихъ товарищей-крѣпостныхъ, за что получаетъ харчи и нѣкоторое количество хлѣба и сала для семьи. Если прежде онъ былъ слугою одного лишь помѣ-

[15]) Уже у Гезіода („Ἔργα καὶ Ἡμέραι", стр. 349 и слѣд.; сравн. 396 слѣд.; р у с с к. п е р е в. П. Голенищева-Кутузова «Творенія Гезіода». Москва. 1807, стр. 29):

«Коль долженъ будешь ты сосѣду своему,
«То съ вѣрностью отдай занятое ему;
«Не отрекись ему содѣлать одолженье,
«Чтобъ послѣ отъ него имѣлъ ты вспоможенье».

[16]) Срвн. Plautus' Aulul. I, 2,17: Cultrum, securim, pistillum, mortarium, quae utenda vasa semper vicini rogant.

щика, то теперь онъ является поочередно слугой всѣхъ, но каждаго лишь въ теченіе короткаго времени [17]). Довольно скоро устанавливается и настоящій натуральный обмѣнъ, въ цѣляхъ уравненія недостатка въ одномъ и избытка въ другомъ хозяйствѣ: обмѣнивается хлѣбъ на вино, лошадь на хлѣбъ, кусокъ холста на извѣстное количество соли. Эти мѣновыя сношенія становятся необходимостью при маломъ распространеніи нѣкоторыхъ даровъ природы и при связанномъ съ мѣстомъ производствѣ тѣхъ предметовъ, на которые имѣется большой спросъ; они могутъ даже принять довольно значительные размѣры, когда отдѣльное хозяйство не велико, а распредѣленіе природныхъ богатствъ сосѣднихъ областей отличается особенной неравномѣрностью [18]). Нѣкоторые объекты этого обмѣна становятся, какъ это неоднократно указывалось, всеобщими орудіями обмѣна: мѣха, шерстяныя ткани, цыновки, скотъ, украшенія, благородные металлы. Возникаютъ деньги, рынки, кочевая торговля, появляются зачатки возмезднаго кредита.

Но все это затрагиваетъ замкнутое домашнее хозяйство лишь на поверхности. Къ сожалѣнію, существующая литература по исторіи торговли и рынковъ въ древнѣйшія времена не даетъ намъ правильнаго представленія о характерѣ этихъ явленій; мы самымъ рѣшительнымъ образомъ должны подчеркнуть, что ни у древне-классическихъ народовъ, ни въ первую эпоху среднихъ вѣковъ, предметы повседневнаго обихода не составляли объекта постояннаго обмѣна. Немногими предметами торговли являются рѣдкіе дары природы, а въ единичныхъ случаяхъ и промышленныя издѣлія высокой цѣнности. Поскольку эти предметы входятъ во всеобщее потребленіе, какъ напримѣръ, въ древности—янтарь, металлическая утварь, гончарныя издѣлія, пряности и притиранія, а въ средніе

—

[17]) О соотвѣтствующихъ явленіяхъ въ Греціи и Римѣ см. мою статью „Gewerbe“ въ „Handwörterbuch der Staatwissenschaften“, 2 изд. IV, стр. 369, 370 и слѣд. (Русск. перев. этой статьи въ сборникѣ „Исторія труда, въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности“. Статьи изъ «Handw. f. Staatw.». подъ ред. С. Н. Булгакова. Изд. Водовозовой. 1897, стр. 53 и слѣд.).

[18]) Этому обстоятельству слѣдуетъ приписать сравнительно богато развитой обмѣнъ на еженедѣльныхъ базарахъ древней Греціи и теперешнихъ негритянскихъ странъ; а въ Океаніи разница въ природныхъ условіяхъ маленькихъ острововъ и неравномѣрное развитіе домашняго производства мѣстами вызываетъ среди обитателей ихъ весьма оживленныя морскія сношенія. Подобнымъ же образомъ надо объяснить и знаменитую „морскую торговлю“ средиземныхъ народовъ въ древности.

вѣка—вино, соль, сушеная рыба, шерстяныя ткани, появляются и хозяйства, ставящія себѣ цѣлью производство этихъ предметовъ для сбыта, а это, въ свою очередь, ведетъ къ появленію другихъ хозяйствъ, занимающихся производствомъ эквивалентовъ, за которые можно вымѣнять эти предметы, въ количествѣ, превышающемъ личное потребленіе, какъ напримѣръ, сѣверяне—мѣха и особаго рода шерстяныя ткани, современные африканцы — издѣлія изъ коры и хлопка, орѣхи кола и плитки соли. Тамъ, гдѣ населеніе скопляется, можетъ возникнуть оживленный обмѣнъ съѣстныхъ припасовъ на рынкѣ, какъ это имѣло мѣсто въ классической древности и встрѣчается нынѣ во многихъ негритянскихъ странахъ. Мыслимо даже возникновеніе въ извѣстныхъ предѣлахъ профессіональныхъ ремесленниковъ и торговцевъ.

И все же внутренняя структура хозяйственной жизни нисколько этимъ не затрагивается. Направленіе и характеръ дѣятельности каждаго отдѣльнаго хозяйства опредѣляются, какъ и ранѣе, исключительно потребностями его членовъ: оно должно произвести по возможности все, что нужно для удовлетворенія ихъ потребностей. Значеніе для него имѣетъ лишь потребительная цѣнность. „Никуда не годенъ тотъ сельскій хозяинъ“, говоритъ Плиній Старшій, „который покупаетъ то, что можетъ произвести въ своемъ собственномъ хозяйствѣ“,—и этотъ принципъ сохраняетъ свое значеніе еще много вѣковъ спустя.

То обстоятельство, что въ раннія историческія эпохи употребленіе денегъ было, повидимому, довольно распространено, не должно вводить насъ въ заблужденіе при оцѣнкѣ этого хозяйственнаго періода. Деньги являются не только орудіемъ обмѣна, но и мѣриломъ цѣнностей, платежнымъ средствомъ и средствомъ накопленія богатствъ. Платить же приходилось очень много и помимо обмѣна (денежные штрафы, дань, издержки, пошлины, возмѣщеніе убытковъ, подношенія и подарки гостямъ), причемъ первоначально платятъ продуктами собственнаго хозяйства (хлѣбомъ, сушенымъ мясомъ, тканями, солью, скотомъ, рабами), которые непосредственно переходили въ хозяйство получателя. Вслѣдствіе этого, всѣ старинные виды денегъ, долгое время даже благородные металлы, обращаются въ той годной для употребленія формѣ, въ какой они въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ могутъ служить какъ для непосредственнаго потребленія, такъ и для пріобрѣтенія

путемъ обмѣна другихъ потребительныхъ цѣнностей. Тамъ, гдѣ цѣнность ихъ особенно устойчива, они въ значительной степени являются средствомъ для накопленія богатствъ. Это относится въ особенности къ благороднымъ металламъ, въ благопріятныя времена такъ же быстро принимающимъ форму грубыхъ украшеній, какъ и теряющимъ ее въ неблагопріятныя эпохи. Что, наконецъ, металлическія деньги могутъ служить мѣриломъ цѣнности даже тогда, когда фактически обмѣнъ производится посредствомъ другихъ предметовъ, на это указываетъ употребленіе въ древнемъ Египтѣ кусочковъ мѣдной проволоки (уты), которыми опредѣлялась цѣна, хотя платежи производились самыми разнообразными предметами потребленія [19]). То же явствуетъ изъ многочисленныхъ средневѣковыхъ источниковъ, въ которыхъ—далеко за предѣлами интересующей насъ здѣсь эпохи — цѣны выражены отчасти деньгами, отчасти лошадьми, собаками, виномъ, хлѣбнымъ зерномъ и т. п., или же покупателю предоставляется заплатить сумму, „чѣмъ онъ можетъ“ (in quo potuerit).

Если въ хозяйственной жизни французовъ XI вѣка рѣдко что-либо покупалось [20]), то это же можно сказать и относительно продажи. Обмѣнъ представляетъ чуждый замкнутому домашнему хозяйству элементъ, проникновенію котораго оно долго и стойко сопротивляется. Купля является обыкновенно покупкой на наличныя деньги и происходитъ въ торжественныхъ и тяжеловѣсныхъ формахъ. Древнѣйшее римское право предписываетъ, что она должна происходить въ присутствіи пяти совершеннолѣтнихъ гражданъ въ качествѣ свидѣтелей. Вѣсодержатель (libripens) отвѣшиваетъ продавцу мѣдь, въ которой состоитъ плата, и покупатель завладѣваетъ купленнымъ предметомъ, произнося при этомъ опредѣленныя торжественныя формулы. Если мы сопоставимъ съ этимъ сложную символику древняго нѣмецкаго торговаго права, то мы легко убѣдимся въ томъ, что въ хозяйственный періодъ, создавшій этотъ неподвижный правовой формализмъ, купля и продажа, аренда и наемъ не могли быть обычными явленіями повседневной

---

[19]) Erman: Aegypten und ägypt. Leben im Altertum. стр. 179, 657. То же находимъ и нынѣ при подобныхъ же условіяхъ. Buchner: Kamerun, стр. 93.

[20]) Lamprecht: Französ. Wirtschaftsleben, стр. 132. Срвн. также Его же: Wirtschaftsleben im Mittelalter II, стр. 374 и слѣд.

жизни. Точно также и мѣновая цѣнность не оказывала вліянія на внутреннюю жизнь отдѣльнаго домашняго хозяйства. Оно знало только производство для собственнаго потребленія, а гдѣ этого было недостаточно—дареніе, которое дѣлалось въ разсчетѣ на отвѣтный подарокъ, ссуду утвари и орудій, а въ случаѣ необходимости и грабежъ. Развитіе гостепріимства, признаніе нищенства какъ занятія, связь кочевой жизни и древнѣйшей морской торговли съ грабежомъ, распространенность покражъ полевыхъ плодовъ и скота—все это обычные спутники замкнутаго домашняго хозяйства.

Послѣ всего сказаннаго, станетъ, намъ кажется, ясно, что при такомъ способѣ удовлетворенія потребностей характеръ хозяйственной жизни долженъ сложиться совершенно иначе, чѣмъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Потребность, трудъ, производство, средства производства, продуктъ, потребительный запасъ, потребительная цѣнность, потребленіе—вотъ тѣ немногія понятія, которыми при нормальномъ ходѣ вещей исчерпывается кругъ хозяйственныхъ явленій. Не существуетъ никакого народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, а слѣдовательно, никакихъ профессій, никакихъ предпріятій, никакого капитала въ смыслѣ запаса предметовъ, служащихъ только для извлеченія дохода. Если мы, по распространенному обычаю, будемъ примѣнять понятіе капитала только для обозначенія средствъ производства, то подъ нимъ надо будетъ, во всякомъ случаѣ, понимать только орудія и инструменты (т. н. основной капиталъ). Ибо то, что обыкновенно называютъ оборотнымъ капиталомъ, въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ является исключительно потребительнымъ имуществомъ, которое мало по малу становится годнымъ для потребленія: это сырые или полуобработанные продукты. При нормальномъ ходѣ хозяйства здѣсь нѣтъ также ни товаровъ, ни цѣны, ни обращенія цѣнностей, ни распредѣленія дохода,—нѣтъ, слѣдовательно, и заработной платы, предпринимательской прибыли, процента на капиталъ, какъ особыхъ видовъ дохода [21]). Одна лишь земельная рента начинаетъ

[21]) Для большинства приведенныхъ понятій въ латинскомъ и греческомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ выраженій. Ихъ приходится обозначать или описательно, или въ очень общихъ выраженіяхъ. Это прежде всего относится къ понятію „дохода“. Латинское reditus обозначаетъ то, что получается съ поля. Подобнымъ же образомъ употребляетъ выраженіе въ переносномъ смыслѣ Тацитъ (Ann. IV, 6. 3.), когда онъ обозначаетъ государственные доходы какъ fructus publici. Сравните съ этимъ многочисленныя весьма тонкія выраженія для обозначенія понятія „имущество“!

выдѣляться изъ продукта, получаемаго отъ земли, но и она еще нигдѣ не принимаетъ чистой формы, а всегда смѣшана съ другими элементами дохода.

Но можетъ быть вообще неумѣстно говорить на этой ступени хозяйства о доходѣ? То, что мы называемъ доходомъ, при нормальныхъ условіяхъ является результатомъ обмѣна: въ замкнутомъ же домашнемъ хозяйствѣ это есть сумма потребительныхъ цѣнностей, произведенныхъ въ самомъ хозяйствѣ, весь продуктъ, полученный хозяиномъ. Его, однако, тѣмъ труднѣе отдѣлить отъ имущества, чѣмъ болѣе зависимость хозяйства отъ стихійныхъ случайностей дѣлаетъ необходимымъ накопленіе запасовъ. Доходъ и имущество составляютъ нераздѣльную массу, одна часть которой всегда приближается къ состоянію, пригодному для потребленія, другая— находится въ состояніи все болѣе отъ него удаляющемся, между тѣмъ какъ третья покоится въ сундукахъ и ящикахъ, въ погребахъ и кладовыхъ, какъ своего рода страховой фондъ.

Въ составъ послѣдняго входятъ и деньги. Поскольку деньги употребляются при обмѣнѣ, онѣ являются для получателя не временнымъ, а окончательнымъ эквивалентомъ. Главную роль деньги играютъ не въ качествѣ орудія обмѣна, а въ видѣ средства накопленія цѣнностей, мѣрила цѣнностей и передачи цѣнностей. Ссуды между отдѣльными хозяйствами хотя и имѣютъ мѣсто, но обычно дѣлаются безпроцентно и служатъ цѣлямъ потребленія. Производительный кредитъ съ этой формой хозяйства не вяжется. Тамъ, гдѣ въ нее проникаютъ денежныя процентныя ссуды, онѣ являются чѣмъ-то неестественнымъ и влекутъ за собою, какъ это извѣстно изъ греческой и римской исторіи, гибель должника. Поэтому запрещеніе церковью ростовщичества основывалось не на морально-богословскихъ теоріяхъ, а на экономической необходимости.

Тамъ, гдѣ возникаютъ прямые налоги, они всегда имѣютъ характеръ налога на имущество, большей частью приближаясь по характеру своему къ налогу на землю. Такова аѳинская εἰσφορά

„Merces" обозначаетъ какъ заработную плату, такъ и арендную плату, доходъ по найму, процентъ на капиталъ, цѣну. То же относится и къ греческому слову μισθός. Для словъ: „профессія", „дѣло", „предпріятіе", „промыселъ" — классическіе языки не имѣютъ соотвѣтствующихъ выраженій.

римское tributum civium и средневѣковый „Schoss“ или „Bede“. На ряду съ этимъ государство и община налагаютъ на отдѣльныхъ лицъ повинности имущественнаго характера (постройка кораблей, устройство празднествъ и угощеній—греческая „литургія“). Идея подоходнаго налога, которая представляется намъ естественной и какъ бы само собой разумѣющейся, предкамъ нашимъ была бы совершенно непонятна.

2. *Городское хозяйство.*

Замкнутое домашнее хозяйство въ своемъ дальнѣйшемъ, продолжающемся столѣтія, развитіи переходитъ въ хозяйство непосредственнаго обмѣна: производство для личнаго потребленія замѣняется производствомъ непосредственно на потребителя. Этотъ періодъ развитія мы назвали эпохой городского хозяйства потому, что въ наиболѣе типичной формѣ онъ обнаруживается въ средневѣковыхъ городахъ германскихъ и романскихъ странъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что зачатки этого развитія мы можемъ найти еще въ древности [22]).

Постепенный переходъ къ этой формѣ хозяйства замѣчается уже въ періодѣ домашняго хозяйства: основанное на воздѣлываніи земли, отдѣльное хозяйство, не будучи болѣе въ состояніи производить собственными усиліями всѣ необходимые ему предметы, вынуждено постоянно и регулярно прибѣгать къ чужому труду, утрачивая, такимъ образомъ, часть своей самостоятельности. Но все же образованіе оторванныхъ отъ земли хозяйствъ, носители которыхъ сдѣлали бы единственнымъ источникомъ своего дохода обработку промышленныхъ издѣлій на другихъ или выполненіе различныхъ услугъ въ качествѣ профессіи или, наконецъ, посредничество въ обмѣнѣ, не происходитъ еще сразу. Каждый хозяинъ стремится по прежнему добыть отъ земли все необходимое для своего существованія: если же у него сверхъ того имѣются еще иныя потребности, то онъ, пользуясь особой ловкостью своихъ рукъ, либо какимъ-нибудь мѣстнымъ преимуществомъ, доставляемымъ полями, лѣсами, водами, производитъ въ избыткѣ какой-нибудь спеціальный продуктъ: одинъ—хлѣбъ, другой—вино,

[22]) Срвн. ниже очеркъ X.

третій—соль, четвертый—рыбу, пятый—холстъ или другой продуктъ домашняго труда. Такимъ образомъ возникаютъ односторонне развитыя отдѣльныя хозяйства, которыя регулярно обмѣниваются произведенными въ избыткѣ продуктами. Такой обмѣнъ нисколько не нуждается въ организованной торговлѣ: но для него необходимы болѣе упрощенныя формы, нежели тѣ, которыя мы находимъ въ старинномъ правѣ, и эти формы создаются рыночной организаціей, возникающей въ своихъ основахъ еще на почвѣ домашняго хозяйства.

Рынокъ есть собраніе многочисленныхъ покупателей и продавцовъ на опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время. Соединяется ли онъ съ религіозными празднествами и народными собраніями, или возникаетъ въ особенно выгодно для обмѣна расположенныхъ мѣстахъ, во всякомъ случаѣ онъ всегда доставляетъ производителю и потребителю съ ихъ противоположными потребностями возможность встрѣтиться для обмѣна, и такъ это по существу осталось и до настоящаго времени. Рынокъ и постоянная торговля взаимно исключаютъ другъ друга. Тамъ, гдѣ существуютъ профессіональные купцы, нѣтъ надобности въ рынкахъ; тамъ, гдѣ есть рынки, не нужны купцы. Лишь въ тѣхъ странахъ, которыя сами не производятъ необходимыхъ для нихъ продуктовъ, а получаютъ ихъ изъ другихъ странъ, уже въ періодѣ домашняго хозяйства образуется особое сословіе, которое соединяетъ въ своихъ рукахъ покупку, перевозку и сбытъ этихъ товаровъ, пользуясь, однако, для послѣдняго опять-таки, и почти исключительно, рынками. Такъ дѣло обстояло въ древности и въ раннее средневѣковье.

Что же измѣнилъ городъ въ этомъ положеніи вещей, и въ чемъ состоитъ та хозяйственная организація, которую мы назвали замкнутымъ городскимъ хозяйствомъ?

Средневѣковый городъ есть прежде всего бургъ (Burg) — замокъ (городище), т. е. мѣсто, укрѣпленное стѣной и рвомъ, которое служитъ убѣжищемъ для жителей окружныхъ селеній. Такимъ образомъ городъ всегда имѣетъ въ своемъ основаніи союзъ взаимной обороны, который объединяетъ селенія болѣе или менѣе значительной округи въ своего рода военную общину съ опредѣленными правами и обязанностями. Всѣ входящія въ этотъ союзъ селенія обязаны заботиться о поддержаніи укрѣпленій города

а въ случаѣ войны защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. За это они пользуются правомъ въ случаѣ необходимости укрываться за его стѣнами вмѣстѣ съ семьями, домашнимъ скотомъ и движимымъ имуществомъ. Это право носитъ названіе—Burgrecht, а тотъ, кто пользуется имъ, есть Burger (burgensis)—посадскій.

Первоначально постоянные жители города рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ жителей окрестныхъ селеній, даже по своимъ занятіямъ. Они также занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; они совмѣстно пользуются лѣсомъ, водами и лугами; жилища ихъ, какъ и теперь еще можно видѣть изъ характера расположенія построекъ во многихъ старинныхъ городахъ, представляютъ собой крестьянскіе дворы съ ригами, конюшнями и обширными отдѣляющими ихъ дворами. Но ихъ общинная жизнь не исчерпывается нормировкой пользованія общинными землями (альмендой) и прочими сельско-хозяйственными интересами. Они вѣдь являются какъ бы постояннымъ гарнизономъ замка, и ихъ обязанность—поочередное несеніе сторожевой службы на башняхъ и у городскихъ воротъ. Кто хочетъ стать постояннымъ жителемъ города, тотъ долженъ поэтому не только владѣть недвижимымъ имуществомъ (по меньшей мѣрѣ—домомъ), но долженъ также обзавестись оружіемъ и броней. Сторожевая служба и обусловленная правомъ, принадлежащимъ посадскимъ людямъ, обширность городскихъ сооруженій требовали сравнительно значительнаго количества людей, и вскорѣ принадлежащей замку земли не хватало на то, чтобы ихъ прокормить. Тутъ-то на помощь пришло упомянутое нами одностороннее развитіе отдѣльныхъ хозяйствъ: городъ сталъ центромъ промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ рынкомъ; на рынкѣ крестьянинъ впослѣдствіи сбывалъ свой излишекъ и взамѣнъ пріобрѣталъ отъ горожанъ то, чего онъ самъ не производилъ болѣе и что теперь исключительно или почти исключительно выдѣлывали горожане—промышленныя издѣлія.

Вслѣдствіе этого, область примѣненія права посадскихъ людей стала расширяться. Всѣ, кто пользовались имъ, имѣли право посѣщеній рынка и были освобождены отъ пошлинъ. Право свободной купли и продажи на городскомъ рынкѣ первоначально вытекало, слѣдовательно, изъ права посадскихъ людей. Тѣмъ самымъ союзъ взаимной обороны превратился въ территоріальную хозяйственную общину, покоющуюся на непосредственномъ, взаимномъ обмѣнѣ

земледѣльческихъ и промышленныхъ продуктовъ между производителями и потребителями.

Всѣ посѣтители рынка на пути туда и обратно пользовались— безъ сомнѣнія еще въ періодъ, предшествующій возникновенію городовъ — усиленной защитой, простиравшейся какъ на самый рынокъ, такъ и на всю его округу. Изъ этого рыночнаго мира вытекало то, что торгующіе на рынкѣ, на время пребыванія въ городѣ, не подлежали судебному преслѣдованію за прежнія долговыя обязательства, и что населеніе, въ отношеніи ихъ жизни и имущества, каралось вдвое сильнѣе, какъ за квалифицированное нарушеніе мира. Всѣ торгующіе на рынкѣ называются вообще купцами, mercatores, negotiatores, emptores [23]).

Такъ какъ главными продавцами и покупателями на рынкѣ являлись сами жители города, то названіе торговцевъ или куп-

[23]) Новѣйшая литература о происхожденіи городского строя въ Германіи упустила изъ виду широкое значеніе слова купецъ (Kaufmann) и населила многочисленные города, возникшіе въ Германіи къ концу среднихъ вѣковъ, отъ Кельна и Аугсбурга до Медебаха и Радольфцеля, купцами въ современномъ смыслѣ слова, т. е. профессіональными торговцами, которыхъ вдобавокъ представляютъ себѣ обыкновенно оптовыми торговцами. Вся исторія хозяйства возстаетъ противъ такого пониманія этого термина. Чѣмъ же торговали эти люди и чѣмъ они платили за свои товары? А что доказываетъ самое словоупотребленіе! Вѣдь отличительнымъ признакомъ профессіональнаго купца въ его отношеніяхъ къ публикѣ является его свойство продавать, а не покупать. Между тѣмъ средневѣковое слово купецъ образовано отъ покупать (Kaufmann-kaufen). Въ грамотахъ Оттона 990 1000 г.г., относящихся къ Дортмунду, говорится объ emptores Trotmanniae, право которыхъ (какъ въ Кельнѣ и Майнцѣ) должно было служить образцомъ для другихъ городовъ, въ той же связи, какъ и въ другихъ источникахъ о mercatores или negotiatores. Если понимать подъ купцомъ профессіональнаго торговца, то никакое толкованіе въ мірѣ не въ состояніи будетъ объяснить, какимъ образомъ въ 1075 г. Райхенаускій аббатъ однимъ росчеркомъ пера превратилъ крестьянъ изъ Алленсбаха и ихъ потомство въ купцевъ (ut ipsi et eorum posteri sint mercatores). И все же Sieveking, въ Vierteljahrschrift für Social- и Wirtschaftsgeschichte II (1904), стр. 191 и слѣд., впадаетъ въ прежнюю ошибку. Онъ упускаетъ изъ виду, что въ источникахъ подъ словомъ „купецъ“ подразумѣвается всякій, кто являлся на рынокъ со своимъ товаромъ, кто бы онъ ни былъ, горожанинъ или крестьянинъ, ремесленникъ или торговецъ, и что даже тотъ, кто посѣщалъ рынокъ въ качествѣ покупателя, въ средніе вѣка назывался „купцомъ“.

цовъ связывалось съ ними тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ большее значеніе получалъ рынокъ для ихъ пропитанія. Но въ той же мѣрѣ расширялась все болѣе вглубь страны та область, центромъ которой являлся рынокъ. Она уже болѣе не совпадала съ первоначальнымъ поселеніемъ, значеніе котораго для сельскаго населенія и безъ того должно было ослабѣть съ возростаніемъ безопасности всей страны отъ нападеній извнѣ. Съ другой стороны, съ развитіемъ ремеслъ не только отведенное первоначально ограниченное мѣсто, но и весь городъ превратился въ рынокъ: рыночный миръ сталъ городскимъ миромъ, для поддержанія котораго городъ былъ выдѣленъ въ особый судебный округъ. Установился принципъ: „городской воздухъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ" (Stadtluft macht frei)—и тѣмъ самымъ образовалась соціальная пропасть между горожаниномъ и крестьяниномъ, черезъ которую тщетно старались перекинуть мостъ дарованіемъ гражданскихъ правъ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ внѣ городовъ, въ слободахъ (Aus- и Pfahlbürger'ы). Названіе гражданина (Bürger) въ концѣ концовъ закрѣпилось только за членами городской общины, и съ теченіемъ времени это названіе пріобрѣло правовое и моральное содержаніе, въ которомъ какъ будто воскресла идея древнихъ грековъ о государствѣ.

Мы не можемъ здѣсь дольше останавливаться ни на вопросѣ о развитіи городского строя съ его коммунальнымъ іерархическимъ самоуправленіемъ, ни на томъ политическомъ значеніи, какого достигли города Германіи, Франціи и Италіи въ позднѣйшее средневѣковье. Насъ интересуетъ только тотъ уже сложившійся экономическій строй, центромъ котораго являлись города.

Если мы возьмемъ карту Священной Римской имперіи и нанесемъ на ней тѣ мѣста, которыя къ концу среднихъ вѣковъ обладали городскимъ правомъ (ихъ будетъ около 3000), то вся страна окажется усѣянной городами, расположенными другъ отъ друга въ среднемъ на разстояніи 4—5 часовъ ѣзды на югѣ и западѣ и 6—8 часовъ на сѣверѣ и востокѣ. Не всѣ города имѣли одинаковое значеніе: но всѣ они въ свое время были (или по крайней мѣрѣ старались быть) средоточіями территоріальныхъ хозяйственныхъ округовъ и вели столь же самодовлѣющую жизнь, какъ раньше помѣстья. Чтобы составить себѣ представленіе о размѣрахъ этихъ округовъ, вообразимъ себѣ всю страну распредѣлен-

ною равномѣрно между городами. Тогда въ юго-западной части Германіи на городъ въ среднемъ придется около 2—2½ квадратныхъ миль, въ центральной и сѣверо-западной части 3—4, въ восточной 5—8 миль. Представимъ себѣ, что городъ находится всегда въ центрѣ такого округа, и мы убѣдимся, что почти во всей Германіи крестьянинъ даже изъ отдаленныхъ селеній могъ въ одинъ день добраться до городскаго рынка и къ вечеру вернуться домой [24]).

Все городское рыночное право, какъ оно было установлено сначала владѣльцами городовъ, а затѣмъ городскими совѣтами, сводится къ двумъ главнымъ положеніямъ: все должно покупаться публично и изъ первыхъ рукъ, и все, что можетъ быть произведено въ самомъ городѣ, должно быть дѣйствительно произведено въ немъ. Торговля произведеніями мѣстной промышленности запрещалась всѣмъ, даже ремесленникамъ; для привезенныхъ въ городъ товаровъ она разрѣшалась лишь послѣ того, какъ они были выставлены на рынкѣ и остались непроданными. Цѣль этихъ постановленій заключалась въ возможно болѣе полномъ и дешевомъ обезпеченіи мѣстнаго потребителя и надлежащемъ удовлетвореніи иногороднихъ при покупкѣ ими произведеній городскихъ промысловъ.

Области привоза и сбыта городского рынка другъ съ другомъ совпадали. Сельскіе жители привозили съѣстные припасы и сырье и за выручку покупали трудъ городского ремесленника либо не-

---

[24]) Хотя со времени среднихъ вѣковъ многіе пункты утратили городское право, а другіе, наоборотъ, пріобрѣли его, все же число мѣстъ, носящихъ въ настоящее время названіе городовъ, даетъ приблизительно вѣрное представленіе. Въ среднемъ въ настоящее время на городъ приходится квадратныхъ километровъ: въ Баденѣ—132, въ Вюртембергѣ—134, въ Эльзасъ-Лотарингіи—137, въ Гессенѣ—118, въ корол. Саксоніи—105, въ Гессенъ-Нассау—145, въ Рейнской провинціи—193, въ Вестфаліи—196, въ провинціи Саксоніи—175, въ Бранденбургѣ—291, въ корол. Баваріи—328, въ Ганноверѣ—341, въ Шлезвигъ-Гольштиніи—350, въ Помераніи—412, въ Западной Пруссіи—473, въ Восточной Пруссіи—552.—Лихорадочное стремленіе основывать города, наблюдаемое въ средніе вѣка у многихъ территоріальныхъ государей, вызвало возникновеніе большого числа нежизнеспособныхъ городовъ. Какъ извѣстно, Саксонское зерцало воспрещаетъ это: „Man enmuz cheinen markt buwen deme andern einer mile nah“ (не слѣдуетъ устраивать одинъ рынокъ на разстояніи одной мили отъ другого рынка). Weiske III, 66 § 1.

посредственно въ формѣ отдачи ему матеріала для обработки, либо косвенно въ видѣ готовыхъ издѣлій, заранѣе заказанныхъ или купленныхъ прямо съ ларя ремесленника на рынкѣ. Горожанинъ и крестьянинъ находились такимъ образомъ въ отношеніи обоюдныхъ заказчиковъ: въ томъ, что производилъ одинъ, нуждался другой, причемъ большая часть этихъ мѣновыхъ сдѣлокъ совершалась безъ посредства денегъ или такимъ образомъ, что деньгами пользовались только для уравненія разницы въ цѣнности.

Городское ремесло обладало исключительнымъ правомъ сбыта на рынкѣ. Издѣлія ремесла, произведенныя въ другихъ городахъ, допускались лишь въ томъ случаѣ, если данное ремесло не имѣло представителя въ городѣ. Обыкновенно же они привозились иногородними производителями лишь для продажи на ярмаркѣ, и только въ этомъ одномъ пунктѣ различные городскіе рынки приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Но существеннымъ является то, что и здѣсь соблюдался принципъ непосредственнаго сбыта продуктовъ производителемъ потребителю, да и вообще это были исключительные случаи. Если какое-нибудь ремесло отсутствовало въ городѣ, вслѣдствіе того, что оно не могло пропитывать, то городской совѣтъ призывалъ изъ другихъ мѣстностей искуснаго мастера и освобожденіемъ его отъ податей, а равно установленіемъ другихъ привилегій въ его пользу старался склонить его къ поселенію въ городѣ. Если ему нуженъ былъ болѣе или менѣе значительный основной капиталъ, то городская община сама приходила ему на помощь, устраивала на свой счетъ мастерскія, лавки, мельницы, шлифовальни, рамы для сушки сукна, бѣлильни, красильни, валяльныя мельницы и т. п.—все съ тою же цѣлью возможно болѣе разносторонняго удовлетворенія потребностей городскихъ жителей издѣліями мѣстнаго производства.

Непосредственныя сношенія ремесленника съ потребителемъ его издѣлій уже и сами по себѣ должны были поддерживать въ первомъ чувство личной отвѣтственности; но этотъ моментъ этическаго характера старались еще усилить особыми мѣрами. Ремесло представляетъ собою извѣстную повинность, службу, которая должна отправляться въ видахъ общественной пользы. Мастеръ обязанъ производить „правильную“ работу. На тѣ случаи, когда ремесленникъ предоставляетъ въ распоряженіе заказчика свой трудъ, установлена такса—опредѣлено, сколько онъ долженъ получать,

работая у заказчика, въ видѣ поденной платы и харчей. Если заказчикъ самъ даетъ матеріалъ ремесленнику на домъ (напримѣръ, олово—оловянщику, золото и серебро—золотыхъ дѣлъ мастеру, пряжу—ткачу), то принимаются мѣры, чтобы матеріалъ не былъ замѣненъ худшимъ сортомъ. Для ремесленниковъ же, работающихъ изъ своего матеріала, устроены на рынкѣ, около церквей, у городскихъ воротъ, на нѣкоторыхъ улицахъ ряды, нерѣдко служащіе одновременно и мастерскими (лари для пекарей, мясниковъ, портняжныя, суконныя, скорняжныя, сапожныя лавки и т. п.). По рыночнымъ правиламъ всѣ продавцы одного и того же товара должны имѣть свои лавки рядомъ и на началахъ свободной конкурренціи, подъ наблюденіемъ рыночнаго старосты и надсмотрщиковъ, продавать свои товары: правило это отчасти распространялось и на ремесленниковъ, работающихъ въ своихъ домахъ на заказъ: они обыкновенно живутъ рядомъ на одной и той же улицѣ. Многіе нѣмецкіе города сохранили и понынѣ воспоминаніе объ этомъ въ названіяхъ улицъ (сапожныя, кожевенныя, ткацкія, бондарныя), изъ которыхъ большая часть выходитъ прямо на прежнее рыночное мѣсто. Такимъ образомъ, и по внѣшнему виду большая часть города, если не весь городъ, представлялъ собою сплошной обширный рынокъ. Извѣстны также многочисленныя постановленія въ интересахъ потребителя, которыми опредѣлялось качество сырого матеріала, способы производства, длина и ширина штуки сукна и даже прямо цѣны продуктовъ.

Подобно тому какъ городской производитель пользуется исключительнымъ правомъ сбыта своихъ промышленныхъ издѣлій въ городѣ и городскомъ округѣ, городской потребитель въ предѣлахъ той же области обладаетъ исключительнымъ правомъ купли привозныхъ товаровъ. Но такъ какъ для этого нужно, чтобы привозные товары дѣйствительно доставлялись на рынокъ и въ теченіи нѣкотораго времени выставлялись тамъ для продажи, то съ этой цѣлью устанавливается складочное право, запрещается продавать эти товары въ селахъ и на пути въ городъ, а продажа ихъ торговцамъ, ремесленникамъ и иногороднимъ допускается лишь послѣ того, какъ удовлетворены городскіе потребители — и то съ ограниченіемъ, что, по желанію потребителей, они должны уступить часть купленнаго послѣднимъ; наконецъ, и обратный вывозъ разъ привезенныхъ на рынокъ товаровъ также запрещается или разрѣ-

шается лишь послѣ трехдневнаго безрезультатнаго нахожденія ихъ на рынкѣ.

Но по отношенію къ иногороднему продавцу господствуетъ глубоко укоренившееся недовѣріе. Этому именно обязана своимъ существованіемъ своеобразная форма посредничества при обмѣнѣ черезъ маклеровъ, мѣрильщиковъ, вѣсовщиковъ. Въ наше время государство посредствомъ наложенія клейма и полицейскаго контроля надзираетъ за правильностью мѣръ и вѣсовъ, предоставляя, однако, покупателямъ и продавцамъ вступать въ обмѣнъ по своему усмотрѣнію. Въ средніе вѣка не было надлежащихъ техническихъ приспособленій для установки точныхъ мѣръ и вѣсовъ и ихъ повѣрки. Употреблялись же вмѣсто гирь обыкновенные булыжники (на франкфуртской ярмаркѣ въ XV в. даже деревяшки). Но чтобы все-таки обезпечить правильное опредѣленіе количества обмѣниваемыхъ предметовъ, пользованіе мѣрами и вѣсами не предоставлялось участвующимъ въ обмѣнѣ лицамъ, а было передано въ руки особыхъ должностныхъ лицъ, которыя должны были всегда присутствовать при продажѣ товаровъ иногородними. Обязанность этихъ маклеровъ заключалась въ томъ, чтобы свести покупателя съ продавцомъ, быть посредникомъ при опредѣленіи цѣны, испытывать товаръ со стороны его доброкачественности, содѣйствовать покупателю при выбираніи его и заботиться о правильной доставкѣ. Вести самостоятельныя торговыя дѣла имъ воспрещалось; не разрѣшалось даже предъ отъѣздомъ иностранныхъ торговцевъ, которые обыкновенно останавливались у нихъ, пріобрѣтать оставшіеся непроданными остатки товаровъ.

Эта система непосредственнаго обмѣна проводится во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ, хотя и съ различными мѣстными особенностями, во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ. Отсюда слѣдуетъ, что къ этому вынуждали тѣ жизненныя условія, на которыхъ покоились основныя положенія этой системы. Насколько, однако, послѣдняя была фактически проведена въ жизнь, можно судить, лишь разобравъ вопросъ: какое положеніе при этомъ занимала торговля.

Существованіе въ городахъ осѣдлой розничной торговли несомнѣнно установлено. Сюда относятся всѣ тѣ лица, которыя „продаютъ по мелочамъ (Pfennwerte) для бѣдныхъ людей". Чтобы понять это, нужно помнить, что состоятельные люди все необхо-

димое покупали обыкновенно на базарахъ и ярмаркахъ, непосредственно отъ иногороднихъ торговцевъ. Бѣдные же люди не могли запасаться на долгое время: они, какъ и теперь, жили изо дня въ день. Для нихъ-то и держалъ запасы мелочной торговецъ, сбывавшій товаръ въ розницу.

Выдѣляются три группы такихъ розничныхъ торговцевъ: лавочники, разносные торговцы (Hocken) и суконщики (Gewandschneider oder Gadenleute). Послѣдніе занимали въ ранній періодъ городской жизни наиболѣе почетное положеніе, ибо въ многихъ городахъ еще не было мѣстнаго промысла шерстяныхъ тканей. Съ появленіемъ этого производства, дѣятельность ихъ ограничилась продажею тонкаго нидерландскаго сукна, шелковыхъ и бумажныхъ тканей, или же они вовсе вынуждены были уступить свое мѣсто въ гостиномъ дворѣ ткачамъ.

Оптовая торговля была исключительно кочевая, рыночная и ярмарочная, и большинство городовъ до конца среднихъ вѣковъ не видали въ стѣнахъ своихъ осѣдлыхъ купцовъ, которые занимались бы постоянно и исключительно оптовой торговлей. Ей подлежали только тѣ предметы, которые не производились въ предѣлахъ городской округи. Мы можемъ насчитать всего пять предметовъ такого рода, а именно: 1) пряности и южные плоды; 2) сушеную и соленую рыбу, потребленіе которой въ то время являлось обычнымъ въ народѣ; 3) мѣха; 4) тонкія сукна; 5) для сѣверогерманскихъ городовъ—также вино. Для нѣкоторыхъ частей Германіи сюда можно отнести еще соль. Но большею частью городской совѣтъ самъ выписывалъ соль оптомъ съ мѣстъ ея добыванія, сохранялъ ее въ собственныхъ складахъ и съ нѣкоторой надбавкой въ цѣнѣ пускалъ ее черезъ лавочниковъ и толкачей (съ уступкой послѣднимъ) въ продажу. Иностранные оптовые торговцы [25]) могли

[25]) G. v. Below въ Jhb. f. N. Oek. u. Stat. (3 F. Bd. XX (1900), стр. 1 и сл.) также доказываетъ, что въ средніе вѣка не было особой группы оптовыхъ торговцевъ, —характернымъ для этого періода является соединеніе оптовой и розничной торговли въ одномъ лицѣ. Онъ возстаетъ поэтому противъ употребленія для того времени выраженія „оптовый торговецъ“, не будучи однако въ состояніи доказать, что вообще не существовало оптовыхъ торговцевъ, которые бы не были одновременно и розничными торговцами. Срвн. F. Keutgen: Der Grosshandel im M. A. in d. Hansischen Geschichtsbl. 1901, стр. 67 и слѣд. и противъ него Below: Histor. Ztschr. N. F. Bd. LV, стр. 455 и слѣд.

обыкновенно продавать свой товаръ только цѣлыми партіями, или же въ количествѣ не менѣе опредѣленнаго вѣса (пряности, напримѣръ, въ количествѣ не менѣе $12^1/_2$ фунтовъ). Продажей по мелочамъ занимались уже городскіе лавочники и разносные торговцы. То же относится и къ нѣкоторымъ крупнымъ производителямъ, напримѣръ, къ кузнецамъ; желѣзо, не проданное кузнецамъ и частнымъ лицамъ, они могли сбывать мелочнымъ торговцамъ желѣзомъ.

Если и трудно топографически точно обозначить границы области ввоза и сбыта рынка средневѣковаго города, ибо для каждаго товара они естественно имѣли иные размѣры, то все же въ экономическомъ отношеніи эта область является вполнѣ замкнутой. Каждый городъ съ окружными селеніями („Landschaft") составлялъ автономную хозяйственную единицу, внутри которой вся экономическая жизнь отъ начала до конца протекала совершенно самостоятельно. Эта самостоятельность выражалась въ собственной монетѣ, собственныхъ мѣрахъ и вѣсахъ для каждой городской территоріи. Отношеніе между городомъ и деревней является фактически принудительнымъ, подобно отношенію главы къ членамъ, и обнаруживаетъ сильную тенденцію превратиться и въ принудительное правовое отношеніе. На это ясно указываетъ существованіе городской округи (Bannmeile), запрещеніе ввоза и вывоза, дифференціальныя пошлины, пріобрѣтеніе собственной земли большими городами.

Сколько бы ни говорили противъ выведенія городского строя изъ барщиннаго, мы все же можемъ понять и объяснить себѣ хозяйственный строй города лишь какъ дальнѣйшее развитіе помѣстной организаціи. То, что въ этой организаціи имѣлось только въ зачаточномъ состояніи, превратилось въ законченные органы и системы органовъ; что въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ свалено было въ безформенную кучу, разошлось въ разныя стороны путемъ дифференціаціи и обособленія. Принудительное раздѣленіе труда въ крѣпостномъ помѣстьи превратилось въ свободное раздѣленіе производства между крестьянами и горожанинами, а у горожанъ дало, въ свою очередь, пестрое многообразіе различныхъ профессій. Рабочій барщиннаго двора, производящій необходимые въ хозяйствѣ предметы, превратился въ работающаго по заказу потребителя ремесленника, который съ теченіемъ времени обзаводится не только собственной мастерской, но и собственными орудіями производства. Пуповина между вотчиннымъ и крестьянскими хозяй-

ствами разрѣзана; отдѣльныя хозяйства начинаютъ вести самостоятельную жизнь; отношенія между ними регулируются не по принципу общей, а по принципу спеціальной на каждый случай оцѣнки отдаваемаго и получаемаго. Правда, и горожане еще не совсѣмъ оторваны отъ земли; производство еще крѣпко сидитъ въ тискахъ домашняго хозяйства; однако уже образовались профессіи земледѣльца, ремесленника, торговца, вслѣдствіе чего хозяйство и жизнь этихъ послѣднихъ пошли по особому пути. Общество дифференцировалось; образовались сословія, которыхъ прежде не было.

Весь кругъ хозяйственныхъ явленій, по сравненію съ замкнутымъ хозяйствомъ, представляется болѣе богатымъ и разнообразнымъ: отдѣльныя хозяйства по количеству своихъ членовъ стали меньше; они находятся въ зависимости другъ отъ друга; они исполняютъ другъ за друга извѣстнаго рода функціи; мѣновая цѣнность получаетъ уже рѣшающее значеніе въ ихъ внутренней жизни. Однако производительная единица все еще совпадаетъ съ потребительной: даже чужой подмастерье ремесленника или приказчикъ купца являются членами его домохозяйства, подчиненными его дисциплинарной власти. Онъ ихъ хозяинъ, они его слуги („Knechte“).

И въ этомъ періодѣ еще бо́льшая часть предметовъ не выходитъ изъ того хозяйства, въ которомъ они произведены. Меньшая часть путемъ обмѣна переходитъ въ другія хозяйства: но путь, который она совершаетъ, очень коротокъ: отъ производителя къ потребителю. Обращенія предметовъ не существуетъ. Исключеніе составляютъ немногіе предметы внѣшней торговли и грошевые товары; только они становятся товарами: только они должны пройти нѣсколько разъ черезъ денежную форму, пока они достигнутъ своего назначенія въ домохозяйствѣ. Но дѣло идетъ объ исключительныхъ явленіяхъ въ системѣ прямого обмѣна, а не о существенныхъ элементахъ хозяйственнаго строя.

Хотя и имѣется уже народно-хозяйственное раздѣленіе труда и профессіональная дифференцировка, но все же нѣтъ еще ни постоянныхъ предпріятій, ни предпринимательскаго капитала. Самое большее — могла бы быть рѣчь о торговомъ капиталѣ. Ремесло представляетъ собой исполненіе извѣстной работы, а не предпріятіе. Когда оно имѣетъ форму работы на дому у заказчика (Stör) или въ мастерской, но изъ полученнаго отъ потребителя матеріала (Heimwerk), капиталъ совершенно не играетъ

никакой роли. Ремесло присоединяетъ трудъ за извѣстную плату къ чужому матеріалу, и даже тамъ, гдѣ ремесленникъ имѣетъ собственныя средства производства, увеличеніе цѣнности продукта происходитъ не вслѣдствіе того, что онъ при производствѣ поглощаетъ все новыя части капитала, приносящаго владѣльцу прибыль, а потому, что въ него вкладывается трудъ, вознагражденіе за который непосредственно заключается въ продажной цѣнѣ продукта.

Количество капиталовъ, отдаваемыхъ и получаемыхъ въ кредитъ, также крайне ничтожно. Сомнительно даже, можно ли вообще говорить о кредитныхъ операціяхъ въ средневѣковомъ обмѣнѣ. Раннія ступени мѣнового хозяйства представляютъ собой обмѣнъ на наличныя; дается лишь при условіи немедленнаго полученія эквивалента. Почти весь кредитъ облекается въ форму купли. Такой характеръ онъ имѣетъ въ крестьянскомъ наслѣдственномъ держаніи и въ чиншевой арендѣ городской земли для построекъ, гдѣ имущество является платой за право на чиншъ [26]. Такъ это было въ старомъ залоговомъ правѣ, согласно которому предоставленный въ пользованіе „кредитора", въ качествѣ предварительнаго эквивалента, земельный участокъ переходилъ въ его владѣніе въ случаѣ неуплаты должникомъ долга. Съ хозяйственной стороны это отношеніе нисколько не отличается отъ продажи съ правомъ обратной покупки, да и съ юридической точки зрѣнія между ними, по общему признанію, невозможно установить отличій. Тотъ же характеръ имѣетъ наиболѣе обычная кредитная операція средневѣковыхъ городовъ—покупка ренты, какъ на это указываетъ уже самое обозначеніе ея какъ „покупки". Цѣной является отдаваемый капиталъ, предметомъ купли—право на полученіе ежегодной ренты, которую предоставляетъ лицо, получающее капиталъ подъ обезпеченіе принадлежащаго ему дома, съ тѣмъ, что каждый владѣлецъ дома обязанъ выплачивать эту ренту. Рента носитъ характеръ вещнаго обремененія и первоначально не могла быть выкуплена; обязавшійся отвѣчалъ за нее тѣмъ домомъ или земель-

---

[26]) Сравн. относящіяся къ этому вопросу весьма ясныя сужденія у A. Heusler'a: Institutionen des deutschen Privatrechts II, стр. 128 и сл. и Kuske: Das Schuldenwesen der deutschen Städte im Mittelalter (Erg. Heft XII къ Ztschr. f. d. ges. Staatsw.).

нымъ участкомъ, который обремененъ ею, но ничѣмъ другимъ изъ прочаго своего имущества. Купившій ренту разстается съ уплоченнымъ капиталомъ навсегда; документъ, дающій право на полученіе ренты, можетъ быть передаваемъ безъ всякихъ формальностей, какъ бумага на предъявителя. Такимъ образомъ здѣсь исчезаетъ всякое личное отношеніе, отсутствуетъ моментъ довѣрія, присущій кредиту. Тотъ же характеръ носитъ обратная покупка ренты: она представляетъ покупку ренты съ правомъ выкупа.

Какъ въ сдѣлкахъ съ недвижимымъ имуществомъ, такъ и въ сдѣлкахъ на движимость кредитъ является ничѣмъ инымъ, какъ „смягченной купли-продажи на наличныя". Залогъ, какъ говоритъ Гейслеръ, есть временный эквивалентъ, который лишь можетъ быть выкупленъ должникомъ (Verfallpfand), а не предметъ, который кредиторъ только въ случаѣ неуплаты можетъ употребить на покрытіе долга, реализовавъ его путемъ продажи (Verkaufspfand). Залоговыя ссудныя кассы евреевъ [27]) фактически имѣютъ то же значеніе, что и современныя торговыя операціи съ правомъ обратной покупки, и „кредитъ товаромъ", допускаемый нашими ремесленниками и лавочниками, въ средніе вѣка облекается въ форму купли подъ залогъ [28]). Если при этомъ мы будемъ имѣть въ виду, что личный кредитъ того времени согласно договору почти всегда подчинялъ должника залоговому праву кредитора, что получить деньги можно было только при многочисленныхъ поручительствахъ, заложникахъ и на подобныхъ тому тягостныхъ условіяхъ, что кредиторъ выговаривалъ себѣ право, въ случаѣ неуплаты въ срокъ, занять деньги у евреевъ, возложивъ убытки на должника, что если должникъ былъ чужой, то за долгъ отвѣчали своимъ имуществомъ его сограждане или зависимые отъ него крестьяне,—тогда намъ станетъ ясно, что о кредитѣ въ современномъ смыслѣ въ средневѣковомъ городскомъ хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи [29]).

---

[27]) Сравн. мое соч. „Bevölkerung von Frankfurt", I, стр. 573 и сл.

[28]) Сравн. Stieda: Jhb. f. N. Oek. u. Stat. XXVII, стр. 104.

[29]) Поразительное сходство съ характеромъ и правовыми формами средневѣковаго кредита имѣетъ кредитъ у грековъ. И у нихъ покупка и ссуда переходятъ одно въ другое, и языкъ не дошелъ до яснаго различенія понятій „покупать", „закладывать", „арендовать", „нанимать". Греческое залоговое право въ его основахъ вполнѣ согласно съ древне-германскимъ. Сравн. K. F. Hermann: Lehrbuch der griech. Privataltertümer mit

Два момента въ этой области должны казаться особенно странными тому, кто изучалъ категоріи современнаго хозяйства: во-первыхъ, что невещественныя цѣнности чрезвычайно часто становятся хозяйственными благами и подлежатъ обмѣну, и во-вторыхъ,— отношеніе къ нимъ торговаго права какъ къ недвижимостямъ. На нихъ-то лучше всего видно, какъ нарождающееся мѣновое хозяйство, стѣсненное тогдашней организаціей производства, стремилось расшириться, неуклюже хватаясь за все и превращая все въ мѣновую цѣнность, неизмѣримо расширяя такимъ образомъ область частнаго права. Что только ни одалживали, дарили, продавали, закладывали въ средніе вѣка! Сеньоріальную власть надъ землями и городами, права графовъ и фогтовъ, сотскіе и областные суды, духовный санъ, церковный патронатъ, баналитеты, право на перевозный и подорожный сборъ, право чеканить монету, собирать пошлину, право охоты, рыбной ловли, порубки и разведенія лѣса, сборъ десятины, оброки, чиншъ, ренту, вообще всякаго рода реальныя повинности! Съ хозяйственной точки зрѣнія всѣ эти права и „отношенія“ имѣютъ съ землевладѣніемъ ту общую черту, что они связаны съ мѣстомъ ихъ осуществленія и не могутъ быть произвольно увеличены.

Доходъ и имущество и на этой ступени развитія еще не вполнѣ ясно отдѣлились другъ отъ друга. Когда въ 1451 г. въ Базелѣ была введена „новая фунтовая пошлина“, то предписывалось взимать ее: 1) съ покупной цѣны товаровъ, 2) съ капиталовъ, внесенныхъ за покупку рентъ и доходовъ и 3) съ полученныхъ рентъ [30]). Съ каждаго фунта взималось 4 пфеннига—все равно, получались ли они съ покупной цѣны, капитала или ренты. Въ первомъ случаѣ по нашей терминологіи рѣчь идетъ о валовомъ доходѣ, во второмъ—объ имуществѣ, въ третьемъ—о чистомъ доходѣ, и однако всѣ три случая трактуются одинаково [31]).

Einschluss der Rechtsaltertümer §§ 67 и 68. Можно также для сравненія взять древне-римскую fiducia и развившійся изъ нея pignus.

[30]) Сравн. Schönberg: Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV и XV Jh., стр. 267.

[31]) Примѣры подобнаго же рода приведены и въ моей статьѣ о двухъ средневѣковыхъ формахъ обложенія: Kleinere Beiträge zur Geschichte von Dozenten der Leipziger Hochschule. Festschrift zum dritten Historikertage. Leipzig 1894, стр. 163 и слѣд.

Тѣмъ не менѣе двѣ современныя категоріи дохода начинаютъ выступать яснѣе, а именно: земельная рента и заработная плата. Послѣдняя, впрочемъ, носитъ своеобразный характеръ: она представляетъ собой плату, получаемую ремесленникомъ, т. е. вознагражденіе за пользованіе потребителемъ рабочей силой ремесленника, а не такъ, какъ въ настоящее время,—плату наемнаго рабочаго, получаемую отъ предпринимателя. Правда, зачатки этой послѣдней мы находимъ въ незначительномъ денежномъ вознагражденіи, которое ремесленникъ даетъ подмастерью сверхъ харчей, вслѣдствіе чего послѣдній имѣетъ возможность удовлетворять небольшую часть своихъ потребностей по своему усмотрѣнію. Предпринимательская прибыль имѣется только въ торговлѣ, и, слѣдовательно, какъ и послѣдняя, составляетъ исключеніе; притомъ, вслѣдствіе связи торговли съ транспортомъ, она гораздо болѣе перемѣшана съ элементами заработной платы, чѣмъ современная торговая прибыль. Процентъ на капиталъ обычно принимаетъ характеръ земельной ренты, и то же можно сказать о всякаго рода сборахъ съ обращенія. Такъ какъ кредитныя операціи обыкновенно облекаются въ форму купли-продажи, то для кредитора онѣ равны окончательному отчужденію части имущества взамѣнъ полученія ежегоднаго дохода или продолжительнаго пользованія какимъ-нибудь предметомъ (чиншъ при наслѣдственной арендѣ, натуральный доходъ съ заложеннаго участка земли при закладныхъ, земельный оброкъ, рента при покупкѣ дохода). На этой почвѣ возникаетъ одновременно и древнѣйшая вѣтвь личнаго страхованія, и главная форма публичнаго кредита—покупка пожизненныхъ рентъ. Скопившіеся въ отдѣльныхъ хозяйствахъ наличные запасы иммобилизуются, слѣдовательно, большею частью въ видѣ земли, или же поступаютъ въ хозяйство публичныхъ союзовъ, а затѣмъ возвращаются по частямъ, идущимъ на потребленіе, къ прежнему ихъ собственнику, пока они не исчезаютъ съ его смертью.

Хозяйство публичныхъ союзовъ все еще носитъ преимущественно характеръ частнаго хозяйства. Государство получаетъ доходы главнымъ образомъ съ доменъ, регалій, въ видѣ десятины, барщины, службъ, поземельнаго оброка, пошлинъ; городъ—съ рыночныхъ сборовъ и налоговъ на предметы потребленія [32]). Един-

[32]) Т. наз. „Ungelder". Интересна противоположность между Ungeld и

ственнымъ прямымъ налогомъ все еще является налогъ съ имущества, кое-гдѣ перемѣшанный съ элементами подоходнаго налога. Онъ, правда, взимается чаще, чѣмъ въ предыдущемъ періодѣ, но все еще не взимается регулярно.

Экономическое господство городовъ надъ окружающими селеніями въ Германіи лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ перешло въ господство политическое. Въ Италіи тотъ же процессъ привелъ къ развитію тираніи городовъ: во Франціи короли при помощи феодальнаго дворянства рано подавили зачатки автономіи свободныхъ городскихъ коммунъ. Это произошло вслѣдствіе того, что въ Германіи и во Франціи все, что лежало за городскими стѣнами, состояло изъ феодальныхъ владѣній. Крупные феодалы, правда, давно уже бросили личное управленіе своими землями, и землевладѣніе стало для нихъ просто источникомъ ренты, такъ же какъ владѣніе землей и домами въ городахъ для патриціевъ. Но ихъ первоначальная экономическая власть превратилась въ политическую, и феодальный владѣлецъ сталъ государемъ, а въ теченіе этого процесса образовался новый многочисленный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ, интересы которыхъ, чисто аграрные, тѣсно связаны были съ интересами государей. Въ этомъ-то и кроятся причины той ожесточенной борьбы въ Германіи между горожанами и дворянствомъ, которая заполняетъ собой послѣднія столѣтія средневѣковья. Въ результатѣ города хотя и отстояли свою политическую автономію, пріобрѣтенную у городскихъ владѣльцевъ главнымъ образомъ путемъ купли и невыкупленныхъ залоговъ, но имъ не удалось вырвать изъ рукъ феодальныхъ властей крестьянское сословіе.

Можно поэтому сказать, что развитіе городского хозяйства въ Германіи и Франціи осталось незаконченнымъ, ибо ему не удалось сдѣлать то, чего фактически добились наиболѣе сильныя образованія періода замкнутаго домашняго хозяйства: обезпечить за областью экономическаго могущества политическую самостоятельность. И быть можетъ, это было счастьемъ. Въ Италіи городской капиталъ широко экспропріировалъ крестьянина

Geld. Послѣднее есть общее выраженіе для купленной ренты. Geld, слѣдовательно, представляетъ собою ежегодный доходъ оплаченный, а Ungeld — не оплаченный.

и превратилъ его въ жалкаго половника, эксплуатируемаго имъ и по сей день; въ Германіи дворянству хотя и удалось надѣть на него крѣпостное ярмо, но зародившаяся въ княжествахъ идея государственности съумѣла предохранить его отъ пролетаризаціи.

3. Народное хозяйство.

Развитіе народнаго хозяйства является, главнымъ образомъ, плодомъ политической централизаціи, начавшейся къ концу среднихъ вѣковъ съ возникновеніемъ территоріальныхъ государственныхъ союзовъ и завершившейся въ новое время созданіемъ единаго національнаго государства. Объединеніе экономическихъ силъ идетъ рука объ руку съ подчиненіемъ сепаратныхъ политическихъ интересовъ высшимъ цѣлямъ единаго государственнаго цѣлаго.

Въ Германіи носителями идеи современнаго государства были государи отдѣльныхъ крупныхъ территорій, которые боролись за нее съ помѣстнымъ дворянствомъ и городами; правда, трудности были при этомъ значительны, въ особенности тамъ, гдѣ территорія была сильно раздроблена. Уже со второй половины XV столѣтія мы замѣчаемъ здѣсь нѣкоторые признаки болѣе тѣснаго экономическаго сплоченія: установленіе единой для всей страны монетной системы вмѣсто многочисленныхъ городскихъ, изданіе общихъ для всей страны постановленій, касающихся торговли, рынковъ, промысловъ, лѣсоводства, рудниковъ, охоты и рыболовства; постепенное образованіе системы государственныхъ привилегій и концессій; введеніе земскихъ положеній, приведшихъ къ большему правовому единству; учрежденіе правильнаго государственнаго хозяйства.

Въ то время, какъ въ Германіи еще въ теченіе многихъ вѣковъ преобладали мѣстные интересы, и именно о нихъ разбивались стремленія имперской власти создать національную экономическую политику, другія западно-европейскія страны:—Испанія, Португалія, Франція и Нидерланды—съ XVI вѣка выступаютъ и съ внѣшней стороны какъ сплоченныя экономическія единицы, развивающія мощную колоніальную политику, съ цѣлью воспользоваться богатствами вновь открытыхъ заокеанскихъ странъ.

Во всѣхъ этихъ государствахъ, хотя и въ различной степени, происходитъ борьба съ феодальнымъ дворянствомъ, городами, про-

винціями, духовными и свѣтскими корпораціями. Ближайшей цѣлью ея, конечно, было уничтоженіе сохранившихся со средневѣкового періода самостоятельныхъ группъ, препятствовавшихъ политическому объединенію страны. Но въ глубинѣ этого движенія, приведшаго къ развитію государственнаго абсолютизма, таится всемірно-историческая идея того, что для новыхъ болѣе значительныхъ культурныхъ задачъ человѣчества необходима единая организація цѣлыхъ народовъ, широкая, живая общность интересовъ, которая однако могла возникнуть лишь на почвѣ общаго хозяйства. Каждая часть страны, каждая группа населенія должна была для общаго блага взять на себя такія задачи, которыя, смотря по культурѣ ея и природнымъ дарованіямъ, она лучше всего могла бы выполнить. Является необходимость въ широкомъ распредѣленіи функцій, въ охватывающей все населеніе профессіональной дифференціаціи, что въ свою очередь предполагало значительное развитіе путей и средствъ сообщенія и оживленный обмѣнъ товаровъ среди населенія. Если въ древности въ хозяйствѣ все было направлено къ автономному удовлетворенію потребностей дома, а въ средніе вѣка —къ обезпеченію всѣмъ необходимымъ города, то теперь образуется въ высшей степени сложная и искусная система національнаго удовлетворенія потребностей.

Осуществленіе этой системы составляетъ съ XVI до XVIII столѣтія цѣль экономической политики всѣхъ передовыхъ европейскихъ государствъ. Мѣропріятія, направленныя къ этой цѣли, являются почти во всѣхъ деталяхъ снимкомъ съ экономической политики средневѣковыхъ городовъ [33]), съ той только разницей, что мѣсто городского совѣта занялъ государь („Landesvater“), а на мѣсто хозяйственной политики, не видящей дальше собственной колокольни, выступаетъ забота объ общемъ благѣ всѣхъ „подданныхъ“ („Landeskinder“). Эти мѣропріятія соединяютъ обыкновенно подъ названіемъ меркантильной системы. На послѣднюю долгое время смотрѣли какъ на теоретическое построеніе, основывающееся на томъ принципѣ, что богатство страны заключается въ суммѣ наличныхъ денегъ, находящихся въ ея предѣлахъ. Въ настоящее время такое

[33]) Относительно германскихъ государствъ это развитіе прекрасно изложено у Schmoller'a въ Jhb. f. Gesetzgeb., Verw. u. Volksw. VIII (1884), стр. 22 и слѣд.

пониманіе, я думаю, всѣми оставлено. Меркантилизмъ есть не мертвая догма, а живая практика всѣхъ крупныхъ государственныхъ людей отъ Карла V до Фридриха Великаго. Его типическимъ выраженіемъ является экономическая политика Кольбера. Уничтоженіе или уменьшеніе внутреннихъ пошлинъ и проѣздныхъ сборовъ, введеніе единой пограничной таможенной системы, обезпеченіе страны необходимыми сырыми продуктами и съѣстными припасами путемъ стѣсненія ихъ вывоза и введенія лѣсной регаліи; содѣйствіе развитію крупной промышленности посредствомъ насажденія новыхъ отраслей, выдачи государственныхъ субсидій и регламентаціи техники, посредствомъ устраненія внѣшней конкурренціи мѣрами таможенной политики; проведеніе искусственныхъ путей сообщенія, сооруженіе каналовъ, портовъ; мѣропріятія къ объединенію системъ мѣръ и вѣсовъ, регулированіе торговаго права и средствъ для сообщенія коммерческихъ извѣстій; забота о развитіи техники, искусства и науки посредствомъ устройства соотвѣтствующихъ государственныхъ учрежденій; организація государственнаго и общиннаго хозяйства; устраненіе неравенства въ податномъ обложеніи—все это служило одной цѣли: создать замкнутое по отношенію къ внѣшнему міру государственное хозяйство, которое въ состояніи было бы удовлетворить національнымъ трудомъ всѣ потребности своихъ подданныхъ и путемъ оживленнаго обмѣна внутри государства использовать въ интересахъ цѣлаго всѣ естественныя богатства страны и всѣ индивидуальныя силы народа. Отмѣчая въ „кольбертизмѣ“ свойственное ему поощреніе внѣшней торговли, мореплаванія и колоніальнаго дѣла, слишкомъ часто упускали изъ виду, что эти мѣропріятія одновременно усиливали и внутреннее могущество страны, и что теорія торговаго баланса была необходимостью въ ту эпоху, когда необходимымъ условіемъ перехода отъ все еще преобладавшаго производства для личнаго потребленія къ общему мѣновому хозяйству являлось увеличеніе наличныхъ оборотныхъ средствъ страны.

Разумѣется, говоря о мѣропріятіяхъ государства, слѣдуетъ принять во вниманіе и общественныя силы, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи. Исходнымъ пунктомъ этихъ послѣднихъ были естественно города. Здѣсь путемъ постепенныхъ измѣненій покупка ренты превратилась въ заемъ подъ проценты, и такимъ образомъ въ теченіе XVI вѣка появился дѣйствительно кредитъ. Въ этомъ

сказалось вліяніе торговли, впервые открывшей секретъ добыванія денегъ деньгами. Имущество богатыхъ горожанъ вслѣдствіе освобожденія фондовъ, помѣщаемыхъ прежде въ формѣ рентъ, получило значительно большую подвижность и способность къ накопленію; къ торговому капиталу присоединился и заемный капиталъ: оба дополняютъ и усиливаютъ другъ друга въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого былъ значительный подъемъ торговли. Отдѣльные города начинаютъ выдѣляться изъ однородной массы средневѣковыхъ рыночно-ремесленныхъ городовъ и превращаются въ административные или торговые центры. Въ Германіи, которая вслѣдствіе распаденія Ганзейскаго союза и измѣненія международныхъ торговыхъ путей, въ значительной степени утратила свое значеніе какъ торговаго посредника для сѣвера, переворотъ этотъ сказался, по крайней мѣрѣ, въ усиливающемся значеніи большихъ ярмарокъ и въ паденіи мѣстныхъ рынковъ. Франкфуртская ярмарка достигла наибольшаго расцвѣта въ XVI столѣтіи, а Лейпцигская еще значительно позднѣе. Но торговый капиталъ вскорѣ не удовлетворяется болѣе ввозомъ и сбытомъ иностранныхъ продуктовъ: онъ становится теперь и капиталомъ скупщика, въ рукахъ котораго сосредоточиваются продукты мѣстной промышленности и избытки крестьянскаго хозяйства. Создается основанное на раздѣленіи труда массовое производство на мануфактурахъ и фабрикахъ, а съ нимъ возникаетъ и классъ наемныхъ рабочихъ. Средневѣковые мѣнялы замѣняются сначала депозитными и переводными банками, а затѣмъ и современными кредитными учрежденіями. Перевозка товаровъ, представлявшая составную часть торговли, обособляется. Возникаетъ государственная почта, газеты, національный торговый флотъ: появляется страхованіе. Повсюду мы находимъ новыя организаціи, имѣющія цѣлью удовлетвореніе экономическихъ потребностей многихъ: національную промышленность, національный рынокъ, національныя учрежденія въ области обращенія товаровъ: повсюду выступаетъ наружу свойственный торговлѣ принципъ капиталистическаго предпріятія.

Извѣстно, какъ абсолютная монархія содѣйствовала этому развитію, какъ часто она, чтобы ускорить этотъ процессъ, искуственно вызывала къ жизни институты, которые не могли возникнуть самостоятельно. Тѣмъ не менѣе, до конца XVIII столѣтія, по крайней мѣрѣ въ Германіи, сохранился старый, основанный на

городской системѣ хозяйства правопорядокъ съ цехами и городской чертой, съ запрещеніемъ производить товары въ окружныхъ селахъ и обязанностью покупать ихъ на городскомъ рынкѣ—порядокъ (правда, нѣсколько ограниченный общегосударственными законами) совершенно застывшій и не тронутый новой пробивавшейся вокругъ народно-хозяйственной жизнью и богатствомъ взрощенныхъ ею экономическихъ явленій [34]). Когда физіократы и Адамъ-Смитъ подвергли эти явленія во Франціи и Англіи научному изслѣдованію, они страннымъ образомъ совершенно упустили изъ виду, что здѣсь дѣло идетъ не о самопроизвольномъ результатѣ чисто общественной дѣятельности, а о продуктѣ воспитательной дѣятельности государства. Препятствія, устраненія которыхъ они требуютъ, были либо окаменѣвшіе остатки болѣе раннихъ ступеней хозяйственной жизни, каковы, напримѣръ, земельныя повинности, цехи, мѣстныя ограничительныя постановленія для иногороднихъ и сельскихъ жителей, ограниченія свободы передвиженія, либо же это были воспитательныя мѣропріятія меркантилизма, вродѣ монополій и привилегій, которыя, достигнувъ своей цѣли, должны были исчезнуть.

Въ отношеніи дальнѣйшаго развитія народнаго хозяйства можно сказать, что буржуазный либерализмъ послѣднихъ вѣковъ только продолжалъ дѣло, начатое государственнымъ абсолютизмомъ. Однако, въ такомъ видѣ это утвержденіе можетъ легко показаться нелѣпостью. Съ внѣшней стороны кажется, что либерализмъ только разрушалъ. Онъ разрушилъ отжившія формы домашняго и городского хозяйства и не создалъ ничего новаго: онъ устранилъ исключительное положеніе и исключительныя права отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, поставивъ взамѣнъ свободную конкурренцію и равноправіе. Но разложивъ такимъ образомъ унаслѣдованное на его элементы, онъ расчистилъ путь истиннымъ народно-хозяйственнымъ формамъ и сдѣлалъ возможнымъ то, чтобы при соотвѣтствующемъ развитіи техники каждая сила могла быть использована для общаго блага именно тамъ, гдѣ въ ней чувствовалась наибольшая потребность.

Хотя либерализмъ поставилъ все дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства на почву свободной самодѣятельности общества

[34]) Сравн. также статьи Below'a: „Der Untergang d. mittelalt. Stadtwirtschaft“ въ Conrads Jhb. III. F. XXI, стр. 449 и слѣд., 593 и слѣд.

и поэтому нерѣдко принималъ направленіе прямо-таки враждебное государству, онъ тѣмъ не менѣе не могъ воспрепятствовать дальнѣйшему развитію современнаго государства въ томъ направленіи, какое оно приняло съ XVI столѣтія, а именно—въ направленіи все болѣе тѣснаго сплоченія всѣхъ частей народа и всѣхъ частей территоріи для выполненія все болѣе значительныхъ культурныхъ задачъ. Для этой цѣли потрудились за послѣдніе три вѣка всѣ крупные государственные люди отъ Кромвеля и Кольбера до Кавура и Бисмарка. Французская революція оказала не менѣе централизующее вліяніе, чѣмъ государственные перевороты послѣднихъ десятилѣтій. Въ новѣйшей фазѣ этого развитія національный принципъ сталъ краеугольнымъ камнемъ мощной сплочивающей силы. Мелкія территоріальныя государства прежняго времени не могли выполнить широкихъ экономическихъ задачъ современности. Они должны были либо раствориться въ одномъ большомъ національномъ государствѣ, какъ напримѣръ, Италія,—либо, образуя союзное государство, отказаться въ его пользу отъ значительной части своей самостоятельности, въ особенности отъ законодательства въ экономической области, какъ напримѣръ, отдѣльныя государства Германіи и кантоны Швейцаріи.

Изъ того, что эпоха либерализма значительно облегчила международныя сношенія, нельзя еще заключать, что періодъ народнаго хозяйства приближается къ концу и уступаетъ мѣсто хозяйству міровому. Какъ разъ новѣйшее политическое развитіе въ европейскихъ государствахъ вызвало возвратъ къ идеямъ меркантилизма и отчасти стараго городского хозяйства. Возрожденіе протекціонныхъ пошлинъ, сохраненіе національной монетной системы и національнаго рабочаго законодательства, совершившійся или хотя бы предполагаемый переходъ путей сообщенія въ руки государства, страхованіе рабочихъ, банковая политика и вообще возрастающая дѣятельность государства въ экономической области—все это указываетъ на то, что послѣ періодовъ абсолютизма и либерализма мы вступили въ третій періодъ народнаго хозяйства. Соціальная физіономія этого послѣдняго весьма своеобразна. Теперь уже дѣло не въ томъ только, чтобы возможно самостоятельно и полно удовлетворять народныя потребности національнымъ производствомъ: цѣлью является справедливое распредѣленіе благъ, самостоятельная соціально-экономическая дѣятельность государ-

ства, имѣющая въ виду надѣленіе благами культуры всего населенія, въ зависимости отъ его дѣйствій въ хозяйственной сферѣ. Необходимыя для этого мѣропріятія могутъ быть выполнены лишь на широкихъ основаніяхъ: необходимо то тѣсное сліяніе всѣхъ единичныхъ силъ, какое можетъ дать только обширное національное государство.

Правда, въ настоящее время мы находимъ въ Европѣ цѣлый рядъ государствъ, которыя въ отношеніи удовлетворенія своихъ потребностей въ извѣстной мѣрѣ лишены національной самостоятельности; ибо значительное количество пищевыхъ продуктовъ они вынуждены пріобрѣтать изъ за-границы, тогда какъ ихъ промышленность далеко переросла потребности народа и даетъ постоянные избытки, которые должны сбываться на иностранныхъ рынкахъ. Но существованіе рядомъ промышленныхъ и земледѣльческихъ странъ, которыя находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга,—это „международное раздѣленіе труда“ не является признакомъ того, что человѣчество находится по пути къ новой ступени развитія, которая подъ названіемъ мірового хозяйства могла бы быть противопоставлена тремъ прежнимъ ступенямъ. Ибо, съ одной стороны, ни одинъ хозяйственный періодъ не обезпечивалъ надолго абсолютной независимости въ удовлетвореніи потребностей; каждый изъ нихъ, какъ мы видѣли, оставлялъ пробѣлы, которые такъ или иначе должны были быть заполнены [35]). Съ другой стороны, такъ называемое міровое хозяйство не обнаружило пока еще никакихъ признаковъ, въ существѣ своемъ отличныхъ отъ явленій народнаго хозяйства, и можно сильно сомнѣваться въ появленіи таковыхъ въ ближайшемъ будущемъ.

4. *Сравненіе трехъ ступеней.*

Для лучшаго пониманія всего сказаннаго полезно будетъ сопоставить нѣкоторыя изъ главныхъ явленій всѣхъ трехъ ступеней развитія, чтобы, такимъ образомъ, яснѣе выдѣлить развитіе отдѣльныхъ сторонъ хозяйственной жизни.

Наиболѣе ярко выступающая черта этого развитія заключается

---

[35]) Напомнимъ, напримѣръ, ввозъ сырыхъ продуктовъ въ древнюю Грецію изъ понтійскихъ областей и привозъ хлѣба въ древнемъ Римѣ.

въ томъ, что человѣчество на протяженіи исторіи ставитъ себѣ все болѣе высокія хозяйственныя цѣли, достиженіе которыхъ становится возможнымъ благодаря тому, что трудъ распредѣляется между прогрессивно возростающимъ кругомъ населенія и, въ концѣ концовъ, охватываетъ весь народъ, такъ что всѣ работаютъ для всѣхъ. Если такая совмѣстная дѣятельность въ домашнемъ хозяйствѣ покоится на кровномъ родствѣ, то въ городскомъ оно замѣняется сосѣдствомъ по мѣстности, а въ народномъ—національностью. Человѣчество продѣлываетъ путь отъ родового строя къ общественной организаціи—путь, который, насколько можно видѣть, кончается все болѣе развивающимся обобществленіемъ. На этомъ пути удовлетвореніе потребностей каждаго становится все болѣе полнымъ и разнообразнымъ, но въ то же время все менѣе самостоятельнымъ и болѣе сложнымъ. Жизнь и трудъ каждаго переплетаются все болѣе съ жизнью и трудомъ многихъ другихъ. Но въ то же время обезпеченіе каждаго отдѣльнаго хозяйства всѣмъ необходимымъ становится болѣе устойчивымъ и независимымъ отъ стихійныхъ случайностей.

На ступени домашняго хозяйства каждый предметъ потребляется въ томъ хозяйствѣ, въ которомъ онъ произведенъ; на ступени городского хозяйства онъ изъ производящаго хозяйства непосредственно поступаетъ въ потребляющее хозяйство; на ступени народнаго хозяйства онъ, какъ при возникновеніи своемъ, такъ и въ готовомъ видѣ проходитъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ. На протяженіи всего развитія разстояніе между производствомъ и потребленіемъ все увеличивается. На первой ступени всѣ продукты представляютъ потребительныя цѣнности, на второй—часть ихъ уже становится мѣновыми цѣнностями, на третьей большинство изъ нихъ становятся товарами. Если первоначально характеръ и размѣры производства опредѣляются потребительной цѣнностью, то къ концу значеніе мѣновой цѣнности дѣлается все болѣе рѣшающимъ.

На первой ступени каждое отдѣльное хозяйство представляетъ собой одновременно производительную и потребительную ассоціацію; организація ея опредѣляется семьей; на ступени городского хозяйства это до нѣкоторой степени сохраняется, ибо подмастерье ремесленника и батракъ крестьянина являются членами его домохозяйства; въ народномъ хозяйствѣ потребительная и производи-

тельная ассоціація отдѣлены другъ отъ друга. Производительная ассоціація составляетъ основанное на договорномъ принципѣ предпріятіе и является одновременно носительницей капитала; обыкновенно на ея доходы живетъ множество отдѣльныхъ домохозяйствъ. Такимъ образомъ значеніе семьи, какъ хозяйственной единицы прекращается; производство лишь въ видѣ исключенія составляетъ ея функцію; она является только потребительнымъ органомъ, носительницей потребительнаго имущества.

На всѣхъ ступеняхъ болѣе значительныя хозяйственныя задачи могутъ быть выполнены лишь благодаря тому, что трудъ находится въ служебномъ. подчиненномъ положеніи у руководящихъ элементовъ. Тамъ, гдѣ является потребность въ чужомъ трудѣ, между трудомъ и руководителемъ хозяйства на первой ступени устанавливаются постоянныя принудительныя отношенія (рабы, крѣпостные); на второй—болѣе или менѣе продолжительныя служебныя; на третей—краткосрочныя договорныя отношенія. Потребитель въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ является либо самъ рабочимъ, либо собственникомъ рабочаго; въ городскомъ хозяйствѣ онъ покупаетъ непосредственно у рабочаго его трудъ (работа на заказъ) или продуктъ его труда (ремесло); въ народномъ хозяйствѣ потребитель не имѣетъ никакого отношенія къ рабочему: онъ покупаетъ товаръ у предпринимателя или торговца, а этотъ послѣдній самъ вознаграждаетъ рабочаго.

Деньги въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ порвоначально совершенно отсутствуютъ: позже онѣ представляютъ предметы непосредственнаго потребленія и средство для накопленія цѣнностей. Въ городскомъ хозяйствѣ онѣ являются преимущественно орудіемъ обмѣна. Въ народномъ хозяйствѣ онѣ рядомъ съ этимъ становятся средствомъ обращенія и извлеченія дохода. Категоріями натуральнаго, денежнаго и кредитнаго хозяйства довольно мѣтко характеризуется, хотя и не вполнѣ исчерпывается, измѣняющаяся роль денегъ.

Капиталъ на первой ступени почти отстствуетъ, имѣются только предметы потребленія. На второй ступени подъ обычную категорію производительнаго капитала можно было бы, пожалуй, подвести орудія, но едва ли и сырые матеріалы вообще. Капиталомъ, доставляющимъ прибыль, является собственно только торговый капиталъ. На третьей ступени капиталъ, приносящій доходъ, пред-

ставляетъ то средство, благодаря которому предметы проводятся отъ одного этапа раздѣленія труда къ другому и совершаютъ весь кругъ обращенія [36]). Здѣсь все становится капиталомъ. Въ этомъ отношеніи можно было бы замкнутое домашнее хозяйство обозначить какъ хозяйство безъ капитала, городское хозяйство какъ враждебное капиталу, а современное народное хозяйство какъ капиталистическое.

Доходъ и имущество въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ представляютъ нераздѣльное и нераздѣлимое цѣлое; но все же замѣчаются зачатки земельной ренты. Въ городскомъ хозяйствѣ форму земельной ренты принимаетъ и процентъ на капиталъ: предпринимательская прибыль получается исключительно въ торговлѣ; главной формой заработной платы является плата потребителя за трудъ ремесленника. Но большая часть предметовъ все еще не выходитъ изъ предѣловъ хозяйства, въ которомъ они произведены. Чистый доходъ получаетъ лишь тотъ, кто для покупки ренты окончательно разстается съ имуществомъ. На ступени народнаго хозяйства четыре отрасли дохода ясно отдѣляются другъ отъ друга. Почти весь продуктъ производства исчезаетъ въ оборотѣ. Въ имуществѣ рента и прочія отрасли дохода отдѣляются отъ потребительныхъ запасовъ, причемъ послѣдніе сводятся къ возможно меньшимъ размѣрамъ, такъ какъ торговля освобождаетъ частное хозяйство отъ необходимости держать запасы. Съ другой стороны, непотребленные избытки дохода, которые на первой и второй ступени хозяйства присоединялись къ потребительной части имущества, теперь либо прямо присоединяются къ помѣщаемому въ предпріятіи капиталу, либо въ ссудныхъ кассахъ и банкахъ превращаются въ процентныя ссуды,—слѣдовательно, во всякомъ случаѣ капитализируются.

Промысла какъ самостоятельной профессіи на первой ступени не имѣется: вся обработка матеріала производится въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ городскомъ хозяйствѣ мы, правда, уже находимъ профессіональныхъ ремесленниковъ, но нѣтъ еще предпринимателей: ремесло принимаетъ форму производства на заказъ или на сбытъ, и кто желаетъ имъ заниматься, долженъ его знать. Въ народномъ хозяйствѣ господствуетъ фабрика и домашняя

[36]) Сравн. ниже очерки IV и VIII.

или кустарная промышленность, которыя предполагають наличность коммерчески образованнаго предпринимателя и большого капитала. Знакомство съ техникой процесса производства не является безусловной необходимостью для предпринимателя.

Подобнымъ же образомъ измѣняются и формы торговли. Замкнутому домашнему хозяйству соотвѣтствуетъ кочевая торговля, городскому—рыночная, народному—постоянная. Если на первыхъ двухъ ступеняхъ развитія торговля является только средствомъ заполнить пробѣлы автономнаго производства, то въ народномъ хозяйствѣ она становится необходимымъ посредствующимъ звеномъ между производствомъ и потребленіемъ. Торговля отдѣляется отъ транспорта, который получаетъ самостоятельное значеніе и организацію.

Правда, транспортныя функціи выполнялись и въ древнемъ рабскомъ, и въ средневѣковомъ помѣстномъ хозяйствѣ: онѣ были поручены особымъ рабамъ и крѣпостнымъ. Въ средніе вѣка мы находимъ городскихъ гонцовъ, которые первоначально служатъ для нуждъ городского совѣта, но доставляютъ также письма и по порученію частныхъ лицъ. На порогѣ новаго времени появляется почта—сначала лишь въ цѣляхъ государственнаго управленія, а затѣмъ и для публики. Въ XIX столѣтіи происходитъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, телеграфа, телефона, устройство пароходнаго сообщенія, причемъ въ устройствѣ всѣхъ этихъ путей и средствъ сообщенія принимаетъ участіе само государство: кромѣ того возникаютъ многообразныя частныя предпріятія [37]).Однако, на всѣхъ ступеняхъ имѣются извѣстныя средства сообщенія, созданныя высшей хозяйственной администраціей, и прежде всего для ея собственныхъ надобностей.

Кредитъ на первой ступени есть чисто потребительный кредитъ; онъ дается только подъ залогъ самой личности и всего имущества. На второй ступени въ личномъ кредитѣ долговое рабство смягчилось до заложничества. Рядомъ съ потребительнымъ кредитомъ выступаетъ особаго рода кредитъ подъ залогъ недвижимостей, облекающійся, однако, въ форму купли, которая вообще представляетъ обычную форму кредита въ городскомъ хозяйствѣ. Специфическая форма кредита новаго времени—производительный

[37]) Объ аналогичномъ развитіи въ области прессы срвн. очеркъ VI.

кредитъ развивается сначала въ торговлѣ, но затѣмъ проникаетъ во всѣ отрасли хозяйства. Государственный кредитъ въ древнихъ государствахъ носитъ естественно характеръ принудительнаго займа, въ средневѣковыхъ городахъ онъ является въ формѣ продажи пожизненныхъ рентъ, а въ современномъ государствѣ—въ формѣ погашаемыхъ процентныхъ займовъ или вѣчныхъ рентъ.

Такую же постепенность можно отмѣтить въ области общественныхъ функцій. Правовая защита есть первоначально дѣло рода, затѣмъ—помѣстнаго владѣльца; въ средніе вѣка города имѣютъ самостоятельную судебную власть; въ настоящее время судопроизводство и охрана личности являются государственными функціями. То же можно сказать относительно образованія. Вначалѣ оно является дѣломъ дома, какъ и теперь еще въ Исландіи. Римскій paedagogus былъ рабомъ. Въ средніе вѣка дѣло образованія сначала организуется автономными хозяйственными общинами—монастырскими; нѣсколько позже появляются городскія и церковныя школы; отличительную черту новаго времени составляетъ концентрація и спеціализація обученія въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Еще яснѣе этотъ ходъ развитія выступаетъ въ организаціи средствъ защиты. У многихъ народовъ, которые и теперь еще находятся на ступени изолированнаго хозяйства, каждый домъ въ отдѣльности укрѣпленъ (свайныя постройки малайцевъ и полинезійцевъ); въ раннее средневѣковье помѣщичья усадьба обнесена валомъ и рвомъ. На второй хозяйственной ступени каждый городъ является крѣпостью. На третьей—все государство защищено немногими пограничными укрѣпленіями, и характерно, что Лувуа, творецъ первой системы пограничныхъ укрѣпленій, былъ современникомъ Кольбера, основателя новаго французскаго народнаго хозяйства.

Эти параллели можно было бы проводить и дальше. Но какъ при переѣздѣ на новую квартиру прежде всего необходимо установить хоть какой-нибудь порядокъ, такъ и по отношенію къ разсматриваемому здѣсь предмету нельзя ожидать, что все будетъ исчерпано и каждая деталь поставлена на свое мѣсто. Я самъ прекрасно сознаю, что кругъ явленій первыхъ двухъ ступеней развитія разработанъ еще весьма мало, а экономическія понятія, относящіяся къ этимъ періодамъ, нуждаются въ болѣе точномъ опредѣленіи. Но на этотъ разъ можно будетъ удоволь-

ствоваться и тѣмъ, что есть, если только закономѣрность явленій въ общемъ и въ частномъ выступаетъ съ достаточной ясностью.

Лишь одно обстоятельство я хотѣлъ бы еще разъ подчеркнуть. Домашнее хозяйство, городское хозяйство, народное хозяйство не представляютъ послѣдовательныхъ ступеней, изъ коихъ каждая вполнѣ исключаетъ остальныя. Всегда какая-нибудь одна форма хозяйства преобладала, и она въ глазахъ современниковъ считалась нормальной. Еще и въ настоящее время сохранились нѣкоторые элементы городского хозяйства и даже замкнутаго домашняго. И нынѣ еще значительная часть продуктовъ національнаго производства не вступаетъ въ народно-хозяйственный оборотъ, а потребляется въ тѣхъ отдѣльныхъ хозяйствахъ, гдѣ они произведены; другая же часть совершаетъ лишь краткій путь отъ одного хозяйства къ другому.

Отсюда какъ будто вытекаетъ, что не правы тѣ, которые видятъ задачу политической экономіи въ выясненіи сущности и связи хозяйственныхъ явленій, и правильнѣе поступаютъ тѣ, кто удовлетворяется описаніемъ хозяйственныхъ формъ и ихъ историческихъ видоизмѣненій.

Однако, такого рода заключеніе было бы роковой ошибкой: это значило бы отказаться отъ результатовъ научнаго труда болѣе чѣмъ столѣтняго періода и совершенно превратно понимать нашу современную экономическую жизнь. Въ настоящее время даже въ самомъ отдаленномъ крестьянскомъ хозяйствѣ ни одинъ мѣшокъ пшеницы не производится внѣ связи съ общимъ народно-хозяйственнымъ обращеніемъ. Если онъ и потребляется въ домѣ производителя, то все же значительная часть орудій производства (плугъ, коса, молотилка, искусственное удобреніе, рабочій скотъ и т. п.) пріобрѣтены крестьяниномъ путемъ обмѣна, и самое потребленіе имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если по условіямъ рынка оно является выгоднымъ. Такимъ образомъ, и мѣшокъ пшеницы крѣпкой нитью вплетенъ въ великую и искусную ткань народно-хозяйственнаго обращенія, и совершенно такъ же связаны съ нею всѣ мы въ нашей экономической дѣятельности.

Мы съ большимъ удовлетвореніемъ привѣтствуемъ поэтому тотъ фактъ, что послѣ періода усерднаго собиранія матеріаловъ въ новѣйшее время опять ревностно принялись за проблемы современнаго мѣнового хозяйства, причемъ провѣрка и дальнѣйшее

развитіе прежней системы совершается по тому же пути, которымъ она возникла, но на основаніи болѣе богатаго фактическаго матеріала. Ибо помимо изолирующей абстракціи и логической дедукціи, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, другого метода изслѣдованія, съ которымъ можно было бы подойти къ выясненію сложныхъ причинъ мѣновыхъ явленій. Единственный индуктивный методъ, о которомъ можетъ здѣсь еще идти рѣчь — статистическій — для большинства относящихся сюда вопросовъ слишкомъ грубъ и можетъ служить лишь какъ дополнительное или повѣрочное вспомогательное средство.

Относительно хозяйственныхъ періодовъ прошлаго задача не можетъ быть иной. Правда, здѣсь, прежде всего, въ большей еще мѣрѣ имѣетъ значеніе собираніе фактовъ и ихъ морфологическое описаніе; но затѣмъ явленія должны быть правильно опредѣлены по существу, логически расчленены и изслѣдованы въ отношеніи ихъ причинной связи. Необходимо, слѣдовательно, пользоваться тѣмъ же методомъ, какой „классическая экономическая наука“ примѣнила къ изученію современнаго хозяйства. По нѣкоторымъ вопросамъ древняго ойкоснаго хозяйства это уже мастерски выполнено Родбертусомъ: въ области средневѣковаго хозяйства попытокъ въ этомъ направленіи до сихъ поръ не дѣлалось. Задача эта будетъ разрѣшена только въ томъ случаѣ, если найдутся изслѣдователи, которые съумѣютъ вполнѣ углубиться въ условія жизни прошедшихъ хозяйственныхъ эпохъ и погрузиться въ совершенно отличныя отъ нашего экономическаго пониманія представленія нашихъ предковъ; но цѣль никоимъ образомъ не будетъ достигнута, если наполовину познанныя путемъ фактическихъ данныхъ, наполовину раціоналистически конструированныя хозяйственныя явленія прошлаго постоянно будутъ представлены въ видѣ категорій современной, основанной на обмѣнѣ, экономической жизни.

Только этимъ путемъ, на мой взглядъ, исторія экономическаго быта можетъ оказать плодотворное вліяніе на теорію современнаго народнаго хозяйства, а эта послѣдняя, въ свою очередь, на исторію хозяйства; только такимъ образомъ можно познать одновременно закономѣрность хозяйственнаго развитія и народно-хозяйственной жизни.

IV.

Формы промышленности въ ихъ историческомъ развитіи.

Большинство людей въ вопросахъ экономическихъ и соціальныхъ имѣютъ весьма опредѣленное мнѣніе о томъ, что должно быть—нерѣдко гораздо болѣе опредѣленное, чѣмъ о томъ, что существуетъ въ дѣйствительности. То, что по ихъ мнѣнію должно быть, не представляетъ собой непремѣнно какого-то идеальнаго состоянія, еще никогда не осуществленнаго мнѣнія фантазіи. Очень часто, наоборотъ, это есть представленіе, почерпнутое изъ фактовъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, представленіе, которое, благодаря продолжительной привычкѣ, пріобрѣло для насъ характеръ чего-то нормальнаго.

Это именно наблюдается, если не ошибаюсь, у многихъ нашихъ современниковъ по отношенію къ тому, что мы называемъ ремесломъ и къ такъ называемому ремесленному вопросу. Привыкли считать ремесло нормальной формой промышленности, благодаря тому, что оно въ теченіе свыше полутысячелѣтія господствовало въ жизни средняго сословія Германіи. Существуетъ поговорка: ремесло имѣетъ золотое дно (т. е. процвѣтаетъ); но наблюденіе показываетъ, что это дно по современной оцѣнкѣ уже болѣе не золотое. Возникаетъ вопросъ, какъ вернуть это блаженное состояніе, какъ вдохнуть новую жизнь въ ремесло.

Но какое мы имѣемъ право считать ремесло нормальной формой производства и, такимъ образомъ, какъ бы стремиться къ идеалу, который былъ осуществленъ въ прошломъ?

Экономисты старой школы изображаютъ намъ ремесло какъ первичную форму промышленности. „Среди охотничьяго или пастушескаго племени“, говоритъ Адамъ Смитъ, „оказывается человѣкъ, который производитъ лукъ и стрѣлы болѣе искусно, чѣмъ другіе. Онъ обмѣниваетъ ихъ у своихъ соплеменниковъ на скотъ или на дичь и приходитъ къ тому заключенію, что это для него гораздо выгоднѣе, чѣмъ если бы онъ самъ отправился на охоту. Въ концѣ кон-

цовъ изготовленіе оружія становится его главнымъ занятіемъ и онъ превращается, такъ сказать, въ оружейнаго мастера“. Если мы продолжимъ эту историческую конструкцію на два шага дальше, то первообразъ ремесленника приметъ, вѣроятно, чрезъ нѣкоторое время, ученика, а когда этотъ кончитъ ученіе—другого, первый же станетъ его подмастерьемъ.

Дальнѣйшее развитіе при всемъ желаніи ничего рѣшительно новаго къ этому прибавить не можетъ. Когда мы въ настоящее время говоримъ о ремесленникѣ, то мы представляемъ себѣ мелкаго предпринимателя, который въ опредѣленной послѣдовательности изъ ученика превратился въ подмастерья, а изъ подмастерья въ мастера, который собственными руками и на собственный капиталъ изготовляетъ предметы для мѣстнаго ограниченнаго круга потребителей и которому достается полностью весь продуктъ его труда. Все, что можно требовать отъ системы хозяйства, удовлетворяющей требованіямъ справедливости, какъ будто осуществлено въ жизни ремесленника при нормальныхъ условіяхъ: постепенный переходъ отъ одной соціальной ступени къ слѣдующей, самостоятельность и доходъ по заслугамъ. Тѣ же формы обрабатывающей промышленности, которыя уклоняются отъ этого первообраза—кустарная промышленность и фабрика—легко могутъ тогда показаться ненормальными; обусловливаемое ими соціальное разслоеніе и распредѣленіе дохода представляются несоотвѣтствующими идеѣ экономической справедливости.

И новѣйшіе экономисты рѣдко во многомъ уклоняются отъ этого популярнаго представленія. Противопоставляя другъ другу три признаваемыя ими системы производства: ремесло, кустарную промышленность и фабрику, они почти безсознательно пользуются основными чертами ремесла какъ нормами при оцѣнкѣ двухъ остальныхъ формъ. Кустарное производство до недавняго времени представлялось многимъ ничѣмъ инымъ, какъ вырожденіемъ ремесла или не болѣе какъ переходной формой, фабрика же необходимымъ зломъ эпохи господства машинъ. Отъ такого предубѣжденія страдало даже научное изслѣдованіе современныхъ формъ производства, хотя онѣ и доступны непосредственному наблюденію.

Историко-эволюціонный обзоръ, который мы попытаемся здѣсь дать, прежде всего долженъ освободиться отъ воззрѣнія, будто какая-либо система производства той или иной отрасли хозяйства

можетъ представлять нѣчто нормальное для всѣхъ временъ и народовъ. И ремесло представляетъ съ такой точки зрѣнія не болѣе какъ историческое явленіе, возникновеніе, существованіе и процвѣтаніе котораго связано съ опредѣленными условіями экономической жизни. Оно не является ни первоначальной, ни вообще, съ эволюціонной точки зрѣнія, необходимой формой промышленности. Это значитъ: нѣтъ необходимости, чтобы промышленность страны прошла черезъ ремесленную форму производства, прежде чѣмъ достигнуть ступени кустарной промышленности или фабрики, также какъ нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы каждое племя предварительно было охотничьимъ или пастушескимъ и лишь послѣ этого перешло къ осѣдлому земледѣлію. Ремеслу предшествовали у насъ другія формы обрабатывающей промышленности: онѣ сохранились отчасти и до сихъ поръ, даже въ европейскихъ странахъ.

Эти первобытныя формы промышленности, имѣющія огромное значеніе въ смыслѣ исторической эволюціи, до сихъ поръ почти не обращали на себя вниманія, хотя онѣ въ продолженіе тысячелѣтій опредѣляли хозяйственную жизнь народовъ и оставили глубокіе слѣды въ ихъ соціальномъ строѣ. Только сравнительно незначительный отдѣлъ исторіи промышленности, именно тотъ, который мы можемъ изучать на основаніи сохранившихся въ видѣ писаннаго права источниковъ, въ настоящее время до нѣкоторой степени выясненъ, да и то гораздо болѣе въ отношеніи внѣшней организаціи промышленности, нежели въ отношеніи ея внутренней жизни и способовъ производства. Даже средневѣковое цеховое ремесло, которому въ послѣднее время посвящено такъ много основательныхъ научныхъ изслѣдованій, едва ли достаточно изучено со стороны характера производства. Произвольныя раціоналистическія конструкціи, основанныя на предположеніяхъ и понятіяхъ, заимствованныхъ изъ современнаго мѣнового хозяйства, господствуютъ въ этой области и до сихъ поръ.

Во всякомъ случаѣ, наша „историческая“ политическая экономія собрала богатый матеріалъ для исторіи народнаго хозяйства классическихъ и современныхъ народовъ. Но обращалось весьма мало вниманія на то обстоятельство, что, въ виду сложности всѣхъ соціальныхъ явленій, возстановить условія, въ какихъ находилось народное хозяйство въ древности и въ средніе

вѣка, современному наблюдателю даже при самой живой и творческой фантазіи, едва ли не столь же трудно, какъ уловить послѣдствія соціалистическаго государства будущаго. Мы только тогда будемъ въ состояніи понять жизнь цѣлыхъ, весьма отдаленныхъ отъ насъ, эпохъ исторіи хозяйства, когда мы научимся наблюдать хозяйство первобытныхъ и некультурныхъ современныхъ народовъ столь же тщательно, какъ изучаемъ теперь экономическій бытъ англичанъ и сѣверо-американцевъ. Вмѣсто того, чтобы посылать нашихъ молодыхъ экономистовъ къ этимъ послѣднимъ, мы скорѣе должны были бы направлять ихъ съ научными цѣлями въ Россію, Румынію или южно-славянскія государства; намъ слѣдовало бы изучить въ этомъ направленіи народы, обитающіе въ нашихъ ново-пріобрѣтенныхъ (германскихъ) колоніяхъ, прежде чѣмъ у нихъ, подъ вліяніемъ европейской торговли, исчезнутъ наиболѣе характерныя черты первобытнаго хозяйства и правосознанія.

Приходится почти считать за счастье то обстоятельство, что это внѣшнее вліяніе рѣдко очень глубоко проникаетъ въ народную жизнь, по большей части ограничиваясь привилегированными классами. Благодаря этому, мы еще и нынѣ на обширныхъ пространствахъ восточной и сѣверной Европы, которыя невнимательный путешественникъ пробѣгаетъ по желѣзной дорогѣ, можемъ наблюдать у сельскаго населенія древнѣйшія формы удовлетворенія потребностей, подвергшіяся подъ вліяніемъ современнаго обмѣна лишь немногимъ, весьма незначительнымъ измѣненіямъ.

Желая въ дальнѣйшемъ объединить то, что мы знаемъ о промышленности такихъ „отсталыхъ племенъ“ [1]), съ результатами историческихъ изслѣдованій въ области промышленности въ одну цѣльную, общую картину, мы, конечно, имѣемъ въ виду лишь представить главныя ступени развитія въ рѣзко очерченныхъ контурахъ. Чтобы найти путеводную нить въ сложномъ многообразіи и богатствѣ формъ отдѣльныхъ

---

[1]) Дополненіе къ настоящему очерку, составленному въ первый разъ въ 1892 г. и резюмирующему въ общедоступной формѣ лишь самое главное, имѣется въ моей статьѣ „Gewerbe“ („промышленность“), помѣщенной въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften 2 изд. т. IV, стр. 360—393. (Русск. перев. этой статьи въ сборникѣ—„Исторія труда, въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности“. Изд. Водовозовой. Стр. 47—106). Тамъ же указана и важнѣйшая литература вопроса.

этнографическихъ наблюденій, настоятельно необходимо отдѣлить типичное отъ случайнаго, оставить въ сторонѣ второстепенныя переходныя формы и только тамъ признавать возникновеніе новаго звена въ развитіи, гдѣ измѣнившійся способъ производства вызываетъ такія экономическія явленія, которыя обусловливаютъ существенныя измѣненія къ организаціи общества. Такимъ образомъ, мы получаемъ пять главныхъ формъ промышленности. Эти формы въ исторической послѣдовательности будутъ слѣдующія.

1. Домашнее производство (производство для домашнихъ потребностей).

2. Работа на заказъ (Lohnwerk).

3. Ремесло.

4. Домашняя или кустарная промышленность.

5. Фабрика.

Прежде всего намъ необходимо указать вкратцѣ характерныя хозяйственныя черты этихъ формъ производства, лишь слегка касаясь соціальной стороны развитія промышленности въ ея цѣломъ. Заполненіе встрѣчающихся пробѣловъ и выясненіе переходовъ отъ одной формы производства къ слѣдующей мы предоставляемъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ. Естественно, что намъ придется дольше всего остановиться на двухъ болѣе раннихъ, предшествовавшихъ ремеслу, формахъ промышленности, между тѣмъ какъ для позднѣйшихъ достаточно будетъ краткой характеристики. Начнемъ съ домашняго производства или производства для домашнихъ потребностей.

Домашнимъ производствомъ называется производство промышленныхъ издѣлій на дому и для дома изъ сырья, добытаго въ собственномъ хозяйствѣ. Въ своей первобытной и чистѣйшей формѣ оно предполагаетъ отсутствіе обмѣна и удовлетвореніе каждымъ отдѣльнымъ хозяйствомъ всѣхъ потребностей своихъ членовъ собственнымъ трудомъ. Каждый продуктъ проходитъ всѣ ступени своего производства въ томъ хозяйствѣ, въ которомъ онъ подлежитъ потребленію. Соотвѣтственно этому производство всегда опредѣляется исключительно потребностями хозяйства. Не существуетъ еще ни обмѣна товаровъ, ни капитала. Имѣются только предметы потребленія въ различныхъ стадіяхъ годности къ потребленію: рожь, мука и хлѣбъ, ленъ, пряжа, ткань и одежда; имѣются кромѣ того средства производства: ручная мельница, топоръ, вере-

тено, ткацкій станокъ; но нѣтъ продуктовъ, посредствомъ которыхъ можно было бы путемъ обмѣна пріобрѣсти другіе. Домъ всѣмъ обязанъ собственному труду, и едва ли возможно отдѣлить домашнія работы отъ производства.

Въ формѣ домашняго производства промышленность старше земледѣлія. Повсюду, гдѣ открыватели новыхъ странъ наталкивались на первобытныя племена, они встрѣчали разнообразное промышленное мастерство: изготовленіе луковъ и стрѣлъ, плетеніе цыновокъ и сосудовъ изъ ситника, лыка и крѣпкихъ корней, первобытное гончарное производство, дубленіе кожъ, помолъ зеренъ на жерновахъ, постройку домовъ, иногда даже плавленіе желѣза. Такъ, охотничьи племена Сѣверной Америки, рыболовы Южнаго океана, кочующія сибирскія племена, равно какъ и земледѣльческія негритянскія племена въ Африкѣ еще до сихъ поръ производятъ такимъ образомъ разныя промышленныя издѣлія, не имѣя собственныхъ ремесленниковъ. Даже жалкія, совершенно нагія лѣсныя племена внутренней Бразиліи изготовляютъ дубины, луки и стрѣлы, строятъ дома и лодки изъ древесной коры, выдѣлываютъ орудія изъ костей животныхъ и изъ камней, плетутъ корзины, служащія для ношенія и сохраненія продуктовъ, выдалбливаютъ сосуды изъ тыквы, прядутъ, вяжутъ и ткутъ; выдѣлываютъ глиняные сосуды съ искусными украшеніями, не зная гончарнаго станка; вырѣзываютъ и украшаютъ орнаментами надгробные памятники, скамейки, флейты, гребенки, маски, изготовляютъ рѣзныя украшенія изъ перьевъ, кожъ и т. п.

Вмѣстѣ съ переходомъ къ обработкѣ земли при помощи плуга эта дѣятельность въ умѣренныхъ и холодныхъ странахъ все болѣе и болѣе теряетъ случайный характеръ; во всемъ хозяйствѣ устанавливается твердый порядокъ; теплое время года посвящается пріобрѣтенію сырья и работѣ на воздухѣ; зимою обработка матеріала соединяетъ всѣхъ членовъ у очага. Для каждаго рода труда устанавливаются твердыя правила; каждый изъ нихъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ домашней жизни, сообразно естественнымъ потребностямъ хозяйства; обычай обвиваетъ его своими тонкими золотыми этическими нитями; онъ обогащаетъ и облагораживаетъ существованіе людей, среди которыхъ онъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе со своей несложной техникой и первобытными формами. Такъ какъ работаютъ только для собственнаго потреб-

ленія, то интересъ производителя къ произведенію его рукъ гораздо продолжительнѣе времени изготовленія. Онъ воплощаетъ въ немъ свое лучшее техническое умѣніе и весь свой художественный вкусъ. Именно поэтому произведенія національнаго домашняго производства стали для нашего увлекающагося художественной промышленностью столѣтія такой богатой сокровищницей образцовъ народнаго стиля.

Норвежскій крестьянинъ не только свой собственный столяръ и кузнецъ, подобно вестфальскому старостѣ въ произведеніи Иммермана „Мюнхгаузенъ“, но онъ самъ же строитъ и свой деревянный домъ, изготовляетъ себѣ земледѣльческія орудія, телѣгу и сани, выдѣлываетъ кожи, вырѣзываетъ изъ дерева и куетъ изъ металла разную домашнюю утварь [2]. Въ Исландіи крестьяне являются даже весьма искусными работниками по серебру. Въ сѣверной Шотландіи еще во времена Адама Смита каждый былъ своимъ собственнымъ ткачемъ, сукноваломъ, кожевникомъ и сапожникомъ. Въ Галиціи, Буковинѣ, во многихъ окрестностяхъ Венгріи и Трансильваніи, въ Румыніи, у южно-словянскихъ племенъ до послѣдняго времени почти не было другихъ ремесленниковъ, кромѣ кузнеца, и то по большей части цыгана. Въ Греціи и другихъ странахъ Балканскаго полуострова имѣлись, пожалуй, еще странствующіе плотники [3]. Можно было бы привести большое количество

---

[2]) Eilert Sundt: Om Husfliden i Norge, Christiania 1867. Blom: Das Könsgr. Norwegen. Leipzig, 1843. стр. 237. Th. Forester: Norwegen und sein Volk, перев. на нѣм. М. Б. Линдау, стр. 74. Norway: Kristiania 1900, стр. 391. E. Sidenbladh: Schweden, Statistische Mitteilungen zur Wiener Weltausstellung 1873

[3]) Ср. Die Hausindustrie Oesterreichs. Ein Kommentar zur haüsindustriellen Abteilung auf der allgemeinen land und forstwirtschaftlichen Ausstellung zu Wien 1890, подъ ред. В. Экснера. Далѣе „Oesterreichische Monatsschrift f. Gesellschaftwissenschaft IV, 90 сл. VIII, 22. IX 98 и 331: A. Riegl: Textile Hausindustrie in Oesterreich въ „Mitteilungen des K. K. oesterreichischen Museums“ N. F. IV, стр. 411 сл. Braun und Krejcsi: Der Hausfleiss in Ungarn, Leipzig 1886. Schwicker: Statistik des Königreichs Ungarn, стр. 403 сл. 411, 426 и слѣд. I. Paget: Ungarn und Siebenbürgen, Leipzig 1842, II. стр. 163, 173, 264, 269. Iwantschoff: Primitive Formen des Gewerbebetriebs in Bulgarien. Leipzig 1896. Относительно другихъ государствъ Балканскаго полуострова: Reports from her Majestys diplomatic and cousular agents abroad, respecting the condition of the industrial classes in foreign countries. London 1870–72. Tarajanz: Das Gewerbe

подобныхъ примѣровъ изъ жизни другихъ народовъ; удивительныя способности и ловкость русскихъ и шведскихъ крестьянъ объясняются ихъ многосторонней промышленной дѣятельностью въ собственномъ хозяйствѣ. Женскій промышленный трудъ, прядильное и ткацкое искусство, печеніе хлѣба и т. п слишкомъ извѣстны изъ стараго и новаго времени, чтобы нужно было дольше на нихъ останавливаться.

Чтобы получить представленіе о всемъ богатствѣ хозяйственныхъ способностей, которымъ отличается жизнь малокультурныхъ народовъ, нужно было бы дать подробное описаніе самой этой жизни. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этой возможности. Достаточно будетъ привести слѣдующія мѣста изъ описанія домашняго производства въ Буковинѣ [4]). „Въ небольшомъ семейномъ кругу или же въ тѣсныхъ предѣлахъ деревни сельскій житель Буковины удовлетворяетъ самъ всѣмъ своимъ жизненнымъ потребностямъ. При постройкѣ дома мужчина обыкновенно исполняетъ трудъ плотника, кровельщика и т. п., въ то время какъ женщина должна взять на себя покрытіе штукатуркой плетеныхъ стѣнъ или законопачиваніе щелей въ бревенчатыхъ стѣнахъ мхомъ, трамбовку пола и много другихъ подобнаго рода работъ. Начиная съ посадки прядильныхъ растеній или вскармливанія овцы вплоть до изготовленія постелей и одежды изъ полотна, шерсти или мѣха, кожи, войлока или плетеной соломы, сельское населеніе Буковины производитъ все, даже краски изъ спеціально разводимыхъ растеній, равно какъ и необходимые, правда, очень примитивные, инструменты. Это относится въ общемъ и къ пищѣ. Съ затратой довольно большого труда крестьянинъ обрабатываетъ свое маисовое поле, мелетъ на ручной мельницѣ кукурузную муку, изъ которой онъ изготовляетъ свой главный пищевой продуктъ (мамалыгу, похожую на поленту). Свои простыя земледѣльческія орудія, сосуды, хозяйственную и кухонную утварь либо онъ самъ изготовляетъ, либо же это умѣетъ, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь самоучка въ деревнѣ.

---

bei den Armeniern. Leipzig 1897. Gogitschayschwili: Das Gewerbe in Georgien (Ergänzungsheft I zur Ztschr. f. d. gesamte Staatsw.). Tübingen 1901.

[4]) C. A Romstorfer у Exner'a: Die Hausindustrie Oesterreichs, стр. 159 сл. ср. H. Wiglitzky: Die Bukowinaer Hausindustrie und die Mittel und Wege zur Hebung derselben. Czernowitz 1888. – Petri: Ehstland und die Ehsten (Gotha 1802). II. стр. 230 сл.

лишь обработку желѣза материалъ, въ очень маломъ количествѣ потребляемый мѣстнымъ населеніемъ — онъ предоставляетъ разсѣяннымъ по странѣ цыганамъ".

Но какъ бы ни развивалась промышленная техника въ самодовлѣющемъ домашнемъ хозяйствѣ, все таки въ концѣ концовъ такого рода способъ изготовленія продуктовъ долженъ былъ бы оказаться недостаточнымъ, если-бы домъ былъ ограниченъ узкимъ кругомъ кровныхъ родственниковъ, который мы называемъ семьей. Правда, старинный семейный союзъ болѣе обширенъ, чѣмъ современная семья; но у многихъ народовъ какъ разъ въ то время, когда потребности возрастаютъ и утончаются, родовой союзъ начинаетъ распадаться, и, благодаря этому, домъ (дворъ) лишается возможности установленія болѣе широкаго раздѣленія труда между своими членами. Переходъ къ профессіональной организаціи производства и мѣновому хозяйству былъ бы здѣсь неизбѣженъ, если бы не удавалось путемъ присоединенія рабовъ или поселенія крѣпостныхъ искусственно расширить домашній кругъ. Чѣмъ больше число этихъ несвободныхъ членовъ дома, тѣмъ легче становится ввести среди нихъ многостороннее раздѣленіе труда и каждаго въ отдѣльности приспособить къ опредѣленному виду производства.

Такъ, среди домашнихъ рабовъ богатыхъ грековъ и римлянъ мы уже встрѣчаемъ разнаго рода промышленныхъ рабочихъ [5]), а Карлъ Великій въ своемъ знаменитомъ регламентѣ объ управленіи его помѣстьями точно опредѣляетъ, какого рода несвободные рабочіе должны находиться въ каждомъ помѣстьи. Каждый фогтъ, сказано тамъ, долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи хорошихъ рабочихъ, какъ-то: кузнецовъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, сапожниковъ, токарей, плотниковъ, выдѣлывателей щитовъ, рыбаковъ, птицелововъ, мыловаровъ, медоваровъ, пекарей и сѣточниковъ. Многочисленныя свѣдѣнія въ этомъ же родѣ мы встрѣчаемъ относительно крѣпостныхъ помѣстій другихъ феодаловъ и монастырей. Ремесленники, которыхъ они держатъ, ра-

---

[5]) Сравн. H. Francotte: L'industrie dans la Grèce ancienne, 2 tomes, Bruxelles 1901. P. Guiraud: La main-d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce, Paris 1900. Wallon: Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. 2-e ed. Paris. 1879.

ботаютъ только на нихъ, причемъ они либо представляютъ собою дворовыхъ людей, пользующихся жилищемъ и харчами на барскомъ дворѣ, либо они поселены на отдѣльныхъ участкахъ земли, добываютъ на нихъ средства существованія и несутъ за это барщину, исполняя опредѣленное ремесло. Въ знакъ того, что ихъ повинностью по отношенію ко двору является ихъ промыселъ, они носятъ названіе officiales, officiati, т. е. служащихъ.

Такимъ образомъ, домашнее производство пріобрѣло здѣсь обширную организацію, доставляющую помѣщику возможность довольно обильнаго и многосторонняго потребленія также и промышленныхъ издѣлій.

Но домашнее производство не остается въ предѣлахъ удовлетворенія однихъ собственныхъ потребностей. Уже на весьма низкой ступени развитія различіе условій природы вызываетъ развитіе промысловъ въ различномъ направленіи. Одно племя производитъ глиняную посуду, каменные инструменты, или стрѣлы, которыхъ сосѣднее племя не изготовляетъ. Такого рода промышленныя издѣлія распространяются затѣмъ среди другихъ племенъ путемъ даренія или военной добычи, а позднѣе также путемъ обмѣна (см. стр. 53 и слѣд.). У древнихъ грековъ богатые рабовладѣльцы приспособляли значительное число своихъ несвободныхъ рабочихъ, которыхъ они не могли использовать въ собственномъ хозяйствѣ, къ опредѣленной отрасли промышленности и производили затѣмъ для рынка. Еще чаще крестьянскія семьи обмѣниваютъ излишекъ продуктовъ своего домашняго промышленнаго производства, подобно тому, какъ они обмѣниваютъ излишекъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ восхваляется добродѣтельная хозяйка, продающая торговцу сработанныя ею ткани, такъ и теперь еще въ центральной Африкѣ негритянка относитъ на еженедѣльную ярмарку выдѣланные ею горшки и изготовленныя изъ коры матеріи и обмѣниваетъ ихъ на соль или бусы. Равнымъ образомъ, во многихъ мѣстностяхъ Германіи сельское населеніе, начиная съ средневѣковаго періода, сбывало на городскихъ рынкахъ и ярмаркахъ свой холстъ, и во времена господства меркантилизма въ Силезіи и Вестфаліи государство прибѣгало къ различнымъ мѣрамъ для содѣйствія вывозу полотна домашняго производства (учрежденія для контроля надъ качествомъ полотна—Linnenleggen). Въ Остзейскихъ

провинціяхъ грубая шерстяная матерія—т. н. vadhmál, которую еще теперь ткутъ эстонки, въ средніе вѣка была однимъ изъ самыхъ распространенныхъ предметовъ торговли и служила прямо деньгами. Точно также у нѣкоторыхъ народовъ Африки продукты домашняго производства, которые производятся сосѣдними племенами, являются всеобщимъ средствомъ обмѣна. Въ японскихъ деревняхъ почти въ каждомъ домѣ изъ собраннаго съ собственныхъ полей хлопка прядется пряжа и ткется матерія, часть которой поступаетъ въ обмѣнъ. Въ Швеціи вестготы и смаландцы обходятъ почти всю страну, продавая ткани домашняго производства. Въ Венгріи, Галиціи, Румыніи и южно-славянскихъ странахъ мы повсюду встрѣчаемъ на городскихъ ярмаркахъ крестьянъ, продающихъ свои деревянныя и глиняныя издѣлія, и крестьянокъ, выставляющихъ на продажу, рядомъ съ овощами и яйцами, передники, ленты и кружева собственнаго производства.

Особенно съ того момента, когда начинается дробленіе земельной собственности и она оказывается недостаточной для прокормленія семьи, часть сельскаго населенія обращается къ извѣстной отрасли домашняго производства и начинаетъ изготовлять продукты для рынка, подобно тому, какъ южно-германскіе малоземельные крестьяне производятъ вино, хмель и табакъ. Необходимый сырой матеріалъ первоначально добывается еще на собственномъ полѣ или изъ общиннаго лѣса, впослѣдствіи же его покупаютъ. Въ связи съ этимъ возникаютъ разнаго рода родственныя производства и такимъ образомъ изъ домашняго производства образуются, какъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, отличающіеся огромнымъ богатствомъ формъ крестьянскіе мелкіе промыслы.

Но развитіе можетъ также идти другимъ путемъ, и тогда создается самостоятельный промышленный классъ и вмѣстѣ съ нимъ наша вторая форма производства—работа на заказъ (Lohnwerk). Въ то время, какъ до сихъ поръ всякая промышленная техника осуществлялась въ тѣсной связи съ землевладѣніемъ и земледѣліемъ, теперь искусный домашній рабочій порываетъ эту связь и именно на этой своей технической ловкости основываетъ свое обособленное, постепенно освобождающееся отъ землевладѣнія, существованіе. Но онъ владѣетъ лишь своими простыми инструментами, у него нѣтъ оборотнаго капитала. Вслѣдствіе этого, онъ всегда примѣняетъ свое искусство къ чужому сырому матеріалу, который ему

доставляетъ производитель этого сырья, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ потребителемъ готовыхъ продуктовъ [*]).

При этомъ возможны опять таки двѣ различныя формы этой системы производства. Въ одномъ случаѣ работающаго на заказъ берутъ временно въ домъ, даютъ ему харчи и, если онъ не живетъ въ той же мѣстности, и квартиру, а также поденную плату,—и онъ остается только до тѣхъ поръ, пока не удовлетворены потребности потребителя. Въ южной Германіи это называется идти на отходъ (auf die Stör gehen), и мы соотвѣтственно этому можемъ всю эту форму производства назвать „отходомъ“ (Stör) и работающаго такимъ образомъ—отхожимъ рабочимъ (Störer). Нагляднымъ примѣромъ этого могутъ служить портнихи и швеи, которыхъ во многихъ мѣстахъ женщины приглашаютъ къ себѣ на домъ.

Или же работающій на заказъ имѣетъ при своей квартирѣ собственную мастерскую, и ему выдается сырье. За обработку сырья онъ получаетъ поштучную плату. Примѣромъ могутъ служить ткачъ, мельникъ и пекарь въ деревнѣ. Назовемъ эту форму работой на дому (Heimwerk). Мы встрѣчаемъ ее главнымъ образомъ въ промыслахъ, требующихъ постоянныхъ, не передвигаемыхъ средствъ производства (мельницы, печи, ткацкіе станки, горны и т. п.).

Обѣ формы работы на заказъ и теперь еще очень распространены во всѣхъ частяхъ земного шара. Можно было бы привести примѣры изъ Индіи и Японіи, Марокко и Судана и почти изъ всѣхъ европейскихъ странъ. Указанія на эту систему производства мы находимъ уже въ вавилонскихъ храмовыхъ записяхъ и въ древнемъ Египтѣ; ее можно прослѣдить въ литературѣ, начиная съ Гомера, чрезъ весь древній и средневѣковый періодъ,

[*]) Тамъ, гдѣ промышленный рабочій былъ до сихъ поръ несвободнымъ, его эманципаціи нерѣдко способствовали интересы его прежняго барина, который поэтому еще въ продолженіе нѣкотораго времени принималъ на себя передъ публикой отвѣтственность за хищеніе матеріала. Ср. Lex Burgund. 21, 2: Quicunque vero servum suum aurificem, argentarium, ferrarium, fabrum aerarium, surtorem vel satorem in publico attributum artificium exercere permiserit, et id, quod ad facienda opera a quocunque suscepit, fortasse everterit, dominus eius aut pro eodem satisfaciat aut servi ipsius, si maluerit, faciat cessionem.

вплоть до новѣйшихъ временъ. Точка зрѣнія, съ которой греческое и римское право смотритъ на отношеніе кліента къ самостоятельному (лично свободному или несвободному) ремесленнику, цѣликомъ основаны на системѣ работы на заказъ [1]: многочисленныя постановленія средневѣковаго цехового права только въ ней находятъ свое объясненіе.

Еще и теперь въ альпійскихъ странахъ она составляетъ господствующую форму производства въ деревняхъ. Штирійскій писатель П. К. Розеггеръ въ своей интересной книгѣ [2] описалъ свои похожденія въ качествѣ ученика странствующаго по крестьянскимъ дворамъ портного. „Деревенскіе ремесленники — говоритъ онъ въ предисловіи — какъ напримѣръ, сапожники, портные, бочары, ткачи, а въ иныхъ мѣстахъ и сѣдельники, каретники, столяры и вообще всѣ строительные рабочіе, во многихъ альпійскихъ мѣстностяхъ представляютъ нѣчто въ родѣ кочевого населенія. У нихъ есть кой-какое жилище, или въ собственной избѣ, или въ нанятой у крестьянина комнатѣ, гдѣ живетъ ихъ семья, гдѣ хранится ихъ скарбъ и гдѣ они проводятъ воскресные и праздничные дни; но въ понедѣльникъ утромъ они взваливаютъ на плечи свой инструментъ и идутъ на отходъ, т. е. они выходятъ на работу и останавливаются въ крестьянскомъ домѣ, куда ихъ пригласили, пока не сдѣлаютъ опредѣленной работы для домашняго обихода. Затѣмъ они переходятъ въ другой домъ. На ремесленника въ крестьянскомъ домѣ смотрятъ какъ на члена семьи“: для ночлега въ каждой избѣ имѣется особая комната съ „кроватью для ремесленника“. Въ домѣ, въ которомъ онъ работалъ въ теченіе недѣли, онъ въ воскресенье приглашается къ обѣду.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ описываютъ характеръ промысла въ деревнѣ въ Швеціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Норвегіи. Въ Россіи и въ южно-славянскихъ странахъ сотни тысячъ ремесленниковъ, особенно въ строительномъ и портняж-

---

[1]) Въ эдиктѣ Діоклеціана 301 г. de pretiis rerum venalium она является прямо господствующей формой производства. Ср. мои статьи въ Ztschr. f. d. ges. Staatswissenschaft, т. 50 (1894), въ особенности стр. 673 сл.

[2]) „Aus meinem Handwerkerleben. Leipzig 1880. Ср. также Hansjakob: Schneeballen. Перв. очер. (народ. изд.), стр. 12 сл. 219, 224. Wilde Kirschen, стр. 347.

номъ производствѣ, ведутъ постоянно кочевой образъ жизни и вслѣдствіе большихъ разстояній, по полгода и больше проводятъ вдали отъ своего дома.

Обѣ формы работы на заказъ имѣютъ различное историческое происхожденіе. Отходъ основанъ на исключительномъ обладаніи спеціальными способностями, работа на дому на исключительномъ обладаніи постоянными орудіями производства. На этой почвѣ прежде всего возникаютъ разныя переходныя формы между домашнимъ производствомъ и работой на заказъ.

Отхожій рабочій представляетъ собой первоначально опытнаго сосѣда, котораго приглашаютъ на помощь въ качествѣ руководителя и совѣтчика при исполненіи серьезной работы; самая же работа исполняется еще домочадцами [1]). И впослѣдствіи еще долго сохраняется обычай, что члены семьи кліента оказываютъ помощь мастеру и его подмастерьямъ: въ деревняхъ еще теперь это водится, напримѣръ, при строительныхъ работахъ.

При работѣ на дому будущій работникъ первоначально является лишь владѣльцемъ промышленнаго заведенія и техническимъ руководителемъ производства, между тѣмъ, какъ настоящую работу исполняетъ кліентъ: такъ бываетъ иногда въ деревнѣ еще и теперь на маслобойняхъ, мельницахъ для терки льна, вѣялкахъ для ячменя и овса, въ заведеніяхъ для приготовленія фруктоваго вина. Во многихъ сѣверо-германскихъ городахъ въ средніе вѣка солодовники и пивовары были лишь владѣльцами солодовень и пивоварень, которые за вознагражденіе предоставляли жителямъ самимъ солодить свой ячмень и варить свое пиво. Въ мельницахъ кліентъ поставлялъ по крайней мѣрѣ сѣяльщика, который просѣивалъ муку. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ господствуетъ обычай, согласно которому крестьянка сама дома дѣлаетъ хлѣбъ, замѣсивъ предварительно тѣсто; пекарь предоставляетъ лишь

---

[1]) Такъ напримѣръ, при постройкѣ дома на островахъ Фарерь: Ztschrf. d. Ver. f. Volkskunde. III (1893), стр. 163. На Каролинскихъ островахъ такельбей или архитекторъ исполняетъ почти только роль заклинателя, который прогоняетъ злыхъ духовъ, угрожающихъ новой постройкѣ: — Kubary: Ethnogr. Beiträge, стр. 227 сл. Иначе при постройкѣ телѣгъ въ Арменіи, гдѣ опытный сосѣдъ за подарокъ руководитъ складкой повозки, послѣ изготовленія отдѣльныхъ ея частей домочадцами. Tarajanz l. c. стр. 27. Ср. Gogitschayschwili l. c. стр. 61 сл.

печь для пользованія, затопляетъ ее и наблюдаетъ за печеньемъ. Подобныя же условія существуютъ въ общественныхъ прачешныхъ во французскихъ и западно-швейцарскихъ городахъ, гдѣ кліентамъ предоставляется посуда для стирки и горячая вода, часто еще и сушильня, работу же исполняетъ прислуга или женскіе члены семьи потребителей. Послѣдніе относятъ затѣмъ выстиранное и высушенное бѣлье на катокъ, причемъ владѣлецъ помогаетъ имъ, вертя ручку. Плата взимается по количеству часовъ пользованія этими приспособленіями. Въ Познани и Западной Пруссіи, еще до недавняго времени существовалъ обычай, согласно которому владѣлецъ кузницы давалъ лишь огонь и желѣзо, работу же предоставлялъ самому кліенту [10]).

Съ экономической точки зрѣнія существенную черту работы на заказъ составляетъ отсутствіе оборотнаго капитала. Ни сырье, ни готовый продуктъ не являются средствомъ извлеченія дохода для ихъ производителя. Способъ и размѣры производства все еще опредѣляетъ землевладѣлецъ, производящій сырье: подъ его же руководствомъ находится весь процессъ производства. Крестьянинъ получаетъ рожь со своего поля, молотитъ, очищаетъ ее и передаетъ потомъ зерно мельнику для помола за плату натурой: мука поступаетъ къ пекарю, который за плату за печеніе и возмѣщеніе стоимости топлива доставляетъ извѣстное количество испеченныхъ изъ нея хлѣбовъ. Начиная съ момента посѣва до момента потребленія хлѣба, продуктъ никогда не составлялъ капитала, а лишь предметъ потребленія, находящійся на пути къ годному для потребленія состоянію. Готовый фабрикатъ не

[10]) „Erlebnisse eines Geistlichen im östl. Grenzgebiet“ въ „Tägl. Rundschau“. Бел. прил. 1897. № 258. Здѣсь интересна доставка желѣза владѣльцемъ заведенія, вслѣдствіе чего эта форма производства составляетъ переходъ къ ремеслу. Существуютъ и переходныя формы между отходомъ и работой на дому. Къ нимъ относится русскій странствующій портной, который поселяется на нѣкоторое время въ каждой деревнѣ, гдѣ у него имѣются кліенты; такой же характеръ носятъ серебряныхъ дѣлъ мастера въ Арменіи (по Тараянцу). Тамъ же владѣлецъ маслобойни обязанъ предоставить свое заведеніе, нужное количество рабочихъ и воловъ, приводящихъ въ движеніе аппаратъ; кліентъ же не только помогаетъ въ работѣ, но онъ оплачиваетъ и кормитъ рабочихъ и доставляетъ также кормъ воламъ.

включаетъ въ себѣ никакихъ предпринимательскихъ барышей, ни процентовъ, ни прибылей, получаемыхъ при обмѣнѣ, а лишь одну заработную плату.

Въ несложныхъ условіяхъ культуры и при незначительныхъ потребностяхъ это вполнѣ раціональный способъ производства, обезпечивающій, какъ и домашнее производство, доброкачественность продукта и полное соотвѣтствіе производства потребностямъ. Онъ избѣгаетъ обмѣна при такихъ условіяхъ, при которыхъ послѣдній лишь окольными путями доставилъ бы производителямъ сырья фабрикаты, изготовленные изъ его собственнаго матеріала. Но зато онъ взваливаетъ на потребителя рискъ, сопряженный съ производствомъ: только тѣ потребности могутъ найти соотвѣтственное и своевременное удовлетвореніе, которыя возможно предвидѣть, между тѣмъ какъ внезапно возникающая потребность часто остается неудовлетворенной, потому что работникъ, производящій на заказъ, какъ разъ занятъ въ это время другой работой. При работѣ на дому съ этимъ еще сопряжена опасность, что часть сырья будетъ присвоена или подмѣнена работникомъ. И для работающаго на заказъ эта система связана съ нѣкоторыми неудобствами. Сюда относится неравномѣрность, которая вызываетъ то слишкомъ большое напряженіе, то полное непримѣненіе рабочей силы; при отходѣ къ этому присоединяется потеря времени и неудобство кочевой жизни.

Поэтому въ нашемъ современномъ хозяйствѣ обѣ формы работы на заказъ пригодны до нѣкоторой степени лишь тамъ, гдѣ остающееся свободнымъ время можетъ быть посвящено побочному земледѣльческому труду. Въ Индіи до послѣдняго времени эта система являлась въ промышленности господствующей. „Обыкновенно у ремесленика нѣтъ другого капитала, кромѣ его орудій, и работаетъ онъ только на заказъ: тамъ, гдѣ ремесленники насчитываются единицами, какъ въ деревняхъ, кліентъ разыскиваетъ его и довѣряетъ ему золото, серебро, слоновую кость, дерево, иногда же беретъ его за поденную плату на домъ. Въ городахъ многіе ремесленники работаютъ на купцовъ, которые держатъ ихъ въ зависимости отъ себя путемъ авансовъ матеріаломъ или деньгами; по большей асчти у нихъ нѣтъ ничего въ рукахъ, кромѣ предмета, надъ которымъ они въ данное время работаютъ. Произведенія ихъ труда не при-

надлежать имъ: кто желаетъ ихъ купить, вынужденъ обратиться къ сосѣднему купцу" [11]).

Въ средніе вѣка работа на заказъ въ высокой степени облегчала освобожденіе ремесленниковъ отъ крѣпостной зависимости, такъ какъ она не требуетъ сколько-нибудь значительнаго собственнаго имущества для того, чтобы начать самостоятельное предпріятіе. Цеховыхъ ремесленниковъ средневѣковаго періода еще до сихъ поръ весьма неправильно считаютъ мелкими капиталистами. По существу они представляли скорѣе промышленныхъ рабочихъ, отличавшихся отъ современныхъ рабочихъ тѣмъ, что каждый работалъ для многихъ потребителей, а не для одного предпринимателя. Поставку матеріала заказчикомъ мы находимъ почти во всѣхъ средневѣковыхъ ремеслахъ: во многихъ изъ нихъ она сохранилась еще въ продолженіе столѣтій даже и тогда, когда заказчикъ не добывалъ уже болѣе сырья въ собственномъ хозяйствѣ, а долженъ былъ его покупать, какъ напримѣръ, кожу для сапожника, сукно для портного [12]). Лишь медленно прививается поставка матеріала мастеромъ, сначала только бѣднѣйшимъ кліентамъ, впослѣдствіи и состоятельнымъ. Такимъ образомъ возникаетъ ремесло въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его обыкновенно понимаемъ въ настоящее время: но рядомъ съ нимъ еще долго сохраняется работа на заказъ: она даже нерѣдко играетъ служебную роль по отношенію къ ремеслу. Такъ, кожевникъ работаетъ по заказу сапожника и сѣдельника, мельникъ по заказу пекаря, сукновалъ и красильщикъ по заказу суконщика.

Изъ двухъ формъ работы на заказъ въ городахъ прежде всего исчезаетъ отходъ. Это исчезновеніе существенно ускоряется вмѣ-

[11]) A. Métin: Musée social. Mem. et Docum. 1902, стр. 127.

[12]) То же самое Thorold Rogers: Six Centuries of work and wages London 1891, p. 141. 179. 338 (Т. Роджерсъ: Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX в. Русск. пер. В. Д. Каткова СПБ. 1899, стр. 110, 140. 277) установилъ относительно Англіи.—Ср. также Ashley: Engl. Wirtschaftsgeschichte, нѣм. пер. Р. Оппенгейма. II. стр. 103. (У. Дж. Эшли: Экономическая исторія Англіи. Русск. пер. подъ ред. Д. Петрушевскаго. Москва 1897, стр. 106).—Противъ изложеннаго въ текстѣ возражалъ G. v. Below въ Ztschr. f. Social.—und Wirtschaftsgeschichte V, стр. 124—164 и 225—247. Его доводы однако, въ существенномъ меня не убѣдили, какъ указано было въ приложеніи къ 3-му изд., стр. 450 сл. Отвѣтъ Белова въ Hist. Ztschr. N. F. LIV, стр. 102 сл.

шательствомъ цеховъ [13]). Отходъ слишкомъ напоминалъ прежнее крѣпостное состоянie. Работникъ при этой формѣ представляетъ собою, собственно говоря, особаго рода поденщика, обязаннаго временно подчиняться чужому домашнему распорядку. Поэтому-то, начиная съ XIV столѣтія, мы въ цеховыхъ статутахъ находимъ многочисленные запреты мастерамъ работать по домамъ. Этимъ же объясняется ненависть городскихъ ремесленниковъ къ сельскимъ, такъ какъ послѣднимъ нельзя было запретить идти на отходъ. Слово отхожій рабочій—Störer или Bönhase—становится въ концѣ концовъ ругательнымъ для обозначенія всѣхъ тѣхъ, кто производитъ цеховой промыселъ, не имѣя на то права. Въ сѣверогерманскихъ городахъ цеховые мастера присвоили себѣ право разыскивать отхожихъ рабочихъ въ домахъ ихъ кліентовъ и привлекать ихъ къ отвѣтственности, а власти обнаруживали по временамъ достаточно слабости, допуская такое нарушеніе домашняго спокойствія жителей.

Правда, вытѣсненіе одной системы производства другой цехамъ не вездѣ такъ легко удавалось. Уже въ срединѣ XIV столѣтія верховная государственная власть въ Австрійскомъ герцогствѣ энергично выступаетъ противъ нихъ. Статутъ саксонскаго курфюршества отъ 1482 г. угрожаетъ сапожникамъ, портнымъ, скорнякамъ, столярамъ, стекольщикамъ и другимъ ремесленникамъ, безъ уважительныхъ причинъ отказывающимся отъ работы въ домѣ кліента, высокимъ для того времени штрафомъ въ 3 гульдена. Въ Базелѣ въ 1526 г. съ цѣлью поддержанія „стараго добраго обычая" изданъ точный регламентъ для домашнихъ портныхъ. Во многихъ нѣмецкихъ областяхъ для разныхъ видовъ работы на заказъ были составлены очень подробныя таксы. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ, въ особенности въ строительныхъ, работа на заказъ сохранилась до настоящаго времени.

[13]) Не лишнимъ будетъ обратить здѣсь вниманіе на то, что при установленіи цеховыхъ привилегій пострадало также домашнее производство. Въ очень многихъ цеховыхъ уставахъ встрѣчается постановленіе, согласно которому лицамъ, не принадлежащимъ къ цеху, разрѣшается изготовлять ремесленныя издѣлія лишь въ томъ количествѣ, какое необходимо для собственнаго потребленія, но запрещается производить для продажи. Тѣмъ самымъ описанное выше (стр. 146 слѣд.) производство для рынка стало невозможнымъ.

Въ большинствѣ же случаевъ ее замѣнила та система производства, которую мы въ настоящее время обозначаемъ словомъ ремесло и которую я охарактеризовалъ уже выше [14]). Его можно было бы также назвать работой на сбытъ, чтобы этимъ рѣзче подчеркнуть противоположность работѣ на заказъ. Ибо ремесленникъ только тѣмъ отличается отъ работника, производящаго на заказъ, что онъ владѣетъ средствами производства и продаетъ за опредѣленную цѣну готовый продуктъ, составленный изъ доставляемаго имъ же матеріала и вложеннаго въ него труда, между тѣмъ какъ работающій на заказъ получаетъ лишь вознагражденіе за свой трудъ.

Всѣ существенныя особенности ремесла находятъ свое выраженіе въ опредѣленіи: непосредственное производство на потребителя. Именно способъ сбыта отличаетъ эту форму производства отъ всѣхъ позднѣйшихъ. Ремесленникъ работаетъ всегда для потребителя, причемъ либо послѣдній побуждаетъ его къ этому заказомъ отдѣльныхъ предметовъ, либо они встрѣчаются на рынкѣ или на ярмаркѣ. Работа на заказъ и работа для рынка должны другъ друга дополнять, во избѣжаніе „мертваго сезона". Обыкновенно рынокъ сбыта ограниченный: городъ и его ближайшія окрестности. Потребитель покупаетъ изъ первыхъ рукъ, ремесленникъ отдаетъ въ послѣднія руки. Это гарантируетъ приспособленіе къ потребностямъ и придаетъ ихъ взаимнымъ отношеніямъ этическій характеръ; производитель чувствуетъ себя отвѣтственнымъ передъ потребителемъ за свою работу.

Съ возникновеніемъ ремесла черезъ весь процессъ народнаго хозяйства проходитъ какъ бы глубокая трещина. Въ то время какъ раньше всѣмъ этимъ процессомъ руководилъ землевладѣлецъ, хотя и съ помощью нанятыхъ на сторонѣ рабочихъ, теперь существуютъ хозяйства двоякаго рода, изъ которыхъ каждое осуществляетъ только одну часть процесса производства: одно производитъ сырье, другое—фабрикатъ. Принципъ, который всякое ремесло стремилось, гдѣ только было возможно, осуществлять, состоитъ въ слѣдующемъ: всякій продуктъ долженъ всѣ стадіи своей обра-

[14]) Этимъ я, конечно, не хочу сказать, что не было такихъ ремеслъ, которыя возникли прямо изъ домашняго производства, не проходя стадіи работы на заказъ.

ботки проходить въ одной мастерской. Благодаря этому, требовался меньшій капиталъ и избѣгалось увеличеніе цѣны посредствомъ кумуляціи многихъ барышей. Пріобрѣтя собственный оборотный капиталъ, ремесленники превращаются изъ класса рабочихъ, добывающихъ лишь заработную плату, въ классъ производителей-собственниковъ, и то движимое имущество, которое теперь скопляется въ ихъ рукахъ, отдѣлившись отъ земельной собственности, становится основой особеннаго соціальнаго и политическаго существованія, которое воплощается въ городскомъ населеніи.

Непосредственная связь ремесленника съ потребителемъ его продуктовъ обусловливаетъ малые размѣры производства. Если какой-нибудь промыселъ угрожаетъ принять слишкомъ большіе размѣры, то отъ него откалываются новыя ремесла, къ которымъ переходитъ часть его сферы производства. Такой характеръ имѣетъ раздѣленіе труда въ средніе вѣка, [15]) создающее все новыя самостоятельныя сферы труда и вызвавшее впослѣдствіи то ревнивое разграниченіе областей производства, которое истощало силы цеховъ внутренними раздорами.

Ремесло составляетъ специфически городское явленіе. Народы, которые, подобно русскимъ, не создали настоящей городской жизни, не имѣютъ также и національнаго ремесла. Этимъ объясняется также, что съ возникновеніемъ крупныхъ, централизованныхъ государствъ и съ развитіемъ сообщеній ремесло должно было придти въ упадокъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, подъ вліяніемъ постояннаго роста населенія, появилась новая система производства, основанная уже не на мѣстномъ, а на національномъ и международномъ рынкѣ. Наши предки обозначали это „мануфактурами“ и „фабриками“, не дѣлая различія между обоими выраженіями. Если присмотрѣться ближе, рѣчь идетъ, собственно говоря, о двухъ различныхъ формахъ производства. Одна изъ нихъ получила съ тѣхъ поръ сбивчивое названіе домашней промышленности (Hausindustrie) — мы будемъ называть ее кустарной промышленностью (Verlagssystem); другая это наша нынѣшняя фабрика. Обѣ системы ставятъ своей задачей снабженіе обширнаго

---

[15]) См. объ этомъ подробнѣе въ моей книгѣ: „Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im XIV и XV Jahrhundert“ I, стр. 228. Ср. также очерки III и VIII.

рынка промышленными издѣліями: обѣ нуждаются для этой цѣли въ значительномъ количествѣ рабочихъ: онѣ отличаются другъ отъ друга лишь способомъ рѣшенія этой задачи и организаціи рабочихъ.

При этомъ наиболѣе просто поступаетъ кустарная система. Она первоначально оставляетъ нетронутымъ прежній способъ производства, ограничиваясь организаціей сбыта. Скупщикъ — это предприниматель—коммерсантъ, который постоянно даетъ работу значительному числу рабочихъ внѣ своего собственнаго промышленнаго заведенія, самимъ рабочимъ на домъ. Рабочіе состоятъ либо изъ прежнихъ ремесленниковъ, которые теперь работаютъ не для многихъ потребителей, а для одного торговца, либо изъ прежнихъ работниковъ на заказъ, получающихъ однако сырье для обработки уже не отъ потребителя, а отъ купца. Или же это — крестьянскія семьи, производящія теперь прежніе продукты домашняго производства какъ рыночный товаръ, который доставляется скупщикомъ на міровой рынокъ.

Verleger (скупщикъ) происходитъ отъ слова Verlag (скупка) = Vorlage, Vorschuss (авансъ). Скупщикъ даетъ впередъ мелкимъ производителямъ, занимающимъ первоначально еще довольно самостоятельное положеніе, стоимость ихъ продукта; или онъ доставляетъ имъ кромѣ того сырье и платитъ затѣмъ поштучно: или, наконецъ, ему принадлежатъ также главныя орудія производства: ткацкій станокъ, вышивальная машина и т. п. Постепенно мелкіе производители, имѣя только о д н о г о покупателя, становятся все болѣе и болѣе зависимыми отъ него; онъ превращается въ ихъ работодателя, а они въ рабочихъ, хотя бы они формально сами поставляли сырье.

Нѣтъ надобности здѣсь подробно описывать кустарную промышленность и отношенія между предпринимателями и рабочими при этой формѣ производства. Довольно много примѣровъ мы можемъ найти въ гористыхъ мѣстностяхъ Германіи: плетеніе соломы, производство часовъ и щетокъ въ Шварцвальдѣ, рѣзьба по дереву въ верхней Баваріи, игрушечный промыселъ въ Мейнингенѣ, вышивальное производство Фогтланда (Саксонія), плетеніе кружевъ въ Рудныхъ горахъ и т. п. Исторія и современное положеніе этихъ промысловъ были въ послѣднее время объектомъ многихъ изслѣдованій. Я не могу на этомъ подробно останавли-

ваться, равно какъ и на громадномъ богатствѣ формъ, которое представляетъ какъ разъ эта система производства.

Существенной чертой ея всегда остается то, что продуктъ, раньше чѣмъ онъ переходитъ къ потребителю, является капиталомъ, т. е. средствомъ наживы для одного или нѣсколькихъ посредниковъ-купцовъ. Доставляется ли продуктъ скупщикомъ на міровой рынокъ, или же имъ содержится въ городѣ магазинъ для продажи; получаетъ ли онъ товаръ въ готовомъ видѣ для сбыта отъ кустаря, или же подвергаетъ его окончательной отдѣлкѣ; называетъ ли себя рабочій мастеромъ и держитъ подмастерьевъ, занимается ли онъ кромѣ того земледѣліемъ—кустарь во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ рынкомъ сбыта своихъ издѣлій, незнакомъ съ условіями этого сбыта, и въ этомъ причина его безнадежной экономической слабости.

Въ то время, какъ въ кустарной промышленности капиталъ овладѣваетъ лишь сбытомъ продуктовъ, на фабрикѣ онъ охватываетъ весь процессъ производства. Кустарная промышленность, чтобы справиться съ лежащей на ней производительной задачей, соединяетъ большое число однородныхъ рабочихъ силъ, опредѣляетъ направленіе ихъ производства, почти одинаковое для каждой изъ нихъ, и заставляетъ продукты ихъ труда стекаться какъ бы въ одинъ большой резервуаръ, прежде чѣмъ распространить ихъ по всему свѣту. Фабрика организуетъ весь процессъ производства; она сплочиваетъ разнородныхъ рабочихъ, находящихся между собою въ отношеніяхъ начальствующихъ и подчиненныхъ, въ одно организованное и дисциплинированное цѣлое, соединяетъ ихъ въ одномъ и томъ же принадлежащемъ предпринимателю заведеніи, снабжаетъ послѣднее сложнымъ аппаратомъ механическихъ средствъ производства и такимъ образомъ въ сильнѣйшей степени усиливаетъ ихъ производительность. Фабрика отличается отъ кустарной системы какъ благоустроенная, единообразно вооруженная регулярная армія отъ пестраго состава ополченія.

Секретъ ея силы, какъ производительной организаціи, заключается, слѣдовательно, въ цѣлесообразномъ примѣненіи труда. Для достиженія этого она выбираетъ своеобразный путь, кажущійся на первый взглядъ окольнымъ. Она разлагаетъ весь необходимый въ процессѣ производства трудъ на его простѣйшіе элементы, отдѣляетъ тяжелый трудъ отъ легкаго, механическій отъ

умственнаго, квалифицированный отъ простого. Такимъ образомъ, она осуществляетъ систему послѣдовательныхъ операцій и получаетъ возможность использовать одновременно, одно за другимъ, человѣческую силу всякаго рода обученныхъ и необученныхъ рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, людей физическаго и умственнаго труда, лицъ съ техническимъ, художественнымъ и коммерческимъ образованіемъ. То обстоятельство, что на каждаго возлагается лишь незначительная доля процесса производства, приводитъ къ сильнѣйшему возрастанію общаго количества продукта. Сто фабричныхъ рабочихъ производятъ въ одинаковомъ процессѣ производства, гораздо больше, чѣмъ сто самостоятельныхъ ремесленниковъ, хотя каждый изъ этихъ послѣднихъ знакомъ со всѣмъ процессомъ работы, изъ первыхъ же каждый знакомъ лишь съ небольшой его частью. Поскольку борьба ремесла съ фабрикой происходитъ на почвѣ техники, она доказываетъ, какъ слабый побѣждаетъ сильнаго, если имъ руководятъ лучшія умственныя силы.

Машина не составляетъ существеннаго элемента фабрики; но описанное нами раздѣленіе труда, расчленяя процессъ труда на простыя движенія, въ высокой степени способствовало примѣненію машинъ и ихъ разнообразію. Машинами издавна пользовались въ промышленности,—и рабочими машинами, и двигателями. Но для фабрикъ онѣ пріобрѣли свое настоящее значеніе лишь съ тѣхъ поръ, какъ удалось воспользоваться непрерывно и равномѣрно дѣйствующей, повсюду примѣнимой двигательной силой—паромъ, и то только въ связи со свойственной фабрикѣ системой производства.

Поясннмъ сказанное примѣромъ. Въ 1787 г. кантонъ Цюрихъ насчитывалъ 34.000 ручныхъ прядильщиковъ и прядильщицъ, производящихъ бумажную пряжу; послѣ введенія англійскихъ прядильныхъ машинъ нѣсколько фабрикъ производило то же самое или еще большее количество пряжи, а число ихъ рабочихъ (по большей части женщинъ и дѣтей) составляло еле третью часть прежняго. Какъ это произошло? Благодаря машинамъ? Развѣ прялка не была машиной? Несомнѣнно — и притомъ очень искусной. Слѣдовательно, машина вытѣснила машину. Или точнѣе, то что раньше производила одна прядильщица со своей прялкой, то теперь производится послѣдовательнымъ трудомъ цѣлаго ряда разнородныхъ рабочихъ и разнообразныхъ машинъ.

Весь процессъ пряденія былъ разложенъ на свои простѣйшіе элементы; возникли совершенно новыя манипуляціи, для исполненія которыхъ отчасти годились и незрѣлыя рабочія силы.

Изъ расчлененія труда вытекаютъ дальнѣйшія особенности фабрики: необходимость производства въ крупныхъ размѣрахъ, потребность въ значительномъ капиталѣ, экономическая зависимость рабочихъ.

Въ отношеніи послѣднихъ двухъ пунктовъ мы легко замѣчаемъ существенное различіе между фабричной и кустарной системою. Большой основной капиталъ обезпечиваетъ фабрикѣ непрерывность производства. Въ случаѣ уменьшенія спроса скупщикъ можетъ лишить работы своихъ кустарей, лично не неся при этомъ никакихъ потерь; фабрикантъ же вынужденъ въ этомъ случаѣ продолжать производство, такъ какъ ему грозитъ потеря процентовъ и уменьшеніе цѣнности основного капитала, и онъ можетъ лишиться обученнаго кадра рабочихъ. Поэтому кустарное производство, по всей вѣроятности, продержится еще долго рядомъ съ фабрикой въ отрасляхъ промышленности съ рѣзкими колебаніями спроса и съ большимъ разнообразіемъ сортовъ товара.

Характеризуя въ заключеніе немногими словами всѣ пять формъ промышленности, мы можемъ сказать: домашнее производство есть производство для собственныхъ потребностей, работа на заказъ есть работа на потребителя, ремесло есть производство непосредственно для потребителя, кустарная промышленность есть децентрализованное, а фабрика централизованное товарное производство. И такъ какъ ни одно экономическое явленіе не существуетъ изолированно, то и каждая изъ этихъ формъ промышленности является частью обширной экономической и соціальной организаціи. Домашнее производство есть производство автономнаго домашняго хозяйства; работа на заказъ относится ко времени перехода отъ замкнутаго домашняго хозяйства къ городскому; расцвѣтъ ремесла совпадаетъ съ періодомъ развитаго городского хозяйства; кустарная система составляетъ переходъ отъ городского хозяйства къ національному или народному хозяйству (замкнутому государственному хозяйству), а фабрика есть система производства развитаго народнаго хозяйства.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы стали здѣсь распространяться о томъ, какъ каждая форма промышленности органи-

чески приспособляется къ господствующей въ данное время организаціи производства и какъ она обусловливается цѣлымъ рядомъ родственныхъ явленій въ области добывающей промышленности, личныхъ услугъ, торговли, транспорта и въ свою очередь обусловливаетъ ихъ. Отъ внимательнаго наблюдателя едва ли ускользнетъ то обстоятельство, что всѣ зародыши развитія, описаннаго здѣсь въ своихъ главныхъ этапахъ, кроются въ первоначальной клѣточкѣ общества—семьѣ, или, выражаясь экономически—въ хозяйственной организаціи замкнутаго домашняго хозяйства. Отъ этой древнѣйшей, полной жизни организаціи, въ которой исчезало всякое индивидуальное существованіе, путемъ дифференціаціи и интеграціи постоянно отдѣлялись части, пріобрѣтавшія все больше и больше самостоятельности. Работа на заказъ есть не болѣе какъ отпрыскъ на древѣ замкнутаго домашняго хозяйства; ремесло для своего процвѣтанія еще нуждается въ его охранѣ; кустарная промышленность превращаетъ сбытъ продуктовъ въ самостоятельное предпріятіе, между тѣмъ какъ производство возвращается почти къ первой ступени своего развитія; при фабричной же формѣ промышленности весь процессъ производства проникнутъ предпринимательскимъ принципомъ: фабрика представляетъ собою независимое, свободное отъ всѣхъ потребительскихъ элементовъ, хозяйство, по предмету и по мѣсту отдѣленное отъ домашняго обихода его участниковъ.

Аналогично мѣняется и положеніе рабочаго. Съ возникновеніемъ работы на заказъ промышленный рабочій лично отрывается отъ замкнутаго домашняго хозяйства землевладѣльца; съ переходомъ къ ремеслу онъ, выдѣливъ себѣ орудія производства, становится и матеріально свободнымъ и самостоятельнымъ. При кустарной системѣ онъ лично вступаетъ въ новую зависимость: въ кругъ кліентовъ капиталиста-предпринимателя; при фабричной системѣ онъ становится матеріально зависимымъ отъ послѣдняго. Черезъ четыре этапа развитія онъ отъ крѣпостной зависимости по отношенію къ помѣщику приходитъ къ закрѣпощенію на фабрикѣ.

Въ этомъ развитіи замѣчается извѣстнаго рода параллелизмъ. Отношеніе несвободнаго домашняго производителя къ землевладѣльцу въ древности сходно съ тѣмъ положеніемъ, какое фабричный рабочій занимаетъ по отношенію къ современному предпринимателю, а кустарь находится въ такихъ же отношеніяхъ къ

торговому предпріятію скупщика, какъ работающій на заказъ къ натуральному хозяйству землевладѣльца. Въ серединѣ этого восходящаго и нисходящаго ряда стоитъ ремесло, какъ его краеугольный камень. Отъ домашняго производства до ремесла— постепенная эмансипація рабочаго отъ земли и образованіе капитала; отъ ремесла до фабрики постепенное отдѣленіе капитала отъ труда и подчиненіе рабочаго капиталисту.

На ступени домашняго производства еще нѣтъ капитала, а имѣются лишь предметы потребленія въ разныхъ фазисахъ ихъ годности для потребленія. Все принадлежитъ домашнему хозяйству: сырье, орудія, продуктъ, часто и самъ рабочій. Въ производствѣ на заказъ капиталомъ является лишь инструментъ въ рукахъ рабочаго: сырье же и полуфабрикаты являются домашними запасами, еще не пригодными для потребленія; помѣщеніе принадлежитъ либо тому же домашнему хозяйству, гдѣ впослѣдствіи потребляется готовый продуктъ (отходъ), либо рабочему, его изготовляющему (работа на дому). Въ ремеслѣ инструменты, помѣщеніе и сырье являются капиталомъ въ рукахъ рабочаго; послѣднему принадлежитъ продуктъ, но онъ сбываетъ его всегда лишь непосредственно потребителю. Въ кустарной системѣ производства и продуктъ становится капиталомъ, но не рабочаго, а совершенно новаго, появляющагося на горизонтѣ лица—купца-предпринимателя; рабочій либо сохраняетъ всѣ средства производства, либо лишается сначала капитала съ видѣ матеріала, а затѣмъ капитала въ видѣ орудій. Такимъ образомъ всѣ составныя части капитала въ концѣ концовъ скопляются въ рукахъ фабриканта-предпринимателя, который на этомъ базисѣ организуетъ по новой системѣ промышленное производство. Въ его рукахъ даже доля рабочаго въ продуктѣ становится частью оборотнаго капитала.

Эта доля рабочаго на ступени домашняго производства состоитъ въ участіи въ потребленіи произведенныхъ продуктовъ, при работѣ на заказъ—въ продовольствіи на ряду съ поштучной или поденной платой, включающей въ себѣ и возмѣщеніе за изнашиваніе инструментовъ; при ремеслѣ—въ полномъ продуктѣ производства. Въ кустарной системѣ скупщикъ присвоиваетъ себѣ часть послѣдняго, какъ прибыль на свой оборотный капиталъ; въ фабричной системѣ всѣ могущіе быть капитализированными элементы производства

становятся пунктами скопленія доходовъ съ капитала; рабочему же достается лишь условленная плата.

Не слѣдуетъ однако представлять себѣ историческое развитіе формъ промышленности въ такомъ видѣ, будто каждая новая форма производства вытѣсняетъ предыдущую и дѣлаетъ ее совершенно излишней. Эта такъ же мало имѣетъ мѣсто, какъ вытѣсненіе старыхъ средствъ сообщенія новыми. Желѣзная дорога не устранила ни гужевого транспорта, ни транспорта на судахъ, на вьючныхъ животныхъ и на человѣческихъ спинахъ; она только поставила каждый изъ этихъ болѣе старыхъ способовъ перевозки на то мѣсто, гдѣ онъ лучше всего можетъ проявить свои преимущества. Одновременно съ этимъ необыкновенно возрасло количество необходимаго для народнаго хозяйства транспорта, и въ настоящее время въ культурныхъ государствахъ занято въ перевозочныхъ предпріятіяхъ, по всей вѣроятности, не только абсолютно, но и относительно больше лошадей и людей, чѣмъ въ 1830 году.

Тѣ же причины, которыя вызвали этотъ могучій ростъ сообщеній, дѣйствуютъ и въ промышленности и привлекаютъ къ ней все болѣе возрастающее количество людей, несмотря на постоянное усовершенствованіе механическихъ средствъ производства. И помимо неограниченной возможности вывоза фабрикатовъ, промышленность имѣетъ еще два слѣдующихъ постоянныхъ источника, вызывающихъ ея приростъ:

1. домашнее хозяйство и обрабатывающую промышленность, отъ которыхъ все еще отдѣляются части и образуютъ самостоятельныя отрасли промышленности;

2. непрерывное усовершенствованіе и увеличеніе въ количественномъ отношеніи и въ смыслѣ разнообразія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія нашихъ потребностей.

Что касается перваго пункта, то въ послѣднія десятилѣтія образовались десятки новыхъ промышленныхъ профессій для исполненія такихъ работъ, которыя раньше исполнялись самими хозяйками и прислугой: приготовленіе консервовъ изъ фруктовъ и овощей, печенія, мясныхъ блюдъ, изготовленіе и починка дамскаго и дѣтскаго платья, чистка оконъ, пуху, занавѣсей, химическія прачешныя, натираніе и чистка половъ, устройство газоваго освѣщенія, водоснабженіе и т. п. Въ группѣ „садоводство декоративное и промышленное“ новѣйшая профессіональная статистика

Германіи насчитываетъ 35, въ группѣ „животноводство“ 31 профессію, изъ которыхъ многія очень недавняго происхожденія.

Относительно второго пункта укажемъ лишь на велосипедную промышленность, благодаря которой возникло не только большое число фабрикъ, но и спеціальныя заведенія для починки, спеціальныя мастерскія для производства резиновыхъ шинъ, счетчиковъ и велосипедныхъ спицъ. Еще болѣе разительный примѣръ представляетъ электротехника. Въ германской переписи профессій и промысловъ 1895 г. въ этой области значатся 22 категоріи, которыхъ въ 1882 г. совсѣмъ еще не существовало. Въ одномъ лишь изготовленіи электрическихъ машинъ, аппаратовъ и сооруженій въ 1895 г. въ Германіи было занято 14.194 человѣкъ съ 18.449 членовъ семьи и прислуги, т. е. кормилось 33.000 душъ [16]. Въ металлургической индустріи, въ машиностроительной, въ химической, въ производствѣ издѣлій изъ бумажной массы, въ строительномъ промыслѣ, въ промышленности по изготовленію одежды число профессій между 1882—1895 почти что удвоилось. Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не только спеціализація дѣлаетъ громадные успѣхи, но часто вспомогательныя средства производства и торговли, до сихъ поръ изготовлявшіяся въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя ихъ употребляютъ, теперь производятся въ спеціальныхъ предпріятіяхъ. Промышленность въ этихъ областяхъ не только идетъ навстрѣчу потребностямъ, но часто ихъ предупреждаетъ, какъ это она и всегда дѣлала. Это стремленіе къ усовершенствованію сферы матеріальныхъ благъ ясно

[16]) Согласно появившемуся въ августѣ 1900 г. въ печати сообщенію, д-ръ Бюрнеръ оцѣнивалъ тогда капиталы германскихъ фирмъ, занимающихся изготовленіемъ предметовъ электротехники круглымъ счетомъ въ 800 мил. марокъ, а фонды обществъ, занимающихся устройствомъ электрическихъ дорогъ и сооруженій, въ 450 мил. марокъ. Электрическія дороги, сооруженія и станціи въ Германіи представляютъ по различнымъ предположеніямъ цѣнность въ 1250 мил. марокъ, такъ что нѣмецкая электротехника въ цѣломъ составляетъ капиталъ приблизительно въ $2^1/_2$ милліарда марокъ. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду то, что капиталы упомянутыхъ обществъ отчасти вновь повторяются въ цифрѣ основныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ электрическія дороги и сооруженія. Такой же примѣръ даетъ производство автомобилей, которое, по вычисленію Бюрнера, въ 1905 г. прямо и косвенно доставляло занятіе 100.000 чел. въ Германіи и 300.000 во Франціи.

выступаетъ въ реестрахъ патентовъ; хотя многія изъ новыхъ изобрѣтеній не оправдываютъ себя на практикѣ, но остается все-таки значительная часть, обогащающая нашу жизнь.

Если бы мы были въ состояніи обозрѣть статистически все количество промышленныхъ продуктовъ, изготовляемыхъ ежегодно въ Германіи, такимъ образомъ, чтобы можно было различить, что̀ произведено на фабрикахъ, что̀ кустарной промышленностью, что̀ ремесломъ, что̀ работой на заказъ и что̀ домашнимъ производствомъ, то несомнѣнно оказалось бы, что большая часть фабричныхъ товаровъ состоитъ изъ такихъ предметовъ, которыхъ никогда никакая другая система производства не производила и что въ настоящее время ремесло абсолютно производитъ большее количество продуктовъ, чѣмъ когда-либо раньше. Конечно, кустарная промышленность и фабрика совершенно поглотили нѣкоторыя мелкія ремесла, а во многихъ другихъ съузили сферу ихъ производства. Но всѣ крупныя цеховыя ремесла, существовавшія въ концѣ XVIII столѣтія—за исключеніемъ, быть можетъ, одного ткацкаго—существуютъ еще и теперь. На почвѣ свободной конкурренціи происходитъ постоянное вытѣсненіе ремесла болѣе совершенными системами производства,—подобно тому какъ въ средніе вѣка ремесло, хотя и не такъ быстро, вытѣсняло домашнее производство и работу на заказъ. И эта всеобщая конкурренція, при содѣйствіи усовершенствованной системы транспорта и сообщеній, часто вынуждаетъ къ переходу отъ производства для потребителей къ товарному производству, даже и въ тѣхъ случахъ, когда первое по техническимъ условіямъ, быть можетъ, могло бы еще существовать. Многіе самостоятельные мастера становятся въ зависимость отъ скупщика или фабрики, подобно тому какъ ихъ предшественники тысячу лѣтъ тому назадъ находились въ зависимости отъ феодала.

Такимъ образомъ, ремесло и въ экономическомъ и въ соціальномъ отношеніи отодвинуто на второй планъ; но если оно не можетъ больше процвѣтать въ крупныхъ городахъ, то оно тѣмъ болѣе распространилось въ деревнѣ и здѣсь породило многочисленныя связанныя съ земледѣліемъ предпріятія, на которыхъ съ удовольствіемъ останавливается глазъ человѣколюбивыхъ людей. Ремесло, надо думать, такъ же мало исчезнетъ, какъ исчезло домашнее производство или работа на заказъ. То, что оно дало обществу во время господства феодальнаго строя—стойкій классъ неза-

висимыхъ отъ землевладѣльцевъ людей, основывавшихъ свое существованіе на собственныхъ способностяхъ и на небольшомъ движимомъ имуществѣ, очагъ гражданскаго долга и честности — останется и должно остаться его достояніемъ, хотя будущіе носители этихъ добродѣтелей, вѣроятно, будутъ поддерживать свое существованіе инымъ путемъ.

Нѣсколько времени тому назадъ раздался весьма настойчивый призывъ къ устраненію всѣхъ болѣе старыхъ формъ промышленности. Указывалось, что ремесло, кустарная промышленность, всѣ мелкія формы производства вообще, парализуютъ національную „производительность"; это „отсталые, отжившіе свой вѣкъ, грубые, чтобы не сказать: задерживающіе соціальное развитіе способы производства", которые въ собственномъ интересѣ тѣхъ, кто ихъ примѣняетъ, должны уступить мѣсто „разумной и цѣлесообразной организаціи и нормировкѣ человѣческой дѣятельности въ крупныхъ размѣрахъ", если мы не хотимъ, чтобы и впредь національное производство фактически оставалось далеко позади того, что оно технически въ состояніи дать.

Столь близорукая кабинетная логика въ области экономической политики не представляетъ ничего новаго. Было время, когда на каждаго деревенскаго башмачника, который лично сажалъ свой картофель и капусту, смотрѣли какъ на своего рода врага возможно большаго возрастанія народнаго богатства и весьма охотно заставили бы его полицейскими средствами оставаться при своей колодкѣ, даже если бы ему пришлось при этомъ умереть съ голоду. Вѣдь испоконъ вѣковъ было гораздо легче распоряжаться вещами, чѣмъ ихъ понимать.

Если бы вмѣсто такого рода отрицательнаго отношенія было произведено безпристрастное изслѣдованіе условій существованія этихъ яко бы отжившихъ болѣе раннихъ методовъ производства, то вскорѣ убѣдились бы въ томъ, что тамъ, гдѣ они сохранились до сихъ поръ, они въ большинствѣ случаевъ съ экономической и соціальной точки зрѣнія имѣютъ право на существованіе, и что средство для устраненія замѣченныхъ въ нихъ недостатковъ надо искать на той почвѣ, въ которой коренятся эти формы производства, — а не примѣнять къ нимъ столь убійственные методы лѣченія. Въ такомъ случаѣ усилія направлены были бы на то, чтобы сохранить преимущества, свойственныя, несомнѣнно,

каждой изъ этихъ формъ производства, устраняя лишь ихъ недостатки.

Ибо таковъ, въ концѣ концовъ, отрадный результатъ всякаго серьезнаго историческаго изслѣдованія: ни одинъ проникшій въ жизнь народовъ культурный элементъ не погибаетъ, но каждый изъ нихъ, даже когда время его господства прошло, продолжаетъ на болѣе скромномъ мѣстѣ содѣйствовать достиженію великой цѣли, въ которую мы всѣ вѣримъ—достиженію все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ человѣческой жизни.

V.

Упадокъ ремесла.

Въ Германіи существуетъ два ремесленныхъ вопроса. Одинъ — это вопросъ, интересующій газеты и парламенты, онъ съ 1848 не разъ весьма сильно занималъ общественное мнѣніе. Это вопросъ о томъ, въ какой степени спеціальныя нужды ремесленниковъ должны находить свое выраженіе въ законодательствѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ взаимоотношенія силъ политическихъ партій.

Другой ремесленный вопросъ—это вопросъ о жизнеспособности ремесла, какъ формы промышленности. Это вопросъ гамлетовскаго монолога: быть или не быть! Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ фактовъ. Точнѣе надо его формулировать такъ: въ какой мѣрѣ ремесло до сихъ поръ оказывалось жизнеспособнымъ? Въ какихъ областяхъ производства оно еще играетъ господствующую роль?

Пока политика считается не только съ пожеланіями и настроеніями, но и съ фактами, она не рѣшится дать отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ, пока не будетъ рѣшенъ второй. До послѣдняго времени для этого недоставало необходимыхъ данныхъ. Но союзъ соціальной политики (Verein für Socialpolitik) организовалъ обширную анкету относительно всѣхъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя прежде имѣли форму ремесла, [1]) и поэтому будетъ вполнѣ своевременнымъ дать общій обзоръ полученныхъ результатовъ. Я не намѣренъ касаться нынѣшняго положенія отдѣльныхъ

[1]) Untersuchungen über die Lage des Handwerks in Deutschland mit besonderer Rücksicht auf seine Konkurrenzfährigkeit gegenüber der Grossindustrie: Schriften des Vereins für Socialpolitik. стр. 62—70. Leipzig 1894—97. Кромѣ того одинъ томъ объ Австріи (71). Девять томовъ, касающихся Германіи, составлены подъ руководствомъ и при дѣятельномъ участіи автора настоящей книги. Дополненіемъ является анкета о положеніи ремесла, предпринятая лѣтомъ 1895 г. и обработанная въ имперскомъ статистическомъ бюро. 3 вып. Берлинъ 1895—96.

промысловъ и ихъ видовъ на будущее [2]). Я хочу выяснить общій характеръ развитія, совершившійся въ теченіе почти столѣтняго періода. При этомъ представится возможность ознакомиться съ дѣйствующими въ современномъ народномъ хозяйствѣ творческими и разрушительными силами во всемъ ихъ могуществѣ и разнообразныхъ способахъ ихъ вліянія.

Сто лѣтъ тому назадъ ремесло еще вполнѣ господствовало, не имѣя конкуррентовъ, во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ, которыя оно унаслѣдовало отъ среднихъ вѣковъ, и въ тѣхъ, которыя оно успѣло вновь пріобрѣсти въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Правда, рядомъ съ нимъ существовало незначительное число фабрикъ и мануфактуръ; но онѣ развивались независимо отъ ремесла. То, что онѣ производили, никогда не составляло объекта ремесленнаго труда. Между этими новыми формами производства и цеховымъ ремесломъ не было конкурренціи. На цехи, какъ таковые, государство тоже не посягало: они были лишь подчинены общему земскому законодательству и такимъ образомъ отчасти лишились своего мѣстно-городскаго характера. Они получили даже болѣе широкое распространеніе благодаря тому, что цеховую организацію ввели и въ такихъ ремеслахъ, которыя, вслѣдствіе слишкомъ ничтожнаго числа представителей въ отдѣльныхъ городахъ, до этого времени не могли образовать мѣстныхъ цеховъ. Общеземскіе цехи, которые были учреждены для этихъ „мелкихъ ремеслъ“, и „общецеховой уставъ“, обнимавшій и объединявшій ремесленные статуты всѣхъ мѣстныхъ цеховъ, формально удовлетворяли требованіямъ современнаго народнаго хозяйства. По существу же мѣстныя и профессіональныя привилегіи сбыта, обязанность продажи произведеній на городскомъ рынкѣ и городская черта остались въ полной силѣ. О конкурренціи между ремесленниками одного и того же промысла, проживающими въ различныхъ городахъ, и между различными ремеслами въ одномъ и томъ же городѣ не могло быть и рѣчи; поселеніе въ деревняхъ для большинства ремеслъ было запрещено, пріобрѣтеніе самостоятельности для всѣхъ подмастерьевъ, которые не были сыновьями или зятями мастеровъ, было крайне затруднено.

---

[2]) Съ этой точки зрѣнія обзоръ результатовъ анкеты даетъ Г. Грандке въ «Schmollers Jhb. für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft» XXI (1897), стр. 1031 сл.

Каково же было положеніе мастеровъ въ ту эпоху, когда они находились въ исключительномъ обладаніи этими правами?

Большинство тѣхъ, которые въ настоящее время говорятъ и пишутъ о ремеслѣ, представляютъ себѣ мастеровъ „эпохи расцвѣта ремесла“ въ видѣ состоятельныхъ людей, располагающихъ „значительнымъ для того времени капиталомъ“, имѣющихъ собственные дома и обширныя мастерскія, работающихъ вмѣстѣ съ отборными подмастерьями и учениками, лично весьма дѣльныхъ, честныхъ и уважаемыхъ. Всѣ, кто описываетъ эту эпоху, погружаютъ свои кисти въ тѣ сочныя краски, которыя необходимы, когда приходится рисовать картину полнаго благополучія.

Откуда они взяли эту картину? Я напрасно силился найти ее въ XVIII-мъ или въ XVII-мъ столѣтіи. И наши классическіе поэты видно тоже не имѣли ея передъ глазами, такъ какъ ихъ „кумъ портной и перчаточникъ“ жалкіе, ограниченные персонажи. Въ огромномъ большинствѣ небольшихъ городовъ мастера сводятъ концы съ концами только благодаря обработкѣ клочка земли и доходному праву пивоваренія; въ большихъ городахъ—благодаря лавчонкѣ, которую многіе изъ нихъ заводятъ наряду съ мастерской. Даже по отношенію къ такому городу, какъ Лейпцигъ, имѣвшему большое экономическое значеніе, изъ громаднаго количества сохранившихся административныхъ актовъ XVII и XVIII столѣтія не получается такого впечатлѣнія, будто тамошніе ремесленники въ среднемъ отличались зажиточностью, и богатая литература о цехахъ, сохранившаяся съ конца этого періода, какъ и „Патріотическія фантазіи“ Юстуса Мезера во многихъ мѣстахъ свидѣтельствуютъ о весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

Несмотря на всѣ преграды къ пріобрѣтенію правъ мастера, установленныя цехами, имъ не удалось избѣгнуть переполненія цеховъ. У пекарей и мясниковъ, на которыхъ обыкновенно ссылаются какъ на примѣръ зажиточности, печеніе и бой по очереди были почти общераспространеннымъ явленіемъ, т. е. было такъ много мастеровъ, что не каждый пекарь могъ печь ежедневно, и не каждый мясникъ могъ еженедѣльно бить штуку скота. Еще въ 1817 г. одинъ писатель приводитъ въ качествѣ нормальнаго случая, что въ Баваріи въ одномъ городѣ съ 10-ю пекарями ежедневно потребляются три печи хлѣба, такъ что на каждаго приходитъ очередь печь два раза въ недѣлю. Мясники могли регу-

лярно бить лишь мелкій скотъ и, повидимому, въ сѣверо-германскихъ городахъ считалось уже благопріятнымъ случаемъ, если въ недѣлю на 5—6 мастеровъ приходилась одна голова рогатаго скота.

Почти всѣ цеховыя ремесла имѣли въ своихъ уставахъ предписаніе о максимальномъ числѣ подмастерьевъ и учениковъ, которыхъ могъ держать каждый мастеръ. Обыкновенно оно ограничивалось двумя и въ XVIII столѣтіи только въ отдѣльныхъ случаяхъ переходило за эту цифру. Большинство мастеровъ при нормальныхъ условіяхъ не могло имѣть этого числа. Если допустимъ, что со времени пріобрѣтенія званія мастера до смерти мастера въ среднемъ протекало 30 лѣтъ, и что самостоятельность пріобрѣталась обыкновенно въ возрастѣ отъ 28-го до 30-го года жизни, то и тогда, если бы всѣ изучившіе ремесло, выходили въ мастера, подмастерьевъ и учениковъ вмѣстѣ взятыхъ могло въ лучшемъ случаѣ быть не болѣе половины числа мастеровъ.

Въ дѣйствительности эти числа нерѣдко бывали еще гораздо меньше. Въ 1784 г. въ магдебургскомъ герцогствѣ было 27.050 самостоятельныхъ мастеровъ, и лишь 4.285 подмастерьевъ и учениковъ. Въ то же время въ вюрцбургскомъ герцогствѣ насчитывалось 3.762 мастеровъ и 2.176 подмастерьевъ и учениковъ [1]). Въ обоихъ государствахъ на 100 мастеровъ приходится только 15,8 подмастерьевъ и учениковъ, такъ что если предположить равномѣрное распредѣленіе помощниковъ среди мастеровъ, то едва на каждаго шестого мастера приходился одинъ подмастерье или ученикъ. Такимъ образомъ, болѣе 5/6 всѣхъ мастерскихъ были одиночными предпріятіями. Городъ Бохумъ въ 1780 г. насчитывалъ на 13 столяровъ 2 подмастерьевъ, на 26 сапожниковъ 3 подмастерьевъ, на 21 пекаря, 8 плотниковъ и 5 каменщиковъ по одному подмастерью, въ другихъ же промыслахъ ихъ вовсе не было.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пруссіи, особенно въ Берлинѣ, условія были нѣсколько лучше: но вообще необходимо отрѣшиться отъ представленія, будто исходной точкой современнаго промышленнаго развитія было состояніе всеобщаго благополучія. Все, что въ прежнія времена могли имѣть ремесленники, сводилось въ лучшемъ случаѣ къ скромному, безбѣдному существованію, обез-

---

1) По Шмоллеру: Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert. стр. 21 сл.

печенію отъ безработицы и отъ притѣсненія со стороны своего же брата. Они находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ потребителями, а при отсутствіи заказовъ работаютъ на запасъ и сбываютъ эти продукты на ярмаркѣ; въ цехѣ крѣпко держатся другъ за друга, когда рѣчь идетъ о недопущеніи кого-либо къ пріобрѣтенію правъ мастера, о преслѣдованіи ремесленника, не имѣющаго правъ на занятіе промысломъ, или о борьбѣ со смежными ремеслами, переходящими за отмежеванную для нихъ сферу промысла; но по отношенію другъ къ другу они исполнены самой мелочной профессіональной зависти и доставляютъ много хлопотъ судамъ и администраціи. Таково было старое ремесло.

По существу въ этомъ отношеніи мало измѣнилось вплоть до 40-хъ годовъ XIX столѣтія. Со времени Наполеона старая ремесленная организація неоднократно подвергалась смягченію, но отмѣнена она была въ большей части Германіи лишь въ 60-хъ годахъ. Она замѣнилась свободой избранія профессіи. Каждый могъ теперь заниматься любымъ ремесломъ въ любомъ мѣстѣ и въ любыхъ размѣрахъ. Пали мѣстныя запрещенія; каждый промышленникъ могъ во всякомъ мѣстѣ сбывать свои издѣлія и вынужденъ былъ допустить въ мѣстѣ своего жительства чужую конкурренцію. Пали преграды между отдѣльными промыслами; каждый могъ производить то, что ему было выгодно.

Все это произошло при полномъ согласіи со стороны самихъ ремесленниковъ; убѣжденіе, что старый ремесленный уставъ не можетъ быть сохраненъ, раздѣлялось всѣми—по крайней мѣрѣ, въ болѣе развитыхъ въ хозяйственномъ отношеніи частяхъ Германіи, и если какое-либо изъ прежнихъ учрежденій было отмѣнено при одобреніи всей націи, то это былъ цеховой строй. Единственное опасеніе, которое кое-гдѣ высказывалось, состояло въ томъ, что институтъ ученичества придетъ въ упадокъ и что начнутъ самостоятельно заниматься ремесломъ многіе, не изучившіе надлежащимъ образомъ своей профессіи. Это опасеніе оказалось совершенно лишеннымъ основанія. Согласно результатамъ ремесленной анкеты въ 1895 г., въ различныхъ округахъ имперіи 97% самостоятельныхъ ремесленниковъ получило соотвѣтственную ремесленную подготовку; незначительная остальная часть состоитъ главнымъ образомъ изъ такихъ, которые получили свое техническое образованіе въ учебныхъ мастерскихъ и профессіональныхъ школахъ,

въ учрежденіяхъ для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, тюрьмахъ и казармахъ.

Иначе отразилось вліяніе новыхъ условій на количествѣ, распредѣленіи по мѣстности и размѣрахъ промышленныхъ заведеній. Первоначально существовало опасеніе, что съ появленіемъ множества мелкихъ, лишенныхъ капитала мастеровъ, возникнетъ масса ничтожныхъ по своимъ размѣрамъ промышленныхъ заведеній: но это ничуть не оправдалось. Наоборотъ, въ городахъ за послѣднія десятилѣтія. послѣ краткаго переходнаго періода, количество промышленныхъ заведеній въ среднемъ уменьшилось, а капиталъ ихъ и число работниковъ увеличились, поскольку причины, лежащія внѣ промышленнаго законодательства. не дѣлали вообще сомнительнымъ существованіе данныхъ отраслей промышленности. Одновременно замѣчается могучій ростъ ремесленнаго производства въ деревнѣ, гдѣ оно въ настоящее время почти такъ же сильно, какъ въ городахъ.

Это уравненіе города и деревни защитники свободы промысловъ въ свое время предусматривали и стремились къ нему. Точно такъ же вполнѣ оправдались ожиданія, что, благодаря свободѣ промысловъ, болѣе дѣльные среди ремесленниковъ съумѣютъ вступить на путь техническаго прогресса и выдвинуться и достигнуть болѣе высокаго экономическаго положенія. Тысячи городскихъ ремесленниковъ изъ послѣднихъ двухъ поколѣній стали крупными фабрикантами или, по крайней мѣрѣ, мелкими капиталистами-предпринимателями и воспользовались въ полной мѣрѣ успѣхами техники за это время. Имъ свобода промысловъ дала возможность расширить область своего производства и сбыта и вполнѣ проявить свои личныя способности. Все это теперь совершенно упускается изъ виду.

Конечно, еще больше число тѣхъ, которые не преуспѣли, а остались въ томъ же положеніи, что и прежде, спустились на степень починщиковъ и кустарей или стали фабричными рабочими. Цѣлыя отрасли промышленности, прежде производимыя ремесленнымъ способомъ, близки къ совершенному исчезновенію или же потеряны для ремесла, какъ формы производства. Другія еще борятся за свое существованіе. Здѣсь происходитъ крупный процессъ разложенія и преобразованія; въ результатѣ этого процесса ремесло замѣняется другими формами производства, будетъ ли те-

фабрика и кустарная система или же смѣшанныя формы, которыя возникаютъ всегда въ переходные періоды.

Широкая публика довольствуется краткими формулами, которыя должны выражать все, что здѣсь происходитъ: вытѣсненіе ручного труда машиной, уничтоженіе ремесла фабрикой. Единственной причиной этого считаютъ меньшія издержки производства при употребленіи машинъ.

Крупнѣйшей заслугой новѣйшихъ изслѣдованій о ремеслѣ является то, что они раскрыли настоящую цѣну этихъ формулъ и показали, что причина значительной части происшедшихъ перемѣнъ кроется не въ успѣхахъ промышленной техники, а въ измѣнившемся характерѣ спроса, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ ремесло падаетъ даже и безъ того, чтобы машинное производство конкуррировало съ нимъ. Необходимо сначала вкратцѣ охарактеризовать эти измѣненія въ организаціи спроса, такъ какъ они создаютъ условія, среди которыхъ происходитъ все это развитіе.

Прежде всего произошла мѣстная концентрація спроса. Сильное скопленіе людей въ большихъ городахъ, образовавшихся въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, далѣе армія, крупныя государственныя и общинныя учрежденія (тюрьмы, больницы, учебныя заведенія), обширныя транспортныя предпріятія, фабрики и крупныя торговыя заведенія, банки и страховыя общества—всѣ они составляютъ центры массоваго спроса на продукты промышленности. Къ этому присоединяются крупные магазины, экспортныя предпріятія и потребительныя общества, которыя сосредоточиваютъ въ немногихъ пунктахъ спросъ широкихъ слоевъ населенія и, во всякомъ случаѣ, не могутъ его уже удовлетворять въ качествѣ заказчиковъ отдѣльныхъ ремесленниковъ.

Вторымъ моментомъ является то, что современная культурная жизнь во многихъ областяхъ поставила промышленности грандіозныя задачи, которыхъ совершенно невозможно рѣшить средствами и способами производства, присущими ремеслу, хотя каждая изъ нихъ требуетъ обыкновенно много ремесленнаго труда. Изготовленіе локомотива, парового элеватора, скоропечатной машины, постройка моста или военнаго корабля, снабженіе городской конно-желѣзной дороги рельсами и подвижнымъ составомъ неисполнимо при помощи однихъ лишь ремесленныхъ инструментовъ и силъ ремесленника. Для этого нужны механическія приспособленія

огромной силы, высокообразованные техники и рабочіе самыхъ разноообразныхъ спеціальностей.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подобнаго рода задачи съ технической точки зрѣнія могли бы быть рѣшены средствами ремесла, ихъ передача ремесленникамъ экономически невозможна, вслѣдствіе связанной съ этимъ большой потери процента. Въ средніе вѣка соборъ могъ строиться двумя-тремя поколѣніями и даже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій: но что было бы, если бы въ настоящее время понадобилось столько времени для постройки вокзала! Когда въ 1896 г. сдавался подрядъ на постройку главнаго павильона на саксонско-тюрингенской промышленной выставкѣ, сначала обратились къ мѣстнымъ плотникамъ, т. е. къ предпринимателямъ, работающимъ съ весьма значительнымъ капиталомъ и привыкшимъ къ большимъ заказамъ. Но никто изъ нихъ не рѣшался взять подрядъ, изъ-за краткости срока и большого риска. Послѣ этого вошли въ переговоры съ крупной строительной фирмой во Франкфуртѣ на Майнѣ, и черезъ нѣсколько часовъ договоръ былъ заключенъ: въ тотъ же вечеръ телеграфъ работалъ во всѣхъ направленіяхъ; восемь дней спустя на мѣстѣ постройки уже дѣйствовали паровыя сваебойныя машины и цѣлые поѣзда привозили изъ Галиціи необходимый строительный матеріалъ.

Можно прямо сказать, что въ настоящее время существуютъ въ области промышленности задачи такихъ размѣровъ, что лишь немногія, быть можетъ, всего одна или двѣ фирмы въ Европѣ въ состояніи ихъ выполнить. Для этого рядомъ съ фабрикой, сила которой состоитъ въ массовомъ производствѣ однородныхъ товаровъ, выработался новый типъ предпріятія, существованіе котораго основано на рѣшеніи задачъ огромныхъ размѣровъ. Эту новѣйшую отрасль крупныхъ промышленныхъ предпріятій можно было бы обозначить уже принятымъ терминомъ комбинированнаго предпріятія (Fabrikationsanstalt). Во главѣ ихъ стоитъ цѣлый штатъ опытныхъ техниковъ, располагающихъ обширными механическими приспособленіями, съ которыми самымъ производительнымъ образомъ сочетается необходимый ремесленный трудъ.

Но спросъ на промышленный трудъ не только сосредоточился по мѣстности и сконденсировался въ крупныя производительныя задачи, но сталъ также однороднѣе и потому пріобрѣлъ болѣе массовой характеръ. Въ наше время замѣтна тенденція къ нивел-

лировкѣ, сглаживающей различія жизненныхъ привычекъ и обычаевъ разныхъ слоевъ населенія. Народные костюмы почти исчезли, обстановка квартиры, кухни стала богаче, но однообразнѣе. Даже въ самомъ скудномъ хозяйствѣ найдется керосиновая лампа, машинка для варки кофе, немного эмалированной кухонной посуды, нѣсколько фотографическихъ снимковъ въ рамкахъ. Чтобы товаръ, въ которомъ ощущается потребность, сталъ доступенъ и для менѣе зажиточныхъ классовъ населенія, онъ долженъ изготовляться легко и дешево. Если какой нибудь предметъ подвергается частымъ колебаніямъ моды, то появляется спросъ на дешевый товаръ также и въ болѣе зажиточныхъ слояхъ общества, которые такимъ образомъ стараются компенсировать издержки, вызванныя капризами моды. Такъ возникаетъ массовой спросъ на дешевый товаръ, для изготовленія котораго соотвѣтственной формой производства является типъ фабрики. Ремесленный трудъ слишкомъ дорогъ для этого: тамъ, гдѣ онъ технически возможенъ, онъ долженъ до крайности спеціализироваться и тогда неизбѣжно теряетъ почву для работы на потребителя.

Наконецъ, необходимо указать еще на одно обстоятельство, лежащее въ сферѣ домашняго хозяйства. Домашнее хозяйство все болѣе лишается оставшихся при немъ отъ прежнихъ временъ производительныхъ элементовъ и ограничивается лишь регулированіемъ потребленія. Когда нашимъ дѣдамъ нуженъ былъ диванъ, они прежде всего поручали столяру изготовленіе остова, затѣмъ они покупали кожу, конскій волосъ, пружины и брали на домъ обойщика. Подобнымъ же образомъ они поступали почти съ каждымъ болѣе крупнымъ предметомъ. Въ настоящее время профессіональныя занятія, поглощающія каждаго цѣликомъ, часто до истощенія силъ, не допускаютъ болѣе такого участія въ производствѣ. То, въ чемъ мы нуждаемся, мы хотимъ и вынуждены покупать въ совершенно готовомъ видѣ; мы желаемъ быстраго удовлетворенія нашихъ потребностей и охотнѣе отказываемся отъ вещей, которыя выражаютъ нашъ личный вкусъ, чѣмъ подвергаемъ себя риску заказа у разныхъ производителей. Съ этимъ промышленность должна считаться.

Та же тенденція развитія даетъ себя знать и въ такихъ областяхъ, гдѣ отдѣльный ремесленникъ изстари доставлялъ готовый фабрикатъ. И въ этой области современный городской потребитель не желаетъ болѣе вступать въ непосредственныя сношенія

съ нимъ, заказывая каждый отдѣльный предметъ, который ему нуженъ. Онъ не любитъ ждать; онъ знаетъ, что исполненіе часто не соотвѣтствуетъ требованіямъ; прежде чѣмъ купить, онъ хочетъ выбирать, сравнивать.

Такимъ образомъ даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ технически производственная задача ремесленнику вполнѣ по силамъ, онъ не можетъ больше работать на потребителя: онъ не исполняетъ болѣе отдѣльныхъ заказовъ, а работаетъ исключительно про запасъ, что онъ прежде дѣлалъ лишь въ крайнемъ случаѣ: чтобы дойти до потребителя, онъ нуждается въ посредничествѣ магазина. Но благодаря тому, что прекращаются личныя сношенія между производителемъ и потребителемъ, промыселъ теряетъ характеръ ремесла: онъ становится капиталистическимъ, требуетъ коммерческаго веденія дѣла, и затѣмъ все уже зависитъ отъ того, что выгоднѣе: крупное или мелкое производство. Въ первомъ случаѣ прежней областью ремесла овладѣваетъ фабрика, во второмъ—кустарная промышленность.

Ибо даже тамъ, гдѣ спросъ въ настоящее время не выступаетъ еще въ видѣ сконцентрированнаго массоваго спроса и не сконденсированъ въ крупныя производительныя задачи, онъ, благодаря своему однообразію и своей оторванности отъ домашняго хозяйства, можетъ быть сосредоточенъ въ немногихъ пунктахъ. Усовершенствованныя средства сообщенія, низкіе почтовые и телеграфные тарифы, быстрота и правильность транспорта товаровъ и передачи извѣстій, безчисленныя средства рекламъ и объявленій оказываютъ при этомъ могучее содѣйствіе. Свобода промышленности нашла, слѣдовательно, когда вступила въ жизнь, хорошо подготовленную почву; она лишь создала правовыя формы, соотвѣтствующія характеру спроса въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Всѣ эти такъ долго искусственно отдѣленные другъ отъ друга мѣстные круги потребителей ремесленныхъ издѣлій могли теперь при посредствѣ торговли соединиться въ обширный кругъ кліентовъ фабрики или кустарной промышленности, который не находилъ себѣ преграды даже за границами страны.

Сконцентрированный спросъ не можетъ быть удовлетворенъ разсѣяннымъ на мелкія части производствомъ. Параллельно съ концентраціей спроса долженъ былъ идти процессъ концентраціи въ области производства, а отъ него-то и гибнетъ ремесло.

Но это весьма сложный процессъ и нелегко отдѣлить другъ отъ друга отдѣльные моменты, изъ которыхъ онъ состоитъ. Тѣмъ не менѣе мы попытаемся это сдѣлать и именно такимъ образомъ, что основаніемъ для нашихъ подраздѣленій будетъ служить судьба ремесла. Получается пять слѣдующихъ случаевъ:

1. Вытѣсненіе ремесла однороднымъ фабричнымъ производствомъ.

2. Съуженіе области его производства фабрикой или кустарной промышленностью.

3. Включеніе ремесла въ крупное предпріятіе.

4. Оскудѣніе ремесла вслѣдствіе измѣненій въ характерѣ спроса.

5. Низведеніе ремесла на степень домашняго потогоннаго производства на магазинъ.

Нерѣдко нѣсколько изъ этихъ моментовъ дѣйствуютъ одновременно. Но мы при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи постараемся по возможности ихъ изолировать.

1. Сравнительно рѣдко крупное капиталистическое производство атакуетъ ремесло по всему фронту, чтобы вытѣснить его изъ всей занимаемой имъ области производства. Изъ случаевъ прежняго времени укажу на ткачество, производство часовъ и ружей, а равно на болѣе мелкіе промыслы, выдѣлывающіе булавки, пуговицы, оружіе, карты, чулки; изъ случаевъ новѣйшаго времени—на шляпный, сапожный промыселъ, красильное производство, мыловареніе, канатное ремесло, гвоздарный и ножевой промыселъ, выдѣлку гребенокъ; сюда до извѣстной степени относится также пивовареніе и бочарное ремесло.

Процессъ вытѣсненія ремесла происходитъ то съ большей, то съ меньшей скоростью въ зависимости отъ того, работало ли данное ремесло уже и ранѣе для сбыта на ярмаркахъ и въ магазинахъ, или же производило только на заказъ. Такъ напримѣръ, изготовленіе для ярмарки подготовило пути сбыта для механическаго производства сапогъ, потому что оно уже давно пріучило извѣстные круги населенія къ покупкѣ готовой обуви.

Результатъ такого развитія получается для ремесла различный, въ зависимости отъ того, возможна ли починка подержаннаго продукта фабричной промышленности, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ ремесло исчезаетъ совершенно; въ первомъ оно становится

починочнымъ ремесломъ, соединеннымъ съ магазиномъ или существующимъ безъ него. Содержаніе магазина съ фабричнымъ товаромъ ремесленникомъ той же профессіи нельзя назвать неблагопріятной метаморфозой; но этого могутъ достигнуть лишь ремесленники, обладающіе извѣстнымъ капиталомъ. Наоборотъ, часто починочный промыселъ легко теряетъ почву подъ ногами, если фабричный товаръ цѣликомъ поступаетъ въ розничную продажу къ купцамъ. Ибо въ этомъ случаѣ большинство потребителей предпочитаетъ обращаться за починками въ тотъ магазинъ, гдѣ они пріобрѣли новый товаръ. Владѣлецъ магазина держитъ подмастерья или передаетъ починку мелкимъ мастерамъ, что значительно сокращаетъ доходъ послѣднихъ и ставитъ ихъ въ совершенно зависимое положеніе. Кромѣ того и починочное дѣло въ свою очередь можетъ вестись въ крупныхъ размѣрахъ, какъ напримѣръ, промыселъ перекрашиванія лоскутовъ, работающій при помощи значительнаго капитала и имѣющій собственныя складочныя мѣста. Наконецъ, благодаря очень дешевой фабрикаціи новыхъ товаровъ (часы, сапоги), починка можетъ оказаться совершенно излишней: она стоила бы дороже, чѣмъ новый предметъ замѣняющій старый.

2. Гораздо чаще имѣетъ мѣсто второй рядъ процессовъ развитія, когда дѣло идетъ не о совершенной потерѣ ремесломъ производства новыхъ предметовъ, а лишь о съуженіи области его производства фабрикой или кустарной промышленностью. Но причины этого процесса могутъ быть весьма различныя. Не пытаясь быть исчерпывающими, мы укажемъ лишь на четыре изъ нихъ:

а) Различныя ремесла сливаются въ единое промышленное заведеніе, какъ-то: столяры, рѣзчики по дереву, токари, обойщики, маляры, лакировщики—въ мебельную фабрику: каретники, кузнецы, сѣдельники, стекольщики—въ каретную фабрику; корзинщики, столяры, каретники, сѣдельники, кузнецы, слесаря, лакировщики—въ фабрику дѣтскихъ колясокъ. Укажу далѣе на всякаго рода машиностроительные, паровозостроительные и вагоностроительные заводы, фабрики роялей, дорожныхъ вещей, билліардовъ, а также заведенія для устройства фабричныхъ предпріятій (винокуренныхъ, пивоваренныхъ заводовъ и т. п.). Обыкновенно та доля производства, которой лишается отдѣльное ремесло благодаря такому включенію, составляетъ лишь незначительную часть прежней области его труда и сбыта. Но если подобныя кровопусканія повторяются

часто, какъ у токарей, сѣдельниковъ, слесарей, то въ концѣ концовъ остается весьма мало, и ремесло можетъ погибнуть отъ истощенія.

b) Ремесло лишается отдѣльныхъ доходныхъ товаровъ, поддающихся фабричному или массовому кустарному производству. Такъ, переплетное ремесло утратило почти всю свою обширную область производства въ пользу болѣе чѣмъ сорока спеціальныхъ видовъ предпріятія; у него остались лишь отдѣльные переплеты для частныхъ заказчиковъ. Корзиночное ремесло отдало работу высшаго качества кустарной промышленности: дѣтскія коляски, кресла и т. п.—фабрикамъ, ремеслу же осталось лишь грубое плетеніе изъ ивовыхъ прутьевъ. Слесарь потерялъ даже предметъ, отъ котораго происходитъ его названіе—замокъ (Schloss), щеточникъ — производство кистей, зубныхъ и ногтевыхъ щетокъ, столяръ — средній сортъ мебели (берлинскую мебель), а простую мебель изъ сосноваго дерева онъ работаетъ на магазинъ; пекарному ремеслу, по крайней мѣрѣ въ городахъ, угрожаетъ опасность, что фабрика отниметъ у ней производство хлѣба; жестяникъ уже не дѣлаетъ жестяной посуды. Словомъ, найдется лишь немного ремеслъ, не испытавшихъ подобныхъ потерь.

c) Къ фабрикѣ переходятъ начальныя стадіи производства. Такъ какъ первоначальная грубая обработка матеріала требуетъ наибольшей затраты силъ, то она особенно побуждала къ примѣненію машинъ, между тѣмъ какъ болѣе тонкая и индивидуальная отдѣлка продукта въ дальнѣйшихъ стадіяхъ процесса производства мало привлекала предпринимателя. Почти во всѣхъ ремеслахъ, обрабатывающихъ металлъ и дерево, матеріалъ фигурируетъ лишь въ видѣ полуфабриката. Скорнякъ употребляетъ уже отдѣланныя мѣха, кузнецъ покупаетъ готовыя подковы, стекольщикъ—оконныя рамы, щеточникъ—разрѣзанныя и продыравленныя дощечки и готовую щетину, плотникъ — вырѣзанный паркетъ и совсѣмъ готовыя двери.

Вначалѣ ремесло обыкновенно не усматриваетъ въ такого рода потеряхъ ущерба для себя, наоборотъ — скорѣе облегченіе. Процессъ производства сокращается; отдѣльный мастеръ можетъ произвести большее количество предметовъ, чѣмъ раньше, а если онъ на каждой штукѣ наживаетъ такую же прибыль, какъ раньше, то его доходъ легко можетъ возрасти, разъ только у него доста-

точно работы. Слесарь, покупающій въ желѣзной лавкѣ, готовыми всѣ оковки, легко можетъ въ продолженіе одного лѣта закончить нѣсколько построекъ, между тѣмъ какъ прежде, когда ему приходилось изготовлять всѣ эти предметы самому въ своей мастерской, онъ, быть можетъ, успѣвалъ довести до конца лишь одну. Но въ большинствѣ случаевъ, благодаря такому подрѣзанію ремесла у его корней, часть мастеровъ все-таки оказывается лишними. А вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и необходимый оборотный капиталъ, такъ какъ теперь ремесленнику приходится покрывать не только расходъ на сырой матеріалъ, но и издержки по производству полуфабриката, да сверхъ того еще прибыль на капиталъ фабриканта и купца.

Это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что именно при закупкѣ сырья изъ первыхъ рукъ и правильной его сортировкѣ часто получается самый большій барышъ. Поэтому торговля нерѣдко овладѣвала этими подготовительными стадіями производства даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было и думать о машинномъ производствѣ полуфабриката. Но вѣдь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что дѣла работника по дереву обстояли лучше, когда онъ еще могъ покупать дерево въ лѣсу въ видѣ древесныхъ стволовъ, чѣмъ теперь, когда онъ пріобрѣтаетъ его у торговца деревомъ въ формѣ досокъ, планокъ, фанерокъ, что щеточникъ зарабатывалъ больше, когда онъ пріобрѣталъ щетину въ сыромъ видѣ у мясника, чѣмъ теперь, когда онъ долженъ покупать ее приготовленной въ безчисленныхъ сортахъ у щетинника.

Правда, эта торговля полуфабрикатами очень удобна для ремесленника: у купца можно получить и самое незначительное количество матеріала. Но именно это немало содѣйствовало упадку ремесла, такъ какъ въ настоящее время подмастерье можетъ начать собственное дѣло почти безъ капитала. Такъ напримѣръ, и въ сапожномъ промыслѣ возникновеніе заготовочныхъ мастерскихъ первоначально въ высокой степени содѣйствовало развитію мелкаго производства, но не потому, что оно сокращало процессъ производства сапожника, а потому, что оно давало ему возможность для каждой отдѣльной пары сапогъ покупать голенища въ заготовочныхъ магазинахъ, въ то время какъ раньше онъ вынужденъ былъ купить у кожевника по крайней мѣрѣ одну цѣлую кожу.

Особенно интересно это сочетаніе фабрично-машинной предварительной обработки и ремесленной отдѣлки тамъ, гдѣ вся производительная часть трудового процесса уходитъ отъ ремесла. Въ такихъ случаяхъ ремесленникъ вообще только тогда можетъ удержаться, если продуктъ требуетъ прикрѣпленія или приспособленія къ мѣсту; но онъ опускается вновь до степени работающаго на заказъ. Такъ, роль слесаря и плотника (послѣдняго—относительно купленныхъ въ готовомъ видѣ дверей, паркетовъ) сводится лишь къ приколачиванію: такова же роль кузнеца, покупающаго готовыя подковы.

Съ другой стороны, благодаря сокращенію процесса производства, предпріятіе принимаетъ болѣе капиталистическій характеръ, оборотъ увеличивается. Но жизненный элементъ ремесла составляетъ не прибыль на капиталъ, а трудовой заработокъ,—послѣдній же во всякомъ случаѣ сокращается.

d) Появленіе новыхъ сырыхъ матеріаловъ и методовъ производства, болѣе подходящихъ для крупной промышленности, чѣмъ тѣ, которые до того употреблялись въ ремеслѣ, лишаетъ ремесло части его области производства. Напомню хотя бы появленіе гнутой (вѣнской) мебели, фабрикацію проволочныхъ гвоздей и ея вліяніе на гвоздарный промыселъ, выдѣлку проволочныхъ канатовъ въ противоположность производству конопляныхъ канатовъ, вторженіе гуттаперчи въ область потребленія кожи и полотна и т. п. Появленіе эмалированной кухонной посуды сократило производство гончаровъ, жестяниковъ и мѣдниковъ; изобрѣтеніе переплетнаго полотна (вмѣсто кожи и пергамента) проложило путь машинному переплетному производству въ крупныхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ, ремесло подвергается въ различныхъ мѣстахъ аттакамъ со стороны новыхъ формъ производства, по большей части не имѣя даже возможности сопротивленія,—часто подъ красивой маской болѣе сильнаго друга, желающаго облегчить ему его бремя, пока въ концѣ концовъ у него не остается ничего, что могло бы возбуждать аппетитъ предпринимательскаго капитала.

3. Теперь мы переходимъ къ тѣмъ случаямъ, когда ремесло теряетъ свою самостоятельность вслѣдствіе включенія въ крупное предпріятіе. Каждое значительное предпріятіе, будетъ ли то фабричное, торговое или транспортное дѣло, нуждается въ разнообразномъ ремесленномъ трудѣ. Пока такой работы немного, ее передаютъ

мастерамъ на домъ; но когда она возрастаетъ и становится болѣе или менѣе постоянной, тогда выгоднѣе устроить для нея добавочную мастерскую въ собственныхъ помѣщеніяхъ предпріятія. Каждый крупный, пивоваренный заводъ или виноторговля имѣетъ въ настоящее время свои собственныя бочарныя мастерскія; конно-желѣзныя дороги содержатъ кузнечныя, сѣдельныя, каретныя и слесарныя мастерскія: фабрики консервовъ имѣютъ собственныя мастерскія для изготовленія жестянокъ; на корабельной верфи держатъ столяровъ и обойщиковъ для внутренной отдѣлки пассажирскихъ пароходовъ; почти каждый крупный заводъ имѣетъ слесарную и починочную мастерскую. Понятно, что мастеръ, вступающій въ такое крупное заведеніе въ качествѣ завѣдующаго спеціальной мастерской, теряетъ свою независимость, но зато онъ занимаетъ до извѣстной степени самостоятельное и, прежде всего, обезпеченное положеніе.

Для свободныхъ ремесленниковъ потеря такихъ крупныхъ покупателей имѣетъ весьма плачевные результаты, и указанная система можетъ довести прямо до вымиранія цѣлыя ремесла, какъ напримѣръ, токарное ремесло, включаемое во всѣ производства, которыя употребляютъ его продукты въ качествѣ полуфабрикатовъ. Однако, такой образъ дѣйствія имѣетъ слишкомъ большое значеніе въ смыслѣ экономіи, чтобы можно было съ нимъ бороться.

Кстати сказать, рабочіе для этихъ добавочныхъ мастерскихъ при крупныхъ предпріятіяхъ обыкновенно получаютъ свою профессіональную подготовку въ ремеслѣ, пока оно еще существуетъ самостоятельно. Въ немъ въ такомъ случаѣ можетъ быть занято очень большое число учениковъ между тѣмъ какъ спросъ на трудъ подмастерьевъ на рынкѣ превышаетъ количество, которое требуется ремесломъ. Этимъ объясняется то, что, напримѣръ, въ слесарномъ промыслѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается въ десять разъ больше учениковъ, чѣмъ подмастерьевъ.

4. Ремесло оскудѣваетъ вслѣдствіе измѣненій въ характерѣ спроса или же совершенно погибаетъ изъ-за исчезновенія спроса. Такія измѣненія имѣли мѣсто во всѣ времена (напомню хотя бы употребленіе пергамента и париковъ), но никогда, быть можетъ, въ такой степени, какъ въ наше быстро стремящееся впередъ время. Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ.

Бочаръ изготовлялъ для хозяйства нашихъ бабушекъ разные сосуды, которые мы бы теперь напрасно искали въ домашнемъ хозяйствѣ, по крайней мѣрѣ въ городахъ: чаны для мяса, кадки для кислой капусты и фасоли, лоханки для стирки, ведра для воды, бочки для дождевой воды, даже ванны и приспособленія для стирки. Мы уже не дѣлаемъ запасовъ мяса и консервированныхъ овощей; воду доставляетъ намъ водопроводъ, а мѣсто небольшихъ деревянныхъ сосудовъ заняли сосуды изъ жести, фарфора и фаянса. Другимъ примѣромъ можетъ служить токарь, который прежде доставлялъ почти для каждаго хозяйства одну или нѣсколько прялокъ, катушекъ и мотовилъ. Теперь прялка снизошла на степень образца „древне-нѣмецкаго быта". Правда, оба ремесла, вмѣсто потерянныхъ покупателей, пріобрѣли новыхъ: бочаръ, напримѣръ, благодаря участившейся упаковкѣ предметовъ въ бочки. Но новые кліенты—это фабрики, которыя, какъ только это оказывается возможнымъ, присоединяютъ къ себѣ бочарное ремесло, какъ побочное производство. Третій примѣръ представляетъ промыселъ оловянника. Оловянныя тарелки и чашки, которыя имѣлись почти въ каждомъ хозяйствѣ, какъ городскомъ, такъ и крестьянскомъ, вышли изъ моды. Ихъ мѣсто заняли фарфоръ и фаянсъ и вслѣдствіе этого оловянное ремесло почти совсѣмъ потеряло почву подъ ногами. Наконецъ, напомню объ измѣненіяхъ въ характерѣ потребностей, вызванныхъ крупнымъ переворотомъ въ области передвиженія и отразившихся въ особенности на сѣдельникахъ, сумочникахъ и скорнякахъ.

5. Послѣднюю категорію случаевъ составляютъ тѣ, когда ремесло попадаетъ въ совершенную зависимость отъ торговли: мастеръ становится кустаремъ, такъ какъ его произведенія только чрезъ посредство магазина могутъ дойти до потребителя. Причина этого явленія двоякая: съ одной стороны, дороговизна помѣщеній въ центрѣ города, что заставляетъ ремесленника нанимать помѣщеніе для мастерской и квартиру гдѣ-нибудь подъ чердакомъ или на заднемъ дворѣ, гдѣ трудно его найти и гдѣ во всякомъ случаѣ не станетъ его розыскивать болѣе состоятельная публика: съ другой стороны, склонность публики покупать только тамъ, гдѣ имѣется большой выборъ и гдѣ владѣлецъ заведенія хорошо обслуживаетъ, т. е. присылаетъ на домъ образцы, беретъ обратно оказавшійся не подходящимъ товаръ и т. п. Такіе предметы, какъ

щетки, гребенки, изящныя плетеныя и кожаныя вещи, небольшіе деревянные и металлическіе предметы, мы въ большихъ городахъ почти никогда не покупаемъ непосредственно у производителя, а пріобрѣтаемъ въ галантерейныхъ или мануфактурныхъ магазинахъ: мы даже дѣлаемъ тамъ заказы, когда желаемъ, чтобы намъ изготовили предметъ по нашему вкусу. Кто въ настоящее время еще заказываетъ визитныя карточки у типографа или столикъ съ курительными принадлежностями у токаря? Кто имѣетъ возможность ежедневно видѣть на улицахъ, по которымъ ему и такъ приходится многократно проходить, всѣ необходимые ему предметы, выставленными въ окнахъ въ совершенно готовомъ видѣ, такъ что онъ каждую минуту можетъ пріобрѣсти то, что ему нужно, тотъ не захочетъ таскаться въ отдаленное предмѣстіе въ угоду погибающему ремеслу, чтобы тамъ, послѣ долгихъ разспросовъ, подняться по темной лѣстницѣ въ четвертый или пятый этажъ и сдѣлать свой заказъ, который притомъ, быть можетъ, и не будетъ исполненъ къ сроку. Станетъ ли тотъ, кто въ мебельномъ магазинѣ находитъ все, что относится къ квартирной обстановкѣ, станетъ ли молодая хозяйка, которая въ посудномъ магазинѣ можетъ въ нѣсколько часовъ выбрать себѣ полную кухонную обстановку, разыскивать полъ-дюжины ремесленниковъ, при содѣйствіи которыхъ она лишь чрезъ нѣсколько недѣль можетъ достигнуть своей цѣли?

Таковы основныя черты преобразовательнаго процесса, совершающагося въ настоящее время въ области ремесла. Изъ нашихъ изслѣдованій мы въ заключеніе имѣемъ право сдѣлать тотъ самъ собой напрашивающійся выводъ, что ремесло во всѣхъ случаяхъ, когда оно доставляетъ непосредственно годные къ употребленію и не подвергающіеся быстрой порчѣ предметы, которые можно изготовлять по опредѣленному шаблону для удовлетворенія массовыхъ потребностей, подвергается громадной опасности даже въ томъ случаѣ, если производство не превосходитъ его въ техническомъ отношеніи. Это, слѣдовательно, тѣ случаи, когда продуктъ, безъ дальнѣйшей помощи производителя, можетъ быть употребляемъ потребителемъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ торговля въ своихъ многообразныхъ развѣтвленіяхъ вплоть до разносной торговли (коробейничество) должна все болѣе и болѣе стать общимъ ликвидаціоннымъ

учрежденіемъ для промысловъ. Ремесло должно, поскольку это возможно, специализироваться; оно можетъ спастись отъ закабаленія магазиномъ, только принявъ мелко-капиталистическій характеръ. Соединеніе лавки съ мастерской тогда неизбѣжно.

Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда продуктъ ремесленника долженъ быть приложенъ къ определѣнному мѣсту или индивидуально приспособленъ, ремесленникъ не теряетъ, по крайней мѣрѣ, связи съ потребителемъ. Но въ болѣе крупныхъ городахъ онъ даже и при этихъ условіяхъ можетъ удержаться лишь въ томъ случаѣ, когда или спросъ достигъ уже значительной концентраціи (слесари, всѣ вообще строительные рабочіе и т. п.), или же ремесленникъ содержитъ магазинъ, въ которомъ сосредоточиваются заказы (жестяники, сѣдельники, портные). Въ обоихъ случаяхъ опять-таки жизнеспособнымъ оказывается только мелкокапиталистическое производство.

Это подтверждается результатами „анкеты объ условіяхъ ремесленнаго труда". Повсюду въ городахъ количество мастеровъ относительно сильно уменьшилось, число же помощниковъ увеличилось, т. е. заведенія стали больше. И еще въ болѣе значительной степени долженъ былъ возрасти ихъ капиталъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ верхнимъ слоемъ городского ремесла, который сохранился благодаря отвѣчающему требованіямъ современности способу производства и, вѣроятно, сохранится также и въ будущемъ. При одинаковыхъ условіяхъ публика всегда предпочтетъ лавку ремесленника лавкѣ купца, хотя бы изъ-за починокъ и изъ-за лучшаго знанія дѣла мастеромъ. А послѣдняго, въ свою очередь, дальнѣйшее веденіе мастерской предохраняетъ отъ безработицы, въ которую легко впадаетъ городской лавочникъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ деревнѣ. Здѣсь тѣ причины вытѣсненія ремесла, которыя вытекаютъ изъ видоизмѣненій въ характерѣ спроса и изъ городскихъ квартирныхъ условій, дѣйствуютъ въ гораздо болѣе слабой степени. Спросъ здѣсь еще не такъ концентрированъ, онъ часто носитъ индивидуальный характеръ: каждый лично знакомъ съ ремесленникомъ и съ его домомъ. Мы имѣемъ предъ собой сосѣдей, товарищей по школѣ, кумовей, а это все играетъ значительную роль и въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Здѣсь еще существуетъ настоящая почва для ремесла. Ремесленникъ часто самъ обрабатываетъ клочекъ земли: во время

жатвы онъ помогаетъ сосѣду косить и т. п.; у него собственный домикъ — словомъ, существованіе его не зависитъ исключительно отъ доходности ремесла. Въ ремеслѣ господствуетъ еще работа на заказъ или же зачетъ взаимныхъ требованій.

Я считаю существованіе всѣхъ ремеслъ, которыя вообще имѣютъ почву въ деревнѣ, обезпеченнымъ на продолжительное время. Конечно, и они не остаются совершенно незатронутыми переворотами, которымъ подвергается городская промышленность. И въ деревнѣ жестяникъ обыкновенно не изготовляетъ уже самъ жестяной посуды, а кузнецъ пользуется купленными подковами. Но обычай въ области потребленія не мѣняется здѣсь такъ быстро: спросъ остается въ значительной мѣрѣ индивидуальнымъ и имѣется сравнительно гораздо больше починокъ; мало того, земледѣльческія машины доставили слесарю, кузнецу, жестянику, бочару, столяру, новую работу по починкѣ. Въ 1895 г. въ Германіи приблизительно 52% мастеровъ находились въ деревнѣ. Что касается густоты ремесленнаго населенія, то деревня сравнялась въ этомъ отношеніи съ городомъ. Правда, въ деревнѣ число одиночныхъ мастеровъ (работающихъ безъ подмастерьевъ) особенно велико; въ Пруссіи среднее число подмастерьевъ съ 1861 г., повидимому, немного уменьшилось; число же учениковъ сравнительно высоко. Но изъ-за этого нечего безпокоиться. Соотношеніе подмастерьевъ къ числу мастеровъ въ настоящее время въ деревнѣ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ оно было сто лѣтъ тому назадъ въ городахъ, и судя по всему, что объ этомъ извѣстно, положеніе деревенскихъ ремесленниковъ представляется хотя и скромнымъ, но все же вполнѣ удовлетворительнымъ. Въ этомъ сходятся имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи отчеты относительно Силезіи, Саксоніи, Восточной Фрисландіи, Бадена и Эльзаса. Несомнѣнно, среди деревенскихъ ремесленниковъ имѣются и пролетаріи; но ихъ можно было найти въ ремеслѣ во всѣ эпохи.

Тѣ, которые смотрятъ на ремесло, какъ на идеальную форму промышленности, долго восхваляли два средства, которыя должны опять вернуть силы и мощь падающему среднему сословію; да и теперь еще многіе вѣрятъ въ ихъ цѣлебную силу.

Первое изъ нихъ — это „возвратъ къ художественной промышленности". Этотъ взглядъ проводится съ большимъ усердіемъ въ теченіе почти 30 лѣтъ; въ угоду ему учреждались музеи, профессіональныя

школы, учебныя мастерскія, устраивались выставки и конкурсы на преміи. Но опытъ вскорѣ показалъ, и анкета, произведенная „Союзомъ соціальной политики“ вновь подтвердила, что отъ этихъ усилій на долю мелкаго производства пользы вышло очень мало. Лишь слесарное ремесло въ отдѣльныхъ случаяхъ выиграло кое-что, благодаря тому, что снова вошли въ употребленіе рѣшетки, перила, фонари и т. п. изъ кованнаго желѣза. Въ остальномъ же экономическаго успѣха художественная промышленность достигла только въ фабричныхъ предпріятіяхъ крупнаго и даже крупнѣйшаго размѣра, какъ напримѣръ, въ переплетномъ дѣлѣ, въ производствѣ художественной мебели, въ керамикѣ.

Второе средство — распространеніе небольшихъ двигателей и примѣненіе электрической энергіи: это должно даже самому мелкому мастеру доставить возможность пользоваться рабочими машинами въ своей мастерской. Даже такіе люди, какъ В. Сименсъ и Ф. Рейло возлагали огромныя надежды на распространеніе этихъ техническихъ изобрѣтеній. Они исходили изъ того положенія, что суть только въ томъ, чтобы устранить техническое превосходство крупнаго производства, а оно вѣдь въ значительной степени основывается на примѣненіи машинъ, сберегающихъ трудъ.

Но при этомъ они страннымъ образомъ упустили изъ виду, что двигательная сила обходится тѣмъ дороже, чѣмъ въ меньшемъ масштабѣ она примѣняется. Согласно выкладкамъ Риделя въ „Zentralblatt für deutsche Ingenieure“ за 1891 г., общія издержки на небольшихъ размѣровъ двигателя за одинъ часъ и одну лошадиную силу при 10-часовой работѣ равняются (въ пфеннигахъ):

Родъ двигателя:	Количество лошадиныхъ силъ.					
	1/4	1/2	1	2	3	4	6
Малый паровой двигатель	—	—	30	22	19	17	15
Газовый двигатель [1]	52	37	24	19	17	17	15
Пневматическій двигатель . . .	41	30	25	20	19	18	17
Электрическій двигатель	66	55	46	40	37	—	
Керосиновый двигатель	—	80	60	35	28	25	22

Уравненіе двухъ заведеній въ техническомъ отношеніи равносильно хозяйственному уравненію ихъ. Для того, чтобы удешевить производство, должна существовать возможность использовать, амортизировать машину. Такъ какъ она не выполняетъ всего процесса производства, а лишь отдѣльныя его части, то

[1] Предположена цѣна газа — 12 пфен. за куб. метръ.

ея непрерывное функціонированіе обусловлено расширеніемъ производства, участіемъ большаго числа рабочихъ, бо́льшими затратами на сырье, на наемъ мастерской и т. п. Но для этого у ремесленника обыкновенно не хватаетъ капитала. А если бы онъ и обладалъ имъ, то на сторонѣ крупнаго производства оставалось бы всетаки преимущество болѣе выгодной закупки сырья, большаго раздѣленія труда, примѣненіе превосходныхъ техническихъ и художественныхъ силъ, лучшія условія сбыта [5]). Трудно понять, какъ умные люди могли всего этого не замѣтить. Стало ли портняжное, сапожное или сѣдельное ремесло болѣе жизнеспособнымъ благодаря швейной машинѣ?

Нужно оставить, слѣдовательно, надежду найти въ этихъ двухъ пунктахъ новую опору для ремесла; таковой вообще больше не существуетъ у большинства ремеслъ въ крупныхъ городахъ. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой сохраняются условія производства непосредственно на потребителя, остается мѣсто для ограниченнаго числа заведеній, преобразованныхъ на капиталистическихъ основаніяхъ. Мѣсто ремесленниковъ занимаютъ другія лица: мелкіе и крупные предприниматели, завѣдующіе мастерскими и квалифицированные рабочіе на фабрикахъ, подрядчики и кустари. Матеріальное положеніе всѣхъ этихъ группъ, за исключеніемъ послѣдней, лучше, чѣмъ положеніе большинства прежнихъ мелкихъ мастеровъ. Но довольны ли они болѣе своей судьбой и счастливѣе ли, это другой вопросъ.

Изложенное нами до сихъ поръ характеризуетъ болѣе тенденцію развитія, чѣмъ настоящее состояніе ремесла. Но нельзя себя этимъ обманывать. Упадокъ совершается медленно, безшумно: сильная нищета, въ родѣ той, какая господствовала среди ручныхъ ткачей, когда они вели отчаянную борьбу съ механическимъ ткацкимъ станкомъ, встрѣчается, быть можетъ, лишь въ производствѣ одежды и бѣлья. Нѣкоторые слои городскаго населенія остались и до сихъ

[5]) Интересное доказательство въ пользу сказаннаго представляютъ въ столярномъ ремеслѣ древообрабатывающія машины. Изъ многочисленныхъ болѣе крупныхъ ремесленныхъ заведеній въ берлинскомъ мебельномъ производствѣ между ними и обезпеченныя капиталомъ заведенія среднихъ размѣровъ, съ 20 и болѣе рабочими — ни одно не ввело у себя этихъ машинъ, хотя во многихъ мастерскихъ Берлина за сравнительно дешевую плату можно нанять двигательную силу любыхъ размѣровъ. Но зато возникли спеціальныя заведенія для рѣзки дерева, и только самыя крупныя мебельныя и плотничьи фабрики завели у себя такія машины.

поръ вѣрны ремесленнику, и еще нѣкоторое время это, вѣроятно, такъ и останется. У подростающаго поколѣнія есть поэтому еще время приспособиться къ новымъ условіямъ. Особенно необходимо для нихъ при этомъ лучшее образованіе, какъ общее, такъ и коммерческое и техническое. Дѣльные и благоразумные люди имѣютъ еще попрежнему возможность работать и выдвинуться. Они не такъ безпомощны, какъ тѣ, которые выходятъ изъ школы и мастерской съ недостаточной подготовкой къ жизни.

Задержать этотъ процессъ мѣрами законодательства, по моему убѣжденію, нѣтъ возможности; его можно было бы въ крайнемъ случаѣ лишь замедлить. Но было ли бы это хорошо?

Въ четвертой статьѣ мы сравнили развитіе формъ промышленности съ развитіемъ путей сообщенія, гдѣ старыя формы, правда, оттѣсняются на задній планъ вновь возникающими, но не уничтожаются ими совершенно. То же самое происходитъ съ ремесломъ. Ремесло не исчезаетъ какъ форма производства, оно вынуждено лишь ограничиться тѣмъ положеніемъ, въ которомъ оно лучше всего можетъ проявить свойственныя ему преимущества. Въ настоящее время это имѣетъ мѣсто въ деревнѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ оно находитъ тѣ условія, на почвѣ которыхъ оно возникло въ средніе вѣка.

По довольно точной оцѣнкѣ, въ Германской имперіи въ 1895 г. насчитывалось около 675.000 мастеровъ съ болѣе чѣмъ полумиллiонномъ подмастерьевъ и учениковъ, всего вмѣстѣ приблизительно $1^1/_5$ милл. работниковъ. Если присчитать сюда семьи мастеровъ, то при низкой оцѣнкѣ мы получимъ свыше 3 милл. людей. Большую часть этой сферы ремесло завоевало въ XIX столѣтіи. Съ соціально-политической точки зрѣнія нѣтъ основанія ломать по этому поводу руки вмѣстѣ съ мастерами мѣстечекъ, которые потеряли своихъ деревенскихъ потребителей. Скорѣе, наоборотъ.

Во времена эгоистической замкнутости цеховъ, когда тысячи подмастерьевъ, которые нигдѣ не могли добиться правъ мастера, были выброшены на улицу, у кузнецовъ-подмастерьевъ существовала поговорка, которую иногородній подмастерье произносилъ передъ старшиной подмастерьевъ [6]). Она гласила: „Я не былъ

[6]) Ch. L. Stock: Grundzüge der Verfassung des Gesellenwesens der deutschen Handwerker, стр. 82.

еще мастеромъ, но надѣюсь стать имъ современемъ; если не здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ, на милю отъ городской ограды, гдѣ собаки перескакиваютъ черезъ заборы, такъ что заборы трещатъ: тамъ хорошо быть мастеромъ".

То, что тогда было послѣднимъ якоремъ спасенія кузнецовъ-подмастерьевъ — поселеніе въ деревнѣ, является сегодня тѣмъ же для многихъ тысячъ подмастерьевъ-ремесленниковъ, чувствующихъ, что они не доросли до тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ городская жизнь. Для деревни эта примѣсь промышленныхъ элементовъ къ сельскому населенію составляетъ значительный соціальный и хозяйственный прогрессъ и существованіе, которое возникаетъ тамъ, на почвѣ ремесла, принадлежитъ къ самымъ здоровымъ въ нашемъ обществѣ, конечно, если мы будемъ прилагать къ нимъ естественную мѣрку стараго ремесла, а не искусственный масштабъ, почерпнутый изъ фантазіи романтиковъ въ области экономической политики.

Ибо главная причина жалобъ и нареканій, раздающихся почти съ самаго начала новѣйшей хозяйственной эпохи со стороны остатковъ городского ремесла, кроется въ ложномъ представленіи о той степени благосостоянія, которую вообще можетъ дать ремесло какъ форма промышленности. Въ средніе вѣка оно было сравнительно значительно, такъ какъ положеніе ремесленника измѣрялось положеніемъ того соціальнаго слоя, который слѣдовалъ непосредственно за нимъ и изъ котораго онъ самъ не рѣдко происходилъ—крѣпостнаго сословія, деревенскихъ „бѣдняковъ". По сравненію съ положеніемъ этого крайне угнетеннаго сословія, ремесло „имѣло золотое дно", т. е. оно давало постоянный денежный заработокъ, и обезпечивало представителямъ его гражданскую свободу въ то время, какъ крестьянинъ беззащитно подвергался всѣмъ превратностямъ натуральнаго хозяйства и сверхъ того еще притѣсненіямъ со стороны землевладѣльца. Было бы ошибочно предполагать, что средневѣковые ремесленники въ среднемъ обладали значительнымъ капиталомъ. Почти наравнѣ съ ремесленниками стояли розничные торговцы. Съ тѣми, кто стоялъ повыше, они себя не сравнивали (городскіе патриціи, дворянство); при господствѣ сословнаго государства каждый доволенъ, если на его долю выпадетъ то, что признается соотвѣтственнымъ сословію, къ которому онъ принадлежитъ.

Нынѣшній соціальный строй основанъ на профессіональныхъ классахъ и на свободномъ выборѣ профессіи. При такихъ условіяхъ всякій сравниваетъ себя со всѣми другими, такъ какъ нѣтъ юридической преграды, которая отдѣляла бы его отъ другихъ. А въ сравненіи съ другими классами современнаго общества положеніе ремесла даже тамъ, гдѣ оно представляется еще вполнѣ жизнеспособнымъ, весьма скромное. Получается впечатлѣніе, будто всѣ другіе классы поднялись и только ремесленники остались на томъ же мѣстѣ. Тамъ же, гдѣ ремесло борется за свое существованіе, оно представляетъ грустную картину гибели.

Безъ сомнѣнія, нельзя съ легкимъ сердцемъ относиться къ тому факту, что исчезаетъ широкій слой самостоятельныхъ маленькихъ людей, составлявшихъ ядро стараго городского населенія, а его мѣсто занимаетъ не связанная между собой масса зависимыхъ работниковъ. Это потеря для общества, которую въ городахъ, повидимому, ничѣмъ пока нельзя замѣнить. И все-таки это не есть потеря невознаградимая: уже давно дѣйствуютъ тѣ силы, которыя должны ее возмѣстить. Изъ среды зависимыхъ образуется новое „среднее сословіе", превосходящее прежнихъ мелкихъ ремесленниковъ своей хозяйственной энергіей и соціальной приспособленностью,—элементъ общества, который создала и воспитала для своихъ цѣлей современная крупная промышленность. Каждый долженъ подчиняться общей болѣе высокой цѣли, онъ связанъ прочными узами долга прежде всего съ тѣмъ предпріятіемъ, гдѣ онъ работаетъ, а затѣмъ уже черезъ это послѣднее со всѣмъ національнымъ хозяйствомъ. Если средневѣковая цеховая организація ставила на первомъ планѣ „общее благо", которому должны были служить цеховыя предписанія, то кто осмѣлится утверждать, что и современныя формы промышленности навсегда останутся лишенными публично-правовой организаціи, которая еще гораздо болѣе совершеннымъ образомъ будетъ содѣйствовать общему благу? Много силъ уже находится въ дѣйствіи для созданія этой организаціи, прежде всего на почвѣ свободной національной ассоціаціи: возникаютъ новыя общественныя образованія, подготовляющія новое распредѣленіе соціальныхъ правъ и обязанностей и оберегающія личность. Слѣдуетъ ли намъ терять надежду, что въ нихъ найдетъ мѣсто и высшій идеалъ человѣчества?

ОПЕЧАТКА.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
137	6 сверху	мнѣнія	произведенія

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.

